

П. П. ЧЕРКАСОВ

СУДЬБА
ИМПЕРИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «История и современность»

П. П. ЧЕРКАСОВ

**СУДЬБА
ИМПЕРИИ**

**ОЧЕРК КОЛОНИАЛЬНОЙ
ЭКСПАНСИИ ФРАНЦИИ
в XVI—XX вв.**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1983

Ч 48 Черкасов П. П. Судьба империи. М., 1983. 183 с. (История и современность)

К началу второй мировой войны Франция имела вторую по величине (после Британской) колониальную империю. В наши дни французская колониальная империя из реальности стала достоянием истории. В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается об истории французского колониализма — от его зарождения в XVI в. до крушения в середине XX в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Д. М. ПРОЭКТОР

© Издательство «Наука», 1983 г.

Ч $\frac{0504000000-172}{042(02)-83}$ 26-83 (кат. III)

ОТ АВТОРА

История колониализма вообще, и французского в частности, не есть что-то обособленное, хотя в ней, несомненно, имеется своя специфика. История колониализма является неотъемлемой, составной частью как всемирно-исторического процесса, так и национальной, французской в частности, истории. Развитие колониальной экспансии Франции органически связано с ее экономической и политической историей, борьбой классов и партий, с ролью Франции в системе международных отношений, с деятельностью ее руководителей — от короля Франциска I и кардинала Ришелье до президентов Ш. де Голля и Ф. Миттерана. Изучение истории французского колониализма предполагает учет всех названных и неназванных факторов. Освещение истории французской колониальной империи было бы невозможно без учета главнейшей противодействующей колониализму силы — национально-освободительного движения, ставшего историческим могильщиком колониализма.

Теперь, когда с колониализмом в общем и целом покончено, когда от прежних мировых колониальных империй, занимавших добрую половину земной суши, остались жалкие островки, для историков настало время воссоздать целостную научную картину колониальной экспансии от ее истоков на заре капитализма до бесславного краха на третьем этапе общего кризиса капиталистической общественно-экономической формации. К настоящему времени накоплен богатейший историографический материал по этой важной в научном и политическом отношениях теме, а 20-летняя историческая дистанция, отделяющая нас от пачала повсеместного крушения колониальной системы мирового капитализма, позволяет дать более взвешенные оценки.

Перед автором стояла сложная, комплексная задача. Ее решение (успешное или нет — об этом судить читателю) было в значительной мере облегчено наличием работ советских исследователей по тем или иным частным проб-

лемам. На эти работы автор опирался при написании своей книги.

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой краткий очерк истории некогда второй по величине — после Британской, — а теперь практически исчезнувшей с политической карты мира французской колониальной империи. «Биография» этой империи типична: она состоит из трех основных этапов, определивших соответственно и структуру книги, — рождение империи, ее «освоение» и крушение. Хронологические рамки книги достаточно широки: они охватывают почти 500-летний период. Естественно, автору пришлось сосредоточить свое внимание лишь на основных, наиболее важных проблемах и аспектах темы.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность работникам кабинета истории Института научной информации по общественным наукам АН СССР Э. И. Усковой, Т. В. Клушиной и Е. Ю. Гах за постоянно доброжелательную помощь и содействие в работе над книгой.

Глава 1

СОЗДАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

В последних числах ноября 1095 г. столица Оверни стала местом невиданного зрелища. Такого наплыва гостей древний Клермон не помнил с античных времен: 13 архиепископов, 225 епископов, 400 аббатов и других духовных сановников, европейские государи, крупные феодалы и множество рыцарей из разных стран заполнили город. Приезжих собралось столько, что для всех не хватило помещений, и многие вынуждены были расположиться за городской чертой под открытым небом.

В сопровождении кардиналов в город торжественно въехал сам глава римско-католической церкви — папа Урбан II. До своего избрания на папский престол в 1088 г. этот отпрыск французской аристократической фамилии, Оттон Остийский, долгое время был монахом в Ключийском аббатстве, затем получил сан епископа и был замечен папой Григорием VII, приблизившим его к себе.

Приезд на родину не был вызван ностальгическими настроениями Урбана II. Решение созвать церковный собор во Франции созрело у него давно и было вызвано рядом неотложных дел.

В течение недели собор обсуждал церковные проблемы. После принятия решения об отлучении от церкви французского короля Филиппа I за то, что он удалил свою супругу и обвенчался с женой графа Анжуйского, собор перешел к главной своей цели: 26 ноября 1095 г. на городской площади при большом стечении народа папа провозгласил крестовый поход в Иерусалим¹. В бумагах Урбана II, с которыми он прибыл в Клермон, находилось письмо, полученное им от византийского императора Алексея Комнина, который обращался к христианскому миру с призывом помочь Византии отразить угрозу со стороны сарацинов, турок-сельджуков и печенегов.

Папа и сам давно подумывал об организации похода к «святым местам». Этого требовали интересы церкви в бор-

бе с исламом, соперничество католицизма с восточной церковью, стремление увеличить количество католических епархий и, следовательно, доходов; наконец, папу беспокоило образование многочисленного слоя безземельных рыцарей, возникшего в результате утверждения системы майората*. Огромное число «обезземеленных» рыцарей были обречены на участие в бесконечных междоусобных войнах, ухудшавших и без того плохое хозяйственное положение стран Западной Европы. К походу в Иерусалим папский престол призывали богатые торговые города (Генуя, Венеция, Марсель), стремившиеся установить прямую торговлю с Востоком без византийского посредничества.

Все эти мотивы в большей или меньшей степени прозвучали в речи Урбана II на Клермонском соборе, произнесенной, как это постоянно подчеркивается во французской историографии, на французском языке. «Земля, на которой вы живете,— сказал папа, обращаясь к „отцам церкви“ и феодалам,— со всех сторон закрыта морями и горами; на ней тесно вашему многочисленному населению; она лишена богатств и едва обеспечивает пропитание тем, кто ее обрабатывает. Именно по этой причине вы непрерывно ссоритесь и истребляете друг друга. Усмирите же вашу ненависть и направьте свои стопы к Гробу Господню... Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда и задремлет междоусобица. Предпримите путь ко Гробу Святому, исторгните ту землю у нечестивого народа и подчините ее себе. Кто здесь горестен и беден, там будет богат»². Указующий перст главы католической церкви направил враждовавших между собой западноевропейских феодалов на сказочный Восток, где, как гласила молва, рыцарей ожидали несметные богатства и воинская слава. Возможность разбогатеть становилась тем более привлекательной, что она освящалась почетной миссией «освобождения Святой Земли и Гроба Господня».

Едва папа закончил свою речь, как воздух над Клермонном огласили восторженные крики многотысячной толпы на латинском и французском языках: «Deus lo volt!», «Dieu le veut!» (Этого хочет Бог!). Тут же многие бросались к папе с просьбой благословить их на поход. Урбан II предусмотрел подобный исход и немедленно объявил зна-

* Майорат — система наследования земельной собственности только старшим сыном.

ком вступления в «святое воинство» красный крест, нашитый на правое плечо.

Речь Урбана II вызвала сильнейшее возбуждение во всех западноевропейских странах. Уже четыре месяца спустя первые отряды крестоносцев устремились на Восток. Началась почти 200-летняя история крестовых походов³. Столь подробный рассказ о предыстории первого крестового похода мог бы показаться излишним и не относящимся к теме данной книги, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что первый крестовый поход, паряду с завоеванием Англии норманнами в 1066 г., во французской исторической литературе принято считать началом колониальной политики Франции. При этом ссылаются на папу-француза, на место проведения церковного собора, провозгласившего поход на Восток, на то, что во главе первого крестового похода были поставлены Раймунд, граф Тулузский и папский легат Гуго Вермандуа, брат французского короля Филиппа I, на то, что почти все военачальники первых крестоносцев были французскими сеньорами.

Как известно, первый крестовый поход, продолжавшийся почти четыре года, завершился завоеванием Иерусалима и обширных районов Ближнего Востока и Северной Африки, где крестоносцы создали свои эфемерные государства. Французская историография подчеркивает тот факт, что во главе Иерусалимского королевства встал Годфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, во главе графства Эдесского — его брат Балдуин; графство Триполи возглавил Раймунд Тулузский. Французский язык, право, архитектура, идеи, марсельская торговля доминировали в государствах крестоносцев. Весь сирийский берег стал фактически французской колонией, где обосновались военно-монашеские ордена Госпитальеров и Тамплиеров, основанные французами.

Второй крестовый поход (1147—1149 гг.) возглавил французский король Людовик VII, а последний, восьмой поход в Тунис (1270 г.) — Людовик IX Святой.

Указания на крестовые походы как на первый акт многовековой колониальной экспансии Франции скорее всего нужны буржуазной историографии для доказательства «исторической обоснованности» позднейших колониальных притязаний Франции, в частности, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Гораздо более важным является выяснение вопроса о реальных последствиях кресто-

вых походов для социально-экономического развития западноевропейских стран, в том числе и Франции.

В «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал: «Со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и вызвала к жизни массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать *новые* инструменты. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени»⁴.

Одним из главных последствий крестовых походов стало заметное оживление экономической активности и торговой экспансии в Западной Европе. Во Франции крестовые походы во многом способствовали укреплению королевской власти. «Король Франции,— отмечает французский историк Ж. Арди,— извлек из крестовых походов бесспорную пользу: его престиж распространился по всему Востоку до монголов, а его авторитет в самой Франции был укреплен. Между прочим, крестовые походы ослабили, подорвали и истребили феодальные семьи, и король воспользовался этим для того, чтобы утвердить принципы централизма»⁵.

Успешное хозяйственное и политическое развитие Франции надолго было прервано Столетней войной с Англией, начавшейся в 1337 г. Война обескровила страну, на полтора столетия отвлекла все ее силы и ресурсы. Внутренняя и внешняя торговля была блокирована, так как дороги и морские подступы стали небезопасны. Все французские средиземноморские порты были разрушены. Только Нормандия еще сохраняла связи с внешним миром. Именно нормандские торговцы из Дьеппа и Руана первыми проникли в 1364 г. на западноафриканское побережье, где основали торговые фактории в устье Сенегала, в Гамбии и на берегах Сьерра-Леоне. Любопытно, что здесь они опередили даже португальцев.

... Прошло полтора столетия. Неторопливо отсчитывал последние годы XV век. Ничто, казалось, не предвещало крутого поворота в истории старой Европы. Все так же гремели войны и свирепствовали эпидемии, словно соперничающие друг с другом в истреблении рода человеческого. Европейские монархи скрещивали оружие за преобла-

дание на континенте. Королевская власть утверждала себя в борьбе с непокорными феодалами. Медленно, но неудержимо шел процесс государственной централизации; закладывались основы абсолютизма.

И именно в это время в недрах феодализма невидимо, но неотвратимо шел процесс зарождения капиталистических отношений. Три столетия спустя К. Маркс в XXIV главе «Капитала» определит это время как эпоху первоначального накопления, когда массы непосредственных производителей — крестьян превращались в наемных рабочих, а средства производства и денежные богатства — в капитал. Эпоха первоначального накопления стала преддверием новой, капиталистической общественно-экономической формации.

Зарождение капиталистических отношений имело для Западной Европы значительные последствия и в области культуры. Наступала эпоха Возрождения, которую Ф. Энгельс определил как «величайший прогрессивный переворот из всех, пережитых до того времени человечеством»⁶.

С Возрождением неразрывно связана и эпоха Великих географических открытий, наступление которой было ускорено появлением опасности для Западной Европы со стороны Османского султаната.

Развитие турецкой экспансии привело к тому, что уже в начале XVI в. Средиземное море, являвшееся с античных времен главным районом европейской морской торговли, постепенно утрачивает свое прежнее значение.

1453 год. Войска султана Мехмеда II штурмом берут «второй Рим» — Константинополь, с падением которого прекратила существование и Византийская империя. В последующие полтора десятилетия Блистательная Порта захватила Боснию, Албанию и часть Северной Сербии. С каждым годом Османская империя и ислам усиливают нажим на южные границы Европы.

Возникает объективная потребность в новых морских путях. Эта потребность и реализуется в результате Великих географических открытий, ставших одной из самых ярких и вместе с тем драматичных страниц в истории человеческой цивилизации. Разумеется, истоки и движущие пружины географических открытий и последовавших за ними захватов новых земель нельзя свести лишь к политическим причинам. Главное, и это блестяще доказал К. Маркс, было заключено в экономическом развитии западноевропейских стран. Рост товарного производства

в странах Западной Европы, недостаток драгоценных металлов и связанные с этим поиски новых земель, где надеялись найти золото, серебро, пряности, слоновую кость и ценные меха, а также поиски новых торговых путей из Европы в Индию и Восточную Азию — все это в сочетании с созданием надежных средств передвижения по морю (каравелл), с усовершенствованием компаса и морских карт сделало объективно необходимыми и возможными географические открытия конца XV — первой половины XVI в.

Таким образом, зарождение и развитие новой общественно-экономической формации и вызвали, казалось бы, внезапную, словно порожденную каким-то неведомым вирусом «болезнь» заморских странствий, охватившую Португалию, Испанию, Нидерланды, Англию, итальянские города, Францию — всю тогдашнюю Западную Европу.

С 80-х годов XV в. одна за другой снаряжаются дальние морские экспедиции.

1488 г. Португальцы Диегу Кан, Бартоломеу Диаш и другие исследуют западное и южное побережье Африки.

1492—1494 гг. Христофор Колумб открывает Америку, Багамские и Антильские острова.

1497—1499 гг. Васко да Гама открывает морской путь из Западной Европы вокруг Южной Африки в Индию.

1498—1502 гг. Христофор Колумб, Монсо де Охеда и Америго Веспуччи обследуют северное побережье Южной Америки, ее восточный (бразильский) берег и Карибский берег Центральной Америки.

1513—1525 гг. Испанцы пересекли Панамский перешеек и достигли Тихого океана, открыли залив Ла-Плата, полуострова Флорида и Юкатан, исследовали побережье Мексиканского залива, завоевали Мексику и обследовали атлантический берег Южной Америки.

1519—1522 гг. Фернан Магеллан совершил первое круговое плавание.

1526—1552 гг. Испанцы Франсиско Писарро, Диего де Альмагро, Педро де Вальдивия, Г. Кесада и Франсиско де Орельяна открыли тихоокеанское побережье Южной Америки.

На монополию в области приобретения новых, неизвестных прежде земель претендовали Испания и Португалия. Папская булла 1454 г. уступала Португалии все земли, которые будут открыты на Африканском континенте. После первого путешествия Колумба короли Испании

настоячиво просят папский престол заранее закрепить за ней все земли, которые будут открыты на Западе. 2 мая 1493 г. булла папы Александра VI предоставила Испании такие права. В ожесточенном испано-португальском соперничестве верх одержала более сильная Испания. По Тордесильяскому договору от 7 июня 1494 г. Португалия согласилась уточнить «линию раздела» вновь открываемых земель. В известном смысле об этом договоре можно говорить как о первой в истории попытке раздела мира.

Континентальное и морское могущество Испании достигло своего апогея в первой половине XVI в. при Карле V. «Это было время, — писал К. Маркс, — когда Васко Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии»⁷.

Но уже тогда на пути, выражаясь современным политическим языком, глобальных амбиций Испании все решительнее вставала Франция. Победоносное окончание Столетней войны с Англией в 1453 г. стало исходным пунктом экономического возрождения Франции и ее политического возвышения в Европе. Быстрыми темпами восстанавливались прерванные войной хозяйственные связи между отдельными провинциями Франции. Ускоренно шло формирование единого внутреннего рынка. Создавался единый французский язык. Длительная борьба Людовика XI с бургундским герцогом Карлом Смелым завершилась в 1477 г. победой короля и присоединением к Франции Бургундии, Пикардии и Прованса (с Марселем), что явилось решающим шагом к преодолению феодальной раздробленности.

Встав на пути гегемонистских притязаний Испании в Европе, Франция проявляет растущий интерес и к колониальным приобретениям. Когда в 1515 г. французский престол унаследовал Франциск I, экспедиционная горячка в Западной Европе была в самом разгаре. По всем причинам, географическим, экономическим и политическим, Франция не могла остаться в стороне от борьбы за обладание новыми землями.

Еще Страбон в своей «Географии» указывал на выгодное положение Галлии, имеющей широкие выходы в океан и Средиземное море. И действительно, самой географией

Франции предначертано было вести активную политику морской и колониальной экспансии. Тем не менее Франция долгое время отставала в этом отношении от Испании и Португалии. Главная причина такого положения заключалась в непрерывных длительных войнах на континенте, в которые Франция была вовлечена в XIV—XV вв., а затем в ожесточенных религиозных распрях XVI в., целиком поглощавших внимание центральной власти. И все же именно в начале XVI в. Франция приступает к открытию и освоению новых земель; с этого времени и можно понастоящему датировать начало французской колониальной истории.

Первый период истории колониальных захватов приходится на эпоху первоначального накопления. Если важнейшим условием интенсивного развития процесса первоначального накопления было освобождение крестьянства от личной крепостной зависимости, то мощным фактором ускорения этого процесса, безусловно, являлись колониальные захваты и хищническая эксплуатация населения колоний. «Колонии,— писал К. Маркс,— обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут же превращались в капитал»⁸.

В захваченных колониях создавались крупные плантационные хозяйства с использованием рабского труда негров, которых усиленно стали вывозить из Африки в Америку. Работорговля приобрела колоссальные масштабы. Одним из ее последствий, как указывал К. Маркс, было развитие мирового рынка. «Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности»⁹.

Таким образом, явившись одним из основных источников первоначального накопления, колониальная экспансия XVI—XVII вв. содействовала ускорению процесса разложения феодализма и возникновению капиталистических отношений в Западной Европе.

Но вернемся во Францию короля Франциска I. Король любил повторять: «Солнце светит для меня, как и для других; я хотел бы видеть статью завещания Адама, которая исключает меня из раздела мира»¹⁰. Слова эти явно были

адресованы Карлу V, могущественному властителю Испании. При Франциске I поиски и приобретение новых земель впервые становятся государственным делом.

Вслед за португальскими и испанскими мореходами, авантюристами, завоевателями и купцами в Атлантический океан устремились корабли французских негодяев. Еще в 1488 г. дьеппский купец Жан Кузен достиг мыса Доброй Надежды, а в 1504 г. некий Бино Польмье де Гонвиль из Гонфлера на небольшой каравелле добрался до берегов Бразилии, пробыл там несколько месяцев и на обратном пути, уже в европейских водах, был ограблен пиратами. Французские порты Сен-Мало, Руан, Гавр, Дьепп и Гонфлер уже в первой половине XVI в. почти ежедневно отправляют рыбацьи суда и целые рыболовные флотилии к берегам Ньюфаундленда.

В 1534 г. по указу короля Франциска I была снаряжена морская экспедиция капитана Жака Картье, которому суждено было открыть Канаду, названную Новой Францией. В королевской инструкции Картье предписывалось «отправиться в новые земли, открыть те острова и страны, где, как говорят, должно находиться большое количество золота»¹¹. Получив вместе с благословением Франциска I 6 тыс. ливров из казны, Картье отправился на двух судах в Атлантику. В том же 1534 г. он достиг берегов Новой Земли и Лабрадора, объявив эти земли собственностью французской короны. На кресте, воздвигнутом им 24 июля 1534 г., было начертано: «Да здравствует король Франции!»¹². По возвращении из плавания Картье был объявлен королем, который санкционировал вторую экспедицию с целью более глубокого проникновения в устье р. Св. Лаврентия и установления контактов с «дикими вождами». На этот раз король отпустил Картье 9 тыс. ливров, которые пошли на снаряжение трех кораблей с экипажем из 100 человек. Вторая экспедиция Картье продолжалась с 1535 по май 1536 г.

Пять лет спустя, в 1541 г., пикардийский дворянин Жан-Франсуа де ла Рок, сеньор де Роберваль заинтересовал короля новой канадской экспедицией, пообещав Франциску I найти богатые золотоносные месторождения. Король дал свое согласие и назначил де Роберваля вице-королем и генерал-лейтенантом Новой Франции. Казна отпустила ему 45 тыс. ливров, а Франциск I предоставил право отобрать в тюрьмах королевства для участия в экспедиции необходимое число осужденных, приговоренных

к смертной казни или к пожизненному заключению. Де Роберваль отправился в путь. Одновременно в августе 1541 г. Жак Картье на пяти судах отплыл в Новую Францию, где должен был встретиться с де Робервалем. Прибыв на место, где позднее был основан г. Квебек, Картье в течение девяти месяцев тщетно ожидал вице-короля Канады. Де Роберваль не нашел обещанных Франциску I золота и привесов и, потеряв много людей, не смог соединиться с Картье. В 1544 г. он был отозван во Францию. Проекты освоения Канады были отложены на полвека.

В самой Франции в это время разворачивались события, на несколько десятилетий затормозившие развитие колониальной экспансии. После смерти Франциска I в 1547 г. страна была ввергнута в ожесточенные религиозные войны между католиками и гугенотами. Правда, и в это время предпринимались отдельные попытки колониальных приобретений. Они были связаны с деятельностью вождя гугенотов адмирала де Колиньи, убитого впоследствии во время Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г. Адмирал пытался основать протестантские поселения в Бразилии и на Флориде. Так, в 1555 г. на острове у бразильского побережья был построен форт Колиньи. Попытка французских гугенотов укрепиться на землях, традиционно считавшихся испанскими и португальскими вотчинами, вызвала самое решительное сопротивление Мадрида и Лиссабона. Уже в 1560 г. форт Колиньи был захвачен ревнителями католицизма¹³.

Потерпев неудачу в Бразилии, французские гугеноты устремились на Флориду, где и обосновались в 1562 г. Французскую колонию здесь возглавил Жак Рибо. В ответ Испания немедленно направила к берегам Флориды эскадру кораблей с 2,5 тыс. солдат на борту. Испанцы разбили французов, а с Рибо была содрана кожа и отправлена в виде трофея в Мадрид в подарок королю Филиппу II. Адмирал Менендес, руководивший казнями французских гугенотов, говорил при этом: «Это им не за то, что они французы, а за то, что они протестанты»¹⁴. Узнав о событиях на Флориде, французское правительство снарядило туда военную экспедицию. Французы взяли штурмом испанские укрепления и перевешали всех оставшихся в живых испанцев. Однако вскоре они были вынуждены покинуть Флориду, которая осталась за Испанией.

Окончание религиозных войн и воцарение на французском престоле Генриха IV повлекли за собой постепенное

оживление колониальной экспансии Франции, развивавшейся главным образом в Северной Америке. Именно в то время начинается проникновение в этот район Англии, что вызывало опасения французского короля. Французское освоение Канады в первой половине XVII в. связано с именем капитана королевского флота Самюэля Шамплена, любимца Генриха IV.

Родившийся в гугенотской семье потомственных моряков, бесстрашный, увлеченный морскими странствиями человек, Шамплен 35 лет отдал изучению и освоению Канады. В 1603—1624 гг. он совершил туда девять длительных экспедиций, в ходе которых детально обследовал район р. Св. Лаврентия и область Великих озер. 3 июля 1608 г. он основал г. Квебек, ставший очагом французского влияния в Канаде. Спустя 27 лет он умер здесь, навсегда оставшись в истории Французской Канады.

Следующая страница в истории колониальной экспансии Франции связана с деятельностью Армана-Жана дю Плесси — герцога де Ришелье, всесильного министра Людовика XIII. Делом всей жизни кардинала Ришелье была борьба против Австрийского дома, стоявшего на пути возвышения Франции. Он понимал, что исход этой борьбы в значительной степени решается не только на континенте, но и на морях, так как мощь габсбургской Испании в значительной степени зиждилась на богатствах ее обширной колониальной империи. Именно поэтому Ришелье впервые обратил внимание на строительство морского флота, поставив целью построить 45 боевых кораблей в Атлантике и 30 галер в Средиземном море¹⁵. Одновременно по его указанию проводится модернизация морских портов — Тулона, Гавра, Бреста, Бруата. В 1626 г. Ришелье создает Морской совет, главой которого становится он сам. В том же году Людовик XIII возлагает на Ришелье звание «великого магистра и суперинтенданта навигации и торговли Франции». Облеченный такими полномочиями, кардинал Ришелье произносит в 1626 г. программную речь перед Ассамблеей нотаблей, в которой высказывается за создание мощного флота, удобных морских портов и баз. «Нет, — сказал он, — другого королевства, которое было бы расположено столь удачно, как Франция, и столь богато необходимыми средствами для того, чтобы стать хозяйкой на море»¹⁶. Из программы Ришелье непосредственно вытекала необходимость активизации колониальной экспансии и развития уже имеющихся колоний. Ришелье призвал к более актив-

пой иммиграции французов в заморские владения и всячески поощрял создание и деятельность торговых компаний, которым он предоставил широкие привилегии в колониях. Начиная с 1625 г. одна за другой возникают торговые компании, развернувшие большую активность в Северной и Южной Америке, в Сенегале и Гамбии, на Мадагаскаре и островах Зеленого Мыса. Некоторые из компаний получили даже право на гражданскую и уголовную юрисдикцию в колониях, а также на сбор налогов. Патроном всех торговых компаний являлся сам Ришелье, действовавший именем короля.

При Ришелье Франция захватывает в 1635 г. о-ва Св. Христофора, Мартинику, Гваделупу, о-в Доминик и другие более мелкие вест-индские острова. В 1638 г. капитан Тома Ламбер основал французское поселение в устье Сенегала, назвав его Сен-Луи. В том же 1638 г. руанский торговец Франсуа Кош побывал на Мадагаскаре и попытался основать здесь поселение. В 1642 г., в год смерти Ришелье, в далекой Канаде был заложен город — Монреаль.

Подводя итоги развитию морской и колониальной экспансии при кардинале Ришелье, можно отметить, что впервые она приобрела политический, а не чисто торговый, как прежде, характер.

Приобретение новых и изучение старых колоний сопровождалось расширением географических познаний французов. За период с 1600 по 1660 г. во Франции появилось 450 книг с описанием неизвестных ранее стран Америки, Азии и Африки¹⁷.

Период Регентства и Фронды, последовавший за смертью Ришелье и Людовика XIII, был своего рода паузой в развитии французской колониальной экспансии.

Продолжателем дела Ришелье стал Жан-Батист Кольбер, сын торговца сукном из Реймса, ставший первым министром «короля-солнца» Людовика XIV. Правда, в отличие от своего благородного предшественника, буржуа Кольбер рассматривал колонии исключительно с экономической точки зрения, видя в них лишь хозяйственные придатки метрополии. По мысли Кольбера, колониальная империя была необходима Франции прежде всего для ее экономического развития. Кольбер был первым после Ришелье французским политическим деятелем, предпринявшим попытку активизировать политику колониальных захватов. При этом он учился у Нидерландов — тогдашнего главного соперника Франции. Как и Ришелье, Кольбер поцимал

значение морского флота. В 1661 г. французский военный флот насчитывал всего 20 боеспособных кораблей. Это был результат Тридцатилетней войны и внутренних междоусобиц, раздиравших Францию. Благодаря усилиям Кольбера уже в 1683 г. Франция располагала 117 фрегатами, 30 галерами и 30 легкими судами. Личный состав флота насчитывал 1200 офицеров и 53 тыс. матросов¹⁸. Дальние морские плавания стали более безопасными благодаря плодотворной деятельности французской Академии наук, Обсерватории, руководимой Кассини, и морской гидрографической службы. При Кольбере был издан первый официальный морской атлас «Французский Нептун», который немедленно был переиздан в Нидерландах, что само по себе являлось высокой оценкой труда французских ученых.

Кольбер содействовал созданию новых заморских торговых компаний: Западных и Восточных Индий, Северной, Левантской, Сенегальской, Гвинейской и др. Кольбер был постоянным советником всех этих компаний, направлял их деятельность.

В 70-х годах XVII в. французские колонии были отданы в управление министерству флота, а во главе каждой из них были поставлены губернаторы или генерал-лейтенанты. Таким образом, устанавливалась прямая форма колониального управления. Колонии превращались в своего рода заморские провинции Франции.

Кольбер дал столь мощный толчок французской колониальной экспансии, что она активно продолжалась и после его смерти в 1683 г.

При Людовике XIV осуществляется колонизация Гвианы, Антильских островов, о-ва Сан-Доминго (Гаити). Французы укрепляют свои позиции на побережье Сенегала. Предпринимается попытка захватить острова в Индийском океане (прежде всего Мадагаскар). В 1712 г. Франция оккупирует острова Бурбон и Морис, оставленные голландцами. Желанная цель в этом районе — сказочная Индия. Французская Компания Восточных Индий приобретает у индийских раджей территории Пондишери и Карикал, а затем — Махе, Янаон и Чандернагор¹⁹.

Значительную активность Франция проявляет в Америке. В конце XVII в. она распространяет свое влияние до Гудзонова залива. Французские землепроходцы достигают Миссисипи, спускаются по ней до Арканзаса, а затем до Калифорнии и останавливаются на берегу Мексиканского

залива. Видную роль в исследовании Американского континента сыграл сын руанского негодника Робер Кавелье де ла Салль, попытавшийся в 1682 г. основать вдоль течения рек Св. Лаврентия, Миссисипи и Огайо французские укрепленные пункты. Достигнув моря, де ла Салль и его спутники по обычаю тех времен под пение «Te Deum» воздвигли на берегу деревянный крест и столб, на котором глава экспедиции начертал: «В этот день, 9 апреля 1682 г., именем Его Величества короля Франции и Наварры я беру под свое управление эту страну, отныне называющуюся Луизиана...»²⁰. По возвращении де ла Салль был с триумфом встречен в Версале. Предприимчивый руанец поспешил в 1684 г. основать «Компанию Луизианы и Запада» и уже на следующий год отправился со второй экспедицией в Мексиканский залив, достигнув территории нынешнего штата Техас. Однако эта экспедиция потерпела неудачу, а сам де ла Салль в 1687 г. был убит своими возбужденными компаньонами.

3 апреля 1711 г. два французских корабля «Пренсес» и «Декуверт» под командованием Мартэна де Шасскрена и Мишеля дю Бокажа обнаружили в 1500 км к западу от берегов Мексики небольшой островок площадью 8 км². Поскольку этот день по церковному календарю приходился на Святую Пятницу, мореплаватели назвали открытый остров о-вом Страстной недели. Это название попало в 1728 г. во французский морской атлас. Однако за пять лет до этого, в 1723 г., появился английский морской атлас, в котором тот же самый остров именовался о-в Клиппертон. О происхождении данного названия существует легенда, не подтвержденная, впрочем, документальными свидетельствами. Говорят, что в 1705 г. некий Клиппертон поднял мятеж против флибустьера Уильяма Дампира. Во главе отряда из 20 человек Клиппертон погрузился на простой баркас, на котором совершил путешествие, до сих пор вызывающее восхищение у профессиональных моряков. Клиппертон и его спутники пересекли Тихий океан от Новой Испании до Макао. По пути они высадились на неизвестном острове, который якобы и получил имя его первооткрывателя. Так или иначе, но именно это название прижилось. Любопытно, что этот затерянный в Тихом океане островок почти 100 лет был объектом ожесточенной борьбы между Францией и Мексикой. Лишь в 1931 г. при посредничестве короля Италии этот давний спор, пачавшийся в годы мексиканской авантюры Наполеона III, был ре-

шен в пользу Франции. В 1713 г. на острове был поднят трехцветный флаг Французской республики. Но вернемся в начало XVIII в.

Активность французской колониальной экспансии на рубеже XVII—XVIII вв. заметно снизилась в связи с тем, что Франция была вовлечена в войну за Испанское наследство, продолжавшуюся 13 лет. Претензии Людовика XIV на гегемонию в Европе потерпели крах. После серии поражений Франция запросила мира у Англии, Голландии и Австрийской империи. В апреле 1713 г. в Утрехте был подписан мир с Англией и Голландией, а в марте 1714 г. в Раштадте — с императором Карлом VI Габсбургом. По Утрехтскому и Раштадтскому мирным договорам Франция оставляла Англии Гудзонов залив и пролив, Акадию и Новую Землю, т. е. все подходы к Французской Канаде. По требованию Испании Франция отказалась от своей привилегии на ввоз рабов в Южную Америку. Это был первый серьезный удар по колониальной империи Франции, которая тем не менее пока оставалась второй колониальной державой после Испании.

Вскоре после окончания неудачной для Франции войны за Испанское наследство, в 1715 г., умер Людовик XIV, процарствовавший 54 года. Своему малолетнему сыну и его регенту Филиппу Орлеанскому Людовик XIV оставил тяжелое наследство. Экономика страны была расстроена. Амбициозная внешняя политика «короля-солнца» стоила Франции 3 млн. человек (около 20% всего населения) и огромного государственного долга (2,6 млрд. фр. при годовом доходе в 117 млн. фр.)²¹.

Утрехтский мир 1713 г. стал началом затянувшейся дуэли между слабеющей абсолютистской Францией и быстро развивающейся буржуазной Англией. Весь XVIII век — это сто лет ожесточенного и непримиримого соперничества и вражды Франции и Великобритании, соперничества на континенте, на морях и в колониях. Бурный экономический подъем и благоприятное для Лондона развитие ситуации в Европе выдвинули Великобританию в число ведущих европейских держав. По существу, она не имела в то время серьезных противников. Голландия была вовлечена в борьбу за бельгийские провинции. Испания была занята внутренними династическими проблемами. Франция после Утрехта и Раштадта была обескровлена и к тому же втянулась в запутанную дипломатическую игру в Европе. У Англии же были свободные руки, чем

она не преминула воспользоваться в борьбе с Францией как на континенте, так и в колониях.

В середине XVIII в. внимание Англии привлекает Северная Америка, где она развернула широкое наступление на позиции Франции. В 1740 г. Англия владела в Америке 16 колониями, в том числе тремя, уступленными ей Францией по Утрехтскому миру. Англичане занимали ключевые позиции вдоль восточного побережья Северной Америки. Для развития французских владений в этом районе были необходимы широкие выходы в море, а все они находились в руках англичан. Конфликт становился все более неизбежным.

В то время как Англия с каждым годом наращивала свою морскую мощь и поощряла эмиграцию в Новый Свет, Франция Людовика XV все глубже увязала в европейской политике, не уделяя почти никакого внимания своей колониальной периферии. Безвольный и легкомысленный король, находившийся под влиянием сменявших одна другую фавориток — Шатору, Помпадур, Дюбарри, вопреки интересам страны и желанию наиболее трезвомыслящих из своих министров вовлекал Францию в непрерывные войны — сначала за Польское наследство (1733—1735 гг.), затем за Австрийское (1740—1748 гг.), наконец, в Семилетнюю войну (1756—1763 гг.). В ходе последней войны боевые действия разворачивались не только в Европе, но и в Индии и Северной Америке. Франция потерпела ряд серьезных поражений при Росбахе, Кревельте, Миндене и Филлингхаузене (в Германии); в Индии англичане разбили войска французского генерала Лалли и захватили Пондишери; в Карибском море они оккупировали Мартинику и Гваделупу. Активные военные действия развернулись и в Северной Америке, где англичане решили любой ценой отнять у французов Канаду. Уже в 1758 г. канадские французы были отрезаны от Луизианы, а после сдачи Луисбурга — и от Атлантики. Помощи ждать было неоткуда. В 1759 г. прибывшая 10-тысячная английская армия повела наступление на Квебек и захватила его.

Франция безуспешно пыталась соперничать с Великобританией на морях. Французский флот потерпел ряд сокрушительных поражений, после чего морской министр Людовика XV Берье объявил, что Франция не может более противостоять Англии на море, и отдал распоряжение продать оставшуюся часть королевского флота и все запасы Адмиралтейства частным лицам²².

Франция вынуждена была в ноябре 1762 г. запросить мира. 10 февраля 1763 г. в Париже был подписан договор, по которому Франция уступала Англии всю Канаду, левый берег Миссисипи и владения в Индии. Шуазелю, министру иностранных дел Людовика XV, удалось с большим трудом сохранить за Францией лишь Антильские о-ва, Гвиану и отдельные пункты на побережье Сенегала. Это был сильнейший удар по французской колониальной империи, большая часть которой перешла к Великобритании. Самой ощутимой утратой для Франции, несомненно, была Канада. Сказалось отсутствие подлинного интереса со стороны королевского правительства к освоению и нуждам этой обширной и богатой колонии. За 150 лет французской колонизации в Канаде поселилось всего 75 тыс. человек. Это обусловило слабость находившейся в Новом Свете французской армии (не более 18 тыс.), которая должна была защищать границу протяженностью 1200 км. В то время как Англия израсходовала на войну с Францией 2 млрд. фр., Людовик XV отпустил на эти цели только 100 млн. фр.²³

Лишившись большей части своей колониальной империи, Франция вновь направляет свои усилия на обеспечение сильных позиций на море. Начинается «морской этап» колониальной экспансии. Англия и Франция спешат захватить ключевые позиции в Тихом океане. Одна за другой организуются экспедиции для обследования островов Тихого океана. Самыми крупными предприятиями такого рода были экспедиции Бугенвиля, Лаперуза и Кука во второй половине XVIII в.

В конце 1766 г. из Бреста отправилась экспедиция, возглавляемая Луи Антуаном де Бугенвилем, которая в течение трех лет посетила Таити, о-ва Самоа, Новые Гебриды, Яву и т. д. В 1785 г. Жан-Франсуа Лаперуз получил приказ детально обследовать бассейн Тихого океана. Отправившись в путь на двух судах — «Астролябия» и «Буссоль», Лаперуз обогнул мыс Горн, поднялся до берегов Калифорнии, пересек Тихий океан, достиг Японии и берегов Камчатки. В течение шести месяцев он исследовал Японское море и дальневосточный берег России. Затем Лаперуз повернул на юг к о-вам Самоа. Здесь экспедиция бесследно исчезла. Почти 200 лет о ее судьбе ничего не было известно. Окончательное подтверждение гибели Лаперуза и его спутников было получено лишь в 1964 г. французской экспедицией Брасара.

В 1771 г. для обследования южной части Индийского океана была отправлена экспедиция, которую возглавил шевалье Ив-Жозеф де Кергелен-Тремарек. Экспедиция обнаружила в 4 тыс. км к югу от Мадагаскара небольшой остров, которому его первооткрыватель дал свое имя. По возвращении на родину шевалье де Кергелен «подарил» остров Людовику XV. В это же время западнее Кергелена были открыты о-ва Крозе, также включенные в заморские владения французской короны.

Путешествия Бугенвиля, Лаперуза и Кергелена мало что дали Франции с точки зрения колониальных приобретений. Но они внесли огромный вклад в географические открытия конца XVIII в. и свидетельствовали о возрастании морской активности Франции, находившейся тогда на пороге революции 1789 г.

Принято считать, что революция и наполеоновские войны на четверть века задержали развитие колониальной экспансии Франции. В известном смысле это так, хотя и в это время Франция не отказывалась от колониальной политики.

Уже вскоре после 14 июля из 12 членов Учредительного собрания был сформирован Колониальный совет, призванный осуществлять руководство заморскими владениями Франции. В 1791 г. обсуждается проект создания специального министерства колоний. Тогда же Учредительное собрание предоставило пенсии офицерам, участвовавшим в колониальных войнах в Северной Америке, а также отправило экспедицию во главе с Антрекасто на поиски Лаперуза.

В составе самого Учредительного собрания было немало колонов*, торговцев, представителей крупных портовых городов, которые вели дела в колониях. Были и прямые представители колоний — Моро де Сен-Мерц, депутат от Мартиники, Малуэ, бывший губернатор Гвпаны. Декрет от 22 августа 1792 г. обеспечил всем колониям представительство в Законодательном собрании: в его составе было 32 депутата от заморских владений²⁴. По колониальным вопросам неоднократно высказывались Кондорсе, Лафайет, Мирабо, аббат Грегуар, Робеспьер и другие деятели революции.

В это время впервые открыто поднимается вопрос об

* Колоны — европейские поселенцы в колониях, как правило землевладельцы.

отмене рабства в колониях и установлении гражданского равенства жителей колоний и метрополии. Важную роль в обсуждении этой проблемы сыграло существовавшее с 1787 г. «Общество друзей черных», членами которого состояли Лафайет, Робеспьер, Сиейес и Бриссо, будущий вождь жирондистской партии.

В принятой 26 августа 1789 г. Декларации прав человека и гражданина говорилось об отмене рабства в колониях и о запрещении работорговли; 4 февраля 1794 г. якобинское правительство приняло декрет, подтверждавший уничтожение рабства в колониях. Конституция III года (1793 г.) провозгласила принцип политической ассимиляции французских колоний (ст. 6 и 7). «Колонии являются составными частями Республики и подчинены тем же конституционным законам. Они разделены на департаменты»²⁵. Впервые провозглашенный в конституции 1793 г. принцип ассимиляции колоний получит свое дальнейшее развитие лишь спустя столетие.

Период революции характеризовался непрерывными войнами против антифранцузских коалиций не только на континенте, но и в колониях, где главным противником революционной Франции оставалась Великобритания. В 1793 г. англичане захватили принадлежавшие Франции Тобаго, Сен-Пьер и Микелон, в очередной раз овладели Пондишери, а в 1794 г. пытались оккупировать Антильские о-ва. Со своей стороны, Франция предпринимала попытки перейти в контрнаступление против Англии. Самым ярким примером такого рода служит египетский поход Бонапарта, санкционированный Директорией в 1798 г. Стратегическая цель этого похода состояла в том, чтобы открыть дорогу для проникновения в Индию и ликвидации там английского влияния. Первыми шагами на этом пути должны были стать завоевание Египта и Сирии. Однако разгром адмиралом Нельсоном французской эскадры под Абукиром 1 августа 1798 г., а затем блокирование армии Бонапарта в Египте положили конец французской экспансии в этом направлении.

Одержимый политическими амбициями, Бонапарт оставил армию генералу Клеберу и в октябре 1799 г. вернулся в Париж, где его ожидало звание первого консула, а спустя три года — корона императора французов.

По Амьенскому миру 27 марта 1802 г. Англия, уставшая от непрерывного противоборства с Францией, вернула ей захваченные в ходе войны Мартинику, владения в

Индии, опорные пункты в Сенегале, а также признала французский суверенитет на севере Гвианы. Было признано право Франции на рыбную ловлю у берегов Новой Земли и обещано, правда в туманных выражениях, эвакуировать Египет и Мальту.

Император Наполеон Бонапарт, несмотря на занятость европейскими делами, пытался проводить и активную колониальную политику. Он установил тесные контакты с государствами Северной Африки, Малой Азии, а также с Индией. При нем была отправлена хорошо оснащенная экспедиция на Антильские о-ва с целью их освоения и закрепления за Францией. Наполеон впервые попытался превратить Средиземное море во «французское озеро». Спустя полвека эта попытка была повторена его племянником Наполеоном III. Бонапарт всерьез мечтал о создании на Востоке обширной французской империи наподобие империи Александра Македонского. Об интересе Наполеона к колониям свидетельствовало направление им в Северную Америку своего ближайшего советника Талейрана, который по возвращении прочитал в Институте* при большом стечении публики доклад под названием «Эссе о преимуществах, которые в настоящих обстоятельствах могут быть извлечены из новых колоний». Известно также, что первая жена Наполеона Жозефина, креолка по происхождению, а также адмиралы-метисы Латуш-Тревиль и Брюн постоянно привлекали его внимание к проблемам колоний.

Для позиции Наполеона в колониальных вопросах наиболее характерным было полное неприятие идеи ассимиляции колоний, провозглашенной в демократической конституции 1793 г. «Дитя революции», установивший после 18 брюмера во Франции деспотический режим строгой иерархии, напроць отвергал саму возможность уравнивания в правах жителей колоний и французских граждан. В этом отношении колониальная политика Наполеона I представляла собой ревизию революционной политики Первой республики и возвращение к принципам, проводившимся Старым режимом.

Уже 13 декабря 1799 г., т. е. через месяц после бонапартистского переворота, была принята так называемая Конституция VIII года, ст. 91 которой гласила: «Режим французских колоний определяется специальными закона-

* Центральное научное учреждение Франции, основанное в 1795 г. и объединившее все академические центры страны.

ми»²⁶. Через два года, в 1802 г., был принят декрет, передающий всю ответственность за управление колониями сроком на 10 лет правительству (т. е. исполнительной власти, а не законодательной, как это было после 1789 г.). Даже при Бурбонах колонии имели зачатки местного самоуправления (колонияльные ассамблеи и муниципалитеты). Теперь же они ликвидировались, и все, даже самые незначительные вопросы решались в Париже. Законом от 20 мая 1802 г. Бонапарт восстановил рабство в колониях и законодательно утвердил расовое неравенство в гражданских правах, что было открытым покушением на Декларацию прав человека и гражданина. Бонапарт закрыл свободный въезд во Францию для негров и других лиц с цветной кожей; в 1803 г. он запретил офицерам своей армии вступать в браки с негритянками, а неграм жениться на белых женщинах. Только в период «ста дней» Наполеон отменил эти дискриминационные ограничения.

Колониальная политика, в отличие от континентальной, не принесла императору французов никакой славы. Все его проекты, начиная с египетского похода и кончая намерением отобрать у Англии наиболее богатые колонии, прежде всего Индию, оказались несостоятельными. Более того, именно Наполеон Бонапарт невольно стал могильщиком первой французской колониальной империи. В 1801 г. Наполеон направил 35-тысячную военную экспедицию генерала Леклерка для усмирения непокорного правителя Сандоминго (Гаити) Туссен-Лувертюра. В мае 1802 г. Леклерку удалось разбить армию Туссен-Лувертюра и даже обманом взять его в плен. Казалось бы, французское господство над этим богатым островом было восстановлено. Однако вспыхнувшее вскоре всенародное восстание завершилось изгнанием французов и провозглашением 29 ноября 1803 г. независимости Гаити.

Следующим пораженцем французской колониальной политики стала уступка Луизианы Соединенным Штатам Америки. 10 апреля 1803 г., выступая в Сен-Клу, Наполеон Бонапарт сказал о Луизиане: «Я считаю эту колонию уже потерянной...» Первоначально предполагалось продать Луизиану Испании. Внезапно Наполеон изменил свое решение и предложил двум американским представителям — Ливингстону и Монро, прибывшим в Париж для переговоров о предоставлении США торговых льгот в Луизиане, приобрести эту французскую колонию за 80 млн. фр. Потрясенные американцы от имени своего правительства пе-

медленно дали согласие на эту сделку, и уже 3 мая 1803 г. был подписан соответствующий франко-американский документ. Что же толкнуло Наполеона на такой, казалось бы, вычет не оправданный шаг? Видимо, он торопился предотвратить представлявшуюся ему неизбежной английскую оккупацию Луизианы и стремился укрепить США перед лицом Англии, а заодно содействовать сближению двух республик — Североамериканской и Французской. Так или иначе, но соображения Наполеона при продаже Луизианы не были лишены оснований. При возобновлении военных действий между Францией и Англией английские войска вновь оккупировали о-ва Сен-Люис, Тобаго, Сен-Пьер и Микелон. Вслед за ними французы сдали Мартинику, Гваделупу, Гвьяну и опорные пункты в Сенегале.

Решающий удар по морской и колониальной экспансии Франции, остановившейся почти на три десятилетия, нанес выдающийся английский флотоводец адмирал Нельсон, разгромивший в сражении под Трафальгаром 21 октября 1805 г. объединенный франко-испанский флот под командованием адмирала Вильнёва²⁷. Единственным, хотя и малым, утешением для подавленного поражением Наполеона явилась смерть Нельсона от пули, выпущенной французским унтер-офицером с борта корабля «Редуталь».

Трафальгар положил конец амбициозным глобальным замыслам Наполеона. Поражение в России в 1812 г. и последовавшее за этим падение наполеоновской империи лишили Францию всех ее колониальных владений, поделенных между Англией, Португалией и Испанией. Лишь при поддержке Александра I Франция добилась по Парижскому мирному договору 1814 г. возвращения ей Мартиники, Гваделупы, части Гвьяны, пяти городов в Индии, поселений в Сенегале и о-вов Сен-Пьер и Микелон.

Всего на 1815 г. в немногих сохранившихся владениях Франции проживало менее 1 млн. человек (в том числе 100 тыс. французов) против 35 млн. в начале XVIII в.²⁸ С окончанием наполеоновских войн и падением империи завершается первая глава французской колониальной истории.

Второй этап колониальной экспансии Франции приходится на эпоху промышленного развития капитализма. За это время в стране сменилось четыре формы государственного правления — режим Реставрации, Июльская монархия, Вторая республика и Вторая империя. Великая фран-

цузская революция нанесла сокрушительный удар по устоям феодализма как в самой Франции, так и во всей Западной Европе, ускорив развитие капиталистических отношений. Франция переживала эпоху промышленного переворота. Интересы быстро развивающейся промышленности требовали новых сырьевых рынков. Медленно, но по нарастающей происходила активизация колониальной политики Франции, ускоряемая появлением парового флота.

Полтора десятилетия потребовалось Франции для того, чтобы оправиться от поражения и несколько стабилизировать свои позиции в Европе. В период Реставрации Бурбонов (1815—1830 гг.) колониальная активность Франции ограничивалась практически теми владениями, которые были ей возвращены по Парижскому мирному договору. Несколько лет потребовалось французам, чтобы вновь обосноваться в отторгнутых за годы наполеоновских войн колониях. Лишь в апреле 1817 г., после того как в Пондишери была направлена французская военная экспедиция, Англия вернула Франции пять индийских городов. Португалия, претендовавшая на Французскую Гвиану, согласилась выполнить условия Парижского мира только после того, как в Гвиану в 1817 г. прибыл французский военный отряд. Два года (1816—1818) потребовалось Франции для того, чтобы вернуть свои фактории на побережье Сенегала. Решающую роль при этом сыграли действия французских войск под командованием полковника Шмальца. Лишь Мартиника и Гваделупа были возвращены Францией без особого труда.

Единственным, хотя и крупным, колониальным приобретением режима Реставрации был Алжир, на окончательное подчинение которого ушло два десятилетия.

Франция давно присматривалась к Алжиру, выжидая удобного момента для его захвата. Обладание Алжиром, ге говоря уже о природных богатствах этой страны, превращало Францию в ведущую державу в районе Западного Средиземноморья и открывало путь для распространения французского влияния на Тунис и Марокко, а также для проникновения в Черную Африку.

Еще в XVI в. Франция основала в отдельных пунктах алжирского побережья поселения для сбора кораллов. В 1817 г. после некоторого перерыва она вновь заняла эти пункты. В качестве платы за аренду территории Франция ежегодно выплачивала алжирскому дею от 17 до 60 тыс. фр.

Формальным предлогом для начала военных действий

в Алжире послужила борьба против пиратства, создававшего серьезную угрозу для торгового судоходства в Средиземном море: 25 мая 1830 г. по приказу Карла X из Тулона к алжирским берегам отправилась 37-тысячная экспедиция во главе с военным министром де Бурмоном. Для перевозки армии правительство мобилизовало весь наличный флот (103 боевых и 350 торговых судов) с 27 тыс. моряков под командованием адмирала Дюперре. 5 июля 1830 г., после взятия французами форта Императора, ключевой позиции, открывавшей доступ в столицу Алжира, де запросил мира и согласился на капитуляцию. В приказе по войскам де Бурмон хвастливо подчеркивал: «20 дней было достаточно для того, чтобы разрушить государство, существование которого беспокоило Европу в течение трех столетий»²⁹. Однако взятие г. Алжир еще не означало подчинения всей страны. Почти 20 лет потребовалось французам для того, чтобы подавить вооруженное сопротивление алжирского народа, возглавляемое национальным героем Алжира Абдаль-Кадером. За это время (1830—1850 гг.) при завоевании и «умиротворении» Алжира погибло более 100 тыс. французских солдат и офицеров.

Захватив Алжир, Франция поначалу не знала, что с ним делать. Каждый день можно было ожидать вооруженной акции со стороны Великобритании и Турции, выразивших резкие протесты в связи с действиями правительства Карла X. В конечном счете буквально за несколько дней до своего свержения последний из Бурбонов, правивших Францией, заявил о намерении сохранить французские войска в Алжире на неопределенный срок.

30 июля 1830 г. восстание, вспыхнувшее в Париже, свергло с престола Карла X. 9 августа королем французом провозглашен глава либеральной партии, представитель младшей ветви Бурбонов Луи-Филипп, герцог Орлеанский, «лукавый и хитрый ум», по выражению Стендаля³⁰.

Революция 1830 г. привела к власти верхушку тогдашней французской буржуазии — финансовую аристократию. Непримиимый противник мещанской монархии «короля-буржуа» Луи-Филиппа, Стендаль говорил устами своего героя господина Левена: «С июльских дней банк стоит во главе государства. Буржуазия вытеснила Сен-Жерменское предместье, а банковские круги — это высший слой буржуазии»³¹.

Для колониальной политики Луи-Филиппа была свойственна осторожность; он всячески старался избежать, особенно в первые годы своего правления, открытого столкновения с Англией. Всякий раз, когда морской министр генерал Себастиани выдвигал даже самый ограниченный проект морской или колониальной экспедиции, министерство иностранных дел категорически возражало, ссылаясь на опасность нарушения равновесия и спокойствия в Европе. В период Июльской монархии колониальная политика Франции как никогда была подчинена интересам европейской политики. К тому же захват Алжира вовлек Францию в запутанный клубок дипломатических интриг, где были замешаны интересы Англии, Турции и Египта. После четырехлетних колебаний Луи-Филипп решился все же окончательно «проглотить» Алжир, превратив его в 1834 г. в генерал-губернаторство с подчинением военному министру. В 1845 г. Алжир был разделен на три провинции (Алжир, Оран, Константина). Все эти годы, вплоть до 1847 г., не затихала ожесточенная борьба с повстанческой армией Абдаль-Кадера, оказывавшей сопротивление французским оккупантам.

И все же объективные интересы толкали Францию к заморской экспансии. Желание заручиться поддержкой католиков и папского престола побуждало Луи-Филиппа к поощрению активной миссионерской деятельности. Он санкционирует всевозможные миссионерские экспедиции в Тихий океан — на Маркизские о-ва, о-ва Гамбье, Уоллис и Футуна. В 1847 г., после 20-летнего противоборства с Англией, Франции удается установить свой контроль над о-вом Таити, навязав королеве Помаре договор о протекторате. Несколько ранее, в 1842 г., Франция провозгласила протекторат над Маркизскими о-вами, а в 1843 г. — над о-вами Общества.

В эти годы продолжались активные географические исследования французских мореплавателей. Один из них — Жюль Дюмон д'Юрвиль в 1840 г. высадился с борта «Астролябии» на восточное побережье Антарктиды, назвав это место Землей Адели. Кстати, Дюмон д'Юрвиль одним из первых обнаружил следы пропавшей экспедиции Лаперуза на о-ве Ваникоро. В 1843 г. в южной части Индийского океана были открыты о-ва Сен-Поль и Амстердам. Вместе с о-вами Кергелен, Крозе и Землей Адели они составили Южные и Антарктические земли Франции.

При Луи-Филиппе были проведены некоторые рефор-

мы в области колониального управления. Наиболее крупной из них явился закон от 28 апреля 1833 г. о создании колониальных советов на Мартинике, Гваделупе, Бурбоне и в Гвинее. Членами этих советов могли быть лица, владеющие в соответствующих колониях имуществом стоимостью не менее чем в 40 тыс. фр. К выборам в колониальные советы, которые должны были рассматривать вопросы внутреннего бюджета колоний, допускались свободные граждане, уплачивающие не менее 200 фр. прямого налога.

Буржуазно-демократическая революция 1848 г., свергнувшая режим Июльской монархии и провозгласившая во Франции Вторую республику, положила конец позорному для цивилизации середины XIX века явлению — рабству в колониях. Уже 4 марта 1848 г., т. е. на восьмой день создания, Временное правительство по инициативе одного из министров — эльзасского филантропа Виктора Шёльшера приняло декрет об отмене рабства в колониях; 27 апреля новый декрет правительства объявил всех рабов свободными. Конституция Второй республики, принятая 4 ноября 1848 г., законодательно утвердила эти правительственные решения. В ст. 6 конституции провозглашалось, что «рабство не может существовать ни на одной из французских территорий»³².

Политика Второй республики в области колониального управления продолжала ассимиляторскую линию Первой республики. Но — недолго. В ночь на 2 декабря 1851 г. президент Второй республики принц Луи-Наполеон Бонапарт, вероломно нарушив присягу на верность конституции, совершил государственный переворот. Ровно год спустя, 2 декабря 1852 г., Луи-Наполеон Бонапарт был провозглашен императором французов под именем Наполеона III. В стране был установлен бонапартистский режим Второй империи.

Политика широкой колониальной экспансии становится одним из основных направлений внешнеполитической деятельности Второй империи. Это объяснялось совокупностью различных факторов. Период Второй империи совпал с бурным экономическим развитием Франции, значительными успехами промышленности и сельского хозяйства, научными достижениями, интенсивным железнодорожным строительством, созданием крупных кредитных обществ с мировыми интересами. Достаточно сказать, что за 1848—1870 гг. объем промышленного производства во Франции увеличился в четыре раза по сравнению с предыдущими

30 годами. Крупная буржуазия подталкивала Наполеона III к новым колониальным захватам.

Сама природа бонапартизма требовала внешней экспансии. В отличие от стремившихся казаться «скромными» режимов Реставрации и Июльской монархии Вторая империя претендовала на блеск и величие. Вторая империя опиралась на армию, поощряла ее воинственные настроения, санкционируя те или иные военные экспедиции и даже откровенные авантюры. Наполеон III решительно отказался от меркантильной, ассимиляторской линии Второй республики в колониях и взял курс на откровенно имперскую политику. «Империализм в понимании Наполеона III,— отмечал французский историк А. Бле,— это политическая и военная экспансия, установление французского суверенитета вне Европы с целью повышения престижа Франции и императорской династии, а также влияния католицизма»³³. В годы Второй империи несколько ослабла ставшая привычной антифранцузская активность Великобритании в связи с той поддержкой, которую Наполеон III оказывал лондонскому кабинету в его тогдашней борьбе с Россией. В целом складывалась такая ситуация, при которой Вторая империя, не угрожая до поры миру в Европе, могла активнее, чем когда бы то ни было, заняться колониальными проблемами.

Одним из главных направлений колониальной экспансии бонапартистской Франции был район Средиземноморья и Арабского Востока. При Наполеоне III в общем и целом завершилось освоение Алжира. Французы продвинулись в глубь Сахары и усмирили восставшую Большую Кабилию — северный район Алжира. Быстрыми темпами развивалась европейская колонизация Алжира: в 1860 г. там проживало уже 200 тыс. французов. В сентябре 1860 г. император совершил путешествие по Алжиру.

После поражения России в Крымской войне «восточные амбиции» Наполеона III еще более возрастают. Он всячески пытается представить себя другом и покровителем арабов. «Я, — говорил Наполеон III во время посещения Алжира, — император арабов точно так же, как и французов»³⁴.

При Наполеоне III начинается первый этап борьбы Франции за обладание Тунисом. Французские банкиры опутали эту страну сетью займов, добившись различных концессий и монополий. Большую активность французские предприниматели развернули в Египте, где позиции

Франции особенно усилились после получения в 1854 г. концессии на прорытие Суэцкого канала. С окончанием в 1869 г. строительства Суэцкого канала французское влияние на Ближнем Востоке стало преобладающим. Стремление Наполеона III выдать себя за «друга арабов» сочеталось с его претензиями выступать в качестве защитника христиан-католиков Османской империи и «исторического покровителя святых мест» (т. е. Иерусалима). В 1860 г. Франция предпринимает военную экспедицию в Сирию и захватывает на время территорию нынешнего Ливана. В результате Франция установила контроль над значительной частью Средиземноморья. «Наполеоновская идея превратить Средиземное море во „французское озеро“ нашла свое выражение, помимо оккупации Алжира, в наших вмешательствах на Ближнем Востоке и в Тунисе», — отмечает А. Бле³⁵.

В годы Второй империи начинается усиленное проникновение Франции в Черную Африку. В 1854 г. отряд под командованием капитана Луи Федерба приступает к оккупации Сенегала. В 1862 и 1868 гг. Франции удается навязать Мадагаскару неравноправные договоры «о мире и дружбе», открывшие дорогу французскому утверждению на этом богатейшем острове.

В период строительства Суэцкого канала Франции удалось захватить ключевые позиции в районе Африканского Рога. В 1862 г. она получила во владение территорию и порт Обок, лежащие на африканском берегу Баб-эль-Мандебского пролива.

Широкую активность Франция проявляла и на Дальнем Востоке, где после удачной войны против Китая она установила в 1863 г. свое господство в Кохинхине (Южный Вьетнам), а в 1867 г. — протекторат над Камбоджей. Тогда же Франция попыталась захватить Корею, но потерпела неудачу и вынуждена была отступить.

Зато еще в 1853 г. французам удалось захватить Новую Каледонию и прилегающие острова. Императорский декрет 1863 г. превратил Новую Каледонию в место каторги для осужденных во Франции. В 1864 г. в Нумеа прибыла первая партия осужденных (250 человек). Тогда еще никто не подозревал, что Новая Каледония вскоре станет поставщиком ценнейшего сырья — никеля.

Размах колониальной экспансии Второй империи принял столь гигантские масштабы, что Наполеон III при этом утратил всякое чувство реальности. В 1863 г. он

снаряжает военную экспедицию в Мексику, которой пытается навязать в качестве императора своего ставленника эрцгерцога Максимилиана. Попытка превратить Мексику в зависимое от Франции государство потерпела провал, а незадачливый отпрыск Габсбургов был расстрелян мексиканскими патристами.

Авантюристическая внешняя и колониальная политика Наполеона III втянула Францию в ряд международных конфликтов и непрерывных войн, одна из которых, франко-прусская, завершилась сокрушительным поражением Франции и падением Второй империи.

Первые 10 лет существования Третьей республики характеризовались ожесточенной борьбой за власть между республиканцами и монархистами. В истории Франции этот период известен как годы «борьбы за республику». В правящих кругах и общественном мнении существовал раскол и по вопросам внешней политики Франции. Одея фракция решительно настаивала на реванше в Европе.

Среди ее приверженцев было большое число бонапартистов, а их идейного вождя генерала Жоржа Буланже открыто именовали «генерал Реванш». Другая фракция считала невозможной в обозримом будущем войну против Германии и высказывалась за активизацию колониальной экспансии. Ее лидером был Жюль Ферри, которого позднее назовут «отцом французского империализма». Между этими двумя фракциями шла ожесточенная полемика. Сторонник реванша, известный поэт и политический деятель Поль Дерулед говорил, явно адресуясь к Ферри: «Я потерял двух детей, а мне предлагают 100 рабов»³⁶.

К концу 1878 г. «борьба за республику» завершилась победой сторонников республиканского строя. Ни народ Франции, ни французская буржуазия, хотя и по различным причинам, не желали восстановления в стране монархии. 30 января 1879 г. монархистски настроенный маршал Мак-Магон был заменен на посту президента республики одним из лидеров «умеренных республиканцев» Жюлем Гриви. Отныне и навсегда во Франции утвердилась республика.

Международное положение Франции конца 70-х годов не позволяло ей надеяться на активную и успешную политику в Европе. Лишь вмешательство России спасло ее в 1875 г. от вероятного нападения кайзеровской Германии, пытавшейся неоднократно и в последующие годы спровоцировать обескровленную поражением 1870 г. Францию на военный конфликт.

Окончание «борьбы за республику» и приход к власти во Франции представителей крупного капитала — «умеренных республиканцев» — положили начало третьему периоду французской колониальной экспансии. 80—90-е годы XIX в. — это время завершения раздела мира между ведущими капиталистическими державами и начала борьбы за его передел, время резкого и повсеместного усиления колониальных захватов. За эти годы Франция приобрела 3,6 млн. кв. миль с населением в 36,5 млн. человек. Если в 1860 г. площадь ее колониальных владений составляла всего 0,2 млн. кв. миль, то за 20 лет (1880—1899 гг.) французские колониальные владения увеличились на 3 млн. кв. миль, достигнув общей площади 3,7 млн. кв. миль с населением 56,4 млн. человек³⁷. «Погоня за колониями в конце XIX в., особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общезвестный факт истории дипломатии и внешней политики», — отмечал В. И. Ленин³⁸.

Основоположники марксизма-ленинизма вскрыли подлинные причины и побудительные мотивы колониальных захватов, рассматривая их как неизбежное порождение капитализма, нуждающегося в рынках сбыта своей продукции, источниках сырья для своей промышленности и в сферах приложения капиталов. «Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью, — писал В. И. Ленин, — очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать при этом хорошие деньги»³⁹.

Специфика экономического положения Франции в последней трети XIX в. выражалась в замедленности темпов промышленного развития при одновременном ускоренном процессе концентрации банков и усилении вывоза капитала. В. И. Ленин подчеркивал, что «...во Франции как раз особо быстрое развитие финансового капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннексионистской (колониальной) политики»⁴⁰.

Финансовая олигархия требовала от «умеренных республиканцев» активизации политики колониальных захватов. Устами премьер-министра Ж. Ферри она провозглашала: «Франции нужна колониальная политика. Любая часть ее колониальных владений, ничтожнейшие клочки

их должны быть для нее священны. Речь идет не о завтрашнем дне, а о целом полувеке, о веке вперед; речь идет о самой будущности нашей родины. Было бы гнусно и антипатриотично запретить Франции проводить колониальную политику»⁴¹.

Как уже отмечалось, международное положение Франции в результате поражения в войне с Пруссией не позволяло ей проводить сколь-нибудь активную политику в Европе и в то же время оно, как нельзя лучше, способствовало развитию колониальной экспансии, поощряемой, кстати, и Бисмарком.

Потеряв железорудные богатства Эльзас—Лотарингии, Франция надеялась компенсировать эту потерю в колониях. Там она намеревалась найти необходимые для французской промышленности сырьевые ресурсы, а также сельскохозяйственные продукты, особенно тропические.

Наряду с экономическими причинами французской колониальной экспансии немаловажную роль играли причины социально-политические. Встав на путь широких колониальных захватов, французская буржуазия пыталась разрядить политическую атмосферу внутри страны, ослабить напряженность классовой борьбы. «Победа французского оружия, — пишет советский историк А. З. Манфред, — подъем национальных чувств, шовинистический угар — все то, что ожидала буржуазия, начиная большие колониальные войны, должно было, по ее расчетам, отвлечь внимание трудящихся масс от внутренних вопросов, ослабить влияние пролетариата и социалистов на непролетарские слои трудящихся, упрочить позиции господствующей буржуазии. Короче говоря, буржуазия рассчитывала, как это бывало многократно и раньше и позже, перебить победоносными войнами нарастающий революционный подъем в стране»⁴².

Итак, совокупность экономических, политических и классовых соображений толкала Третью республику к активизации колониальной экспансии. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин ссылался на буржуазного историка Дрио, который писал: «Приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т. е. XX) века»⁴³.

Колониальная экспансия Франции в 80—90-х годах

XIX в. развивалась на двух главных направлениях — на Дальнем Востоке и в Африке.

На Дальнем Востоке основным объектом французских устремлений являлся Китай, а необходимым этапом на этом пути было окончательное подчинение Индокитая. Завоеванием Индокитая Франция пыталась создать барьер между британской Индией и Китаем. Разумеется, Индокитай представлял для Франции и самостоятельное значение. Уже первые миссионеры сообщали французскому правительству о «сказочных» богатствах Аннама и Тонкина (Центральный и Северный Вьетнам). Так, миссионер Паве доносил из Тонкина, где он проживал в 1790—1797 гг.: «Эта страна орошается многочисленными реками... покрыта лесами, богата зерном и фруктами, а также золотом, серебром, медью, свинцом, оловом и другими ископаемыми»⁴⁴. Хотя миссионеры во многом и преувеличивали реальные богатства Индокитая, этого было вполне достаточно, чтобы возбудить аппетиты французской буржуазии. Там имелся богатый ассортимент сельскохозяйственного сырья, среди которого на первом месте стоял известный своим высоким качеством индокитайский рис, а также кукуруза, просо, кунжут, различные клубневые культуры. Богато представлены тропические продукты — чай разных сортов, ароматические масла, корица, сахарный тростник, хлопок, конопля, индиго, опиум, а из фруктов — бананы, апельсины, лимоны, ананасы, манго. Богат Индокитай и полезными ископаемыми, особенно его северная часть — Тонкин, к завоеванию которого Франция и приступила в начале 80-х годов XIX в. В Тонкине имелся каменный уголь, цинк, олово, свинец, вольфрам, золото, платина, медь, марганцевые руды.

В овладении Северным Вьетнамом были особо заинтересованы французские торговые и банкирские дома, занятые коммерческими и кредитными операциями в Китае и Индокитае. За захват Тонкина ратовали французские колониальные власти в Кохинхине, министерства флота, колоний и иностранных дел. Для кредитования французской торговли и поощрения колониальной экспансии в Индокитае в 1875 г. крупнейшие банкирские дома Франции основали Индокитайский банк, просуществовавший до наших дней, с главной конторой в Сайгоне. К концу 1878 г. банк имел в обороте на 7 млн. фр. банковых билетов⁴⁵.

Перед экспедицией в Тонкин французы решили закрепить свои позиции в Аннаме, где военные действия велись

с 1873 г. 23 августа 1883 г. генеральный комиссар Франции в Индокитае Арман предъявил императору и правительству Аннама ультиматум, в котором говорилось: «Вы в нашей власти. Мы можем взять вашу столицу и разрушить ее... Мы не имеем намерения поработить вас. Но вы должны согласиться на наш протекторат. Это необходимо в качестве гарантии спокойствия, мира и процветания вашего народа. Это также единственный шанс, который остается вашему правительству...»⁴⁶. Под дулами французских пушек аннамское правительство 25 августа 1883 г. было вынуждено подписать договор о протекторате Франции над Аннамом и находившимся от него в вассальной зависимости Тонкином.

Намерение Франции подчинить Тонкин встревожило китайское правительство, которое имело на него собственные виды. Китай поспешил объявить войну Франции и ввел свои войска на территорию Тонкина. Однако техническое превосходство французской армии предрешило быстрый исход конфликта. Военные действия не продолжались и года. 11 мая 1884 г. в Тяньцзине китайские дипломаты подписали конвенцию «о дружбе и добрососедстве» с Францией, по которой Китай обязался вывести свои войска из Тонкина и «уважать» договоры Франции с Аннамом. Воспользовавшись выгодной ситуацией, Франция 6 июня 1884 г. навязала Аннаму новый кабальный договор о протекторате.

Однако мир в Тонкине был недолгим. Вскоре франко-китайская война разгорелась с новой силой. Китайские войска сумели нанести ряд серьезных поражений французам, а одно из них (при Лангшоне 27—28 марта 1885 г.) даже решило участь кабинета Ж. Ферри, прозванного за это поражение «тонкинцем». Тем не менее отдельные успехи китайской армии не могли изменить хода войны. Феодалный Китай явно был не в силах долго противостоять нажиму капиталистической Франции. Уже 4 апреля 1885 г. были подписаны предварительные соглашения, а 9 июня 1885 г. заключен Тяньцзинский договор, в котором подтверждались условия предыдущего соглашения от 11 мая 1884 г. и определялась граница Тонкина с Китаем. Тонкин окончательно переходил под французский протекторат.

Как реагировала на это главная соперница Франции Великобритания?

Франко-английские противоречия в 80—90-х годах были одними из самых острых в системе международных

отношений конца XIX в. Борьба Франции и Англии за раздел мира разворачивалась и в Африке (в первую очередь за обладание Египтом), и на Дальнем Востоке. В 1882 г. Англии удалось вытеснить Францию из Египта и оккупировать страну. Не случайно Ж. Ферри писал: «Для нас... оккупация Тонкина была прежде всего возмещением за египетские дела»⁴⁷.

В 1884 г., когда Англия еще «осваивала» Египет, ей было выгодно, чтобы Франция как можно глубже увязла в Тонкине и не мешала бы ей в Египте. Поэтому английская дипломатия всячески препятствовала заключению перемирия между Францией и Китаем. В 1885 г. Англия меняет тактику и даже посредничает в переговорах о перемирии. Главной причиной такого поворота в британской позиции была реальная угроза в начале 1885 г. англо-русской войны из-за раздела сфер влияния в Средней Азии. Кабинету королевы Виктории было выгодно отвлечь внимание Китая на север с тем, чтобы столкнуть его с Россией.

Когда угроза англо-русской войны миновала, очередной задачей Великобритании в Индокитае стал захват Верхней Бирмы с целью воспрепятствовать французскому проникновению в этот район. У англичан были все основания опасаться этого, так как Франция уже давно пыталась расширить границы своих владений на западе Индокитайского полуострова. По признанию французских историков, руководители Третьей республики мечтали о том, чтобы не только Лаос и вся Камбоджа перешли к Франции, но и о том, что «Сиамское королевство подпадет под протекторат французской власти... и что Верхнебирманское царство сделается буфером между французскими владениями и англо-индийской державой»⁴⁸. Однако французским планам относительно Верхней Бирмы и Сиам не суждено было осуществиться, 1 января 1886 г. Англия ввела свои войска в Верхнюю Бирму. Франции удалось лишь на основе соглашения с Сиамом от 3 октября 1893 г. присоединить к своим владениям в Индокитае Лаос. Несколько ранее, в 1887 г., приобретенные владения (Аннам, Тонкин, Кохинхина и Камбоджа) были объединены в Индокитайский союз и там была учреждена французская колониальная администрация.

После захвата Индокитая французская экспансия на Дальнем Востоке развивается в направлении Средней

империи, и прежде всего ее южных провинций, граничащих с Тонкином. В стремлении «запять место» в Китае Франция столкнулась не только со ставшим уже традиционным английским соперничеством, но и с захватническими устремлениями Японии. К франко-английским противоречиям в Китае прибавляются и франко-японские. Франция всерьез опасалась захвата Японией ведущих позиций в Китае и ее утверждения на морских коммуникациях близ южного побережья Китая и Индокитая. Не случайно поэтому Франция вмешалась в японо-китайскую войну 1894—1895 гг. Французское правительство не только не желало допустить монопольного утверждения Японии в Китае, но и под прикрытием лозунга защиты Китая от Японии намеревалось вывести Южный Китай в сферу своего влияния.

Формы подчинения Китая, практиковавшиеся в тот период капиталистическими державами, были своеобразны. Это были так называемые «аренды» территорий, получение концессий на разработку природных богатств и «разрешений» на строительство железных дорог. В 1896 г. «железнодорожная лихорадка» обострилась до предела. Европейские державы ведут ожесточенную борьбу за захват концессий на постройку железных дорог в Китае. В Южном Китае борьба развернулась между Англией и Францией. 20 июня 1895 г. по франко-китайской конвенции о демаркации границы в Тонкине и торговой конвенции Франция добилась значительных льгот для своих подданных в южных провинциях Китая (Юньнань, Гуанси и Гуандун), получила «разрешение» на строительство железной дороги из Тонкина в Юньнань и Гуанси, а также приобрела исключительное право на разработку копей в этих провинциях.

Франция активно участвует и в борьбе за аренду территорий. 22 апреля 1898 г. по соглашению с Китаем Франция получила в концессию сроком на 99 лет территорию и бухту Гуанчжоувань. Французы получили право возводить здесь военные укрепления, держать войска, строить железные дороги из Гуанчжоуваня в другие районы Китая. Франция вынудила цинское правительство дать обязательство не уступать никакой другой иностранной державе провинций Юньнань, Гуанси, Гуандун и о-в Хайнань.

Таковы были результаты дальневосточной экспансии Франции к началу XX в.

Вторым районом колониальной экспансии Франции в последней трети XIX в. была Африка. Здесь, как и на Дальнем Востоке, французы встретили ожесточенное сопротивление со стороны англичан. Первым актом франко-английского соперничества стала борьба за Египет, обострившаяся после открытия в 1869 г. Суэцкого канала. Все усилия британской дипломатии были направлены на овладение каналом, который открывал новый кратчайший морской путь в Индию и на Дальний Восток. Положение осложнялось тем, что в коммерческом отношении Суэцкий канал находился в руках французской компании, а в политическом он контролировался египетским хедивом, зависимым от турецкого султана.

Правительство Дизраэли сумело воспользоваться финансовым банкротством Османской империи, объявленным в ноябре 1875 г., и скупить египетские ценные бумаги. Англичане принудили хедива Исмаила уступить им контрольный пакет акций компании Суэцкого канала. Теперь встала задача обеспечить политическое превосходство Англии в Египте за счет вытеснения Франции. Открытое вмешательство Англии и Франции в дела Египта вызвало в стране подъем национально-освободительного движения, что вынудило англичан и французов пойти на временный компромисс. Под их давлением хедив Исмаил был смещен и заменен своим более стоворчивым сыном Тевфиком. В июне 1882 г. Константинопольская конференция по египетскому вопросу призвала все европейские державы воздерживаться от вооруженного вмешательства в Египте. Однако уже 10 июля того же года английский вице-адмирал Сеймур направил провокационный ультиматум губернатору Александрии, а на следующий день подверг город 10-часовой бомбардировке с моря. Вслед за этим 25-тысячная английская армия высадилась на берег и начала оккупацию страны. В сентябре 1882 г. англичане захватили Каир и к концу сентября завершили оккупацию Египта. Французы ничего не могли предпринять, так как в это время были заняты войной в Тонкине. Тем не менее они не примирились с захватом Египта Англией и всеми способами, прежде всего через «Кассу египетского государственного долга»*, где

* «Касса египетского государственного долга» — орган англо-французского контроля за египетскими финансами, созданный в 1876 г. после объявления хедивским правительством о финансовой несостоятельности Египта.

Франция играла ведущую роль, чинили всевозможные препятствия английской политике в этой стране.

В это же время Франции удалось в какой-то мере компенсировать поражение в Египте успехом в Тунисе. Захват Туниса подготавливался Францией давно. В 60-х годах Второй империи удалось опутать Тунис сетями финансовой зависимости. Подготовка к политическому подчинению Туниса завершилась с приходом к власти во Франции в 1880 г. кабинета Ферри. Французские агенты подкупили вождя одного из тунисских племен — крумиров, который совершил набег на приграничный район Алжира. В ответ 24 апреля 1881 г. три французские дивизии под командованием генерала Форжемоля де Боскенара вторглись с территории Алжира в Тунис. Одновременно французская средиземноморская эскадра подвергла бомбардировке Бизерту и другие тунисские порты и высадила десант на побережье. Напуганный возможным свержением с трона бей Мухаммед ас-Садок подписал 12 мая 1881 г. в Бардосском дворце заранее подготовленный французскими дипломатами текст договора, предусматривавшего оккупацию Туниса французскими войсками и передачу ответственности за обеспечение «порядка и безопасности» в Тунисе французским властям. Одновременно бей отказывался от права на самостоятельную внешнюю политику. Спустя два года, 8 июня 1883 г., по конвенции, подписанной в Ла-Марсе, Тунис формально признал над собой протекторат Франции.

После подчинения Туниса Франция приступает к реализации грандиозного плана объединения в единый массив своих владений в Северной, Западной и Экваториальной Африке и их распространения до восточного побережья Африканского континента. В начале 80-х годов наметились три главных направления французской экспансии в Черной Африке: на восток из Сенегала, на северо-восток из района р. Огове и на запад из Французского Сомали⁴⁹.

Исходным плацдармом этого наступления стал Сенегал, захваченный еще в годы Второй империи капитаном Луи Федербом, ставшим первым губернатором новой колонии. Удача, сопутствовавшая капитану Федербу в африканских тропиках, изменила генералу Федербу, главнокомандующему северной армией, разбитой наголову прусскими войсками в 1870 г. при Сен-Кантене. Этот случай не единичен. Лавры «героя», легко добытые

в войнах с безоружными туземцами, далеко не всегда подтверждались в европейских войнах.

Эстафету колониальных захватов в Западной Африке после Федерба продолжил никому доселе не известный подполковник Галлиени, осуществивший ряд удачных экспедиций и сделавший на этом быструю карьеру.

Серьезное беспокойство у французского правительства вызывала возросшая активность Англии и Германии в районе Гвинейского побережья. С целью противодействовать англо-германским планам в этом районе Франция начинает в 1890 г. военные действия против государств, возглавляемых эмирами Самори и Ахмаду. Численность французских войск в Западной Африке в это время увеличилась до 9 тыс. солдат и офицеров (против 1300 человек в 70-х годах). Более половины составляли отряды так называемых сенегальских стрелков — подразделений колониальных войск, учрежденных в годы Второй империи. Военными действиями против эмира Самори руководил майор Арципар, сделавший в Африке, как и его предшественники, головокружительную карьеру. Первые три года войны привели к установлению французского контроля над областями Масина и Тимбукту — древнейшими центрами караванных торговых путей, пересекавших Западную Африку. После трехлетнего перерыва война разгорелась с новой силой. В 1896—1897 гг. французам удалось захватить Верхнюю Дагомею и установить контроль над районом от Сен-Луи до Среднего Нигера. Летом 1898 г. французский экспедиционный отряд численностью 1600 человек нанес окончательное поражение эмиру Самори, который в сентябре того же года был захвачен в плен и выслан во Французское Конго, где и умер в 1900 г. В результате французам удалось утвердиться в Западном Судане.

Одновременно французы вели войну против Дагомеи, самого сильного государства Западной Африки, упорно сопротивлявшегося французским экспансионистским притязаниям с 1851 г. В 1894 г. Дагомея была все же завоевана и вынуждена признать господство Франции. После этого французские военные отряды устремились в Уасулу, на Средний Нигер и Берег Слоновой Кости. К концу 90-х годов французы, двигаясь со Среднего Нигера, достигли берегов озера Чад. По франко-английской конвенции от 14 июня 1898 г. Франция установила свой контроль над территориями к северу от Золотого Берега. Великобритания сохранила за собой лишь нижнее течение р. Нигер.

Таким образом, к началу XX в. раздел Западной Африки был в основном завершен с большими преимуществами для Франции. Слившись с двумя французскими владениями в Магрибе (Алжир и Тунис), западноафриканские колонии образовали сплошную территорию от Средиземного моря до Гвинейского залива. В 1904 г. восемь французских владений в Западной Африке (Сенегал, Гвинея, Берег Слоновой Кости, Дагомея, Судан, Верхняя Вольта, Мавритания и Нигер) были объединены в одну колонию — Французскую Западную Африку, управлявшуюся генерал-губернатором.

Второе направление французской экспансии на Африканском континенте охватывало обширный район Экваториальной Африки. Еще в начале 40-х годов XIX в. французы закрепились на Гвинейском побережье. В 1849 г. в бухте Габона было основано поселение Либревиль, которое стало административным центром группы мелких французских поселений в этом районе. Эти поселения стали ядром возникшего позднее Французского Конго.

В 1875 г. с борта французского корабля на берег Габона во главе взвода солдат высадился лейтенант флота граф Пьер Саворньян де Бразза. Отпрыск старинного итальянского рода, де Бразза воспитывался в иезуитском коллеже в Париже, а затем окончил морское училище в Бресте и был зачислен на службу во французский военно-морской флот. В историю Франции он вошел как исследователь и завоеватель Экваториальной Африки. В ходе первой экспедиции он подробно изучил верхнее течение р. Огове в Нижней Гвинее. Вернувшись в Париж, де Бразза заинтересовал правительство перспективой присоединения Экваториальной Африки к французской колониальной империи и получил 100 тыс. фр. на организацию новой экспедиции. Всего де Бразза совершил в этот район три экспедиции: в 1875—1878, 1880—1882 и 1883—1885 гг. Он довольно ловко сочетал применение военной силы с методами дипломатии. Так, в сентябре 1880 г. он заключил выгодный договор с конголезским вождем Макоко, предоставивший Франции «особые права» на все нижнее течение р. Конго. Тем самым был отрезан выход к морю для основного соперника Франции в Экваториальной Африке — Бельгии. 30 ноября 1882 г. палата депутатов закрепила за Францией приобретение де Бразза.

Берлинская конференция европейских держав санкционировала в начале 1885 г. раздел Экваториальной Африки.

Вскоре после Берлинской конференции Франция урегулировала спорные вопросы о разграничении колониальных приобретений в Экваториальной Африке с Германией, Бельгией и Португалией. По соглашению с Германией Франция установила южную границу Камеруна до 15° в. д. В 1886 г. была подписана конвенция с Португалией, по которой Франция признала за Лиссабоном право на район в устье р. Конго, не представлявший в тот момент особого интереса для французского правительства. В 1887 г. в нарушение прежних договоренностей Франция достигла соглашения с Бельгией о предоставлении последней преимущественного права на покупку искусственно созданного после Берлинской конференции «Независимого государства Конго», добившись для себя новых, более выгодных границ с этим государством вдоль течения р. Убанги. Эти соглашения открыли французам путь на север — в районы рек Сапги, Убанги и далее к озеру Чад. В 90-х годах Франция значительно активизировала свои действия в районе озера Чад, что свидетельствовало о ее притязаниях уже не только на Центральный, но и на Восточный Судан.

Первоначально все французские владения в этом районе были объединены в колонию под названием Французское Конго с административным центром Браззавиль — по имени завоевателя Конго. Сам же де Бразза в 1886 г. был назначен генеральным комиссаром, а в 1888 г. — генерал-губернатором Французского Конго. Почти до самой смерти в 1905 г. неутомимый путешественник и конкистадор продолжал свои географические изыскания, совмещая их с обязанностями генерал-губернатора.

В 1910 г. захваченные в 70—90-е годы Габон, Французское Конго, Убанги-Шари и Чад были объединены в колонию под названием Французская Экваториальная Африка.

В северо-восточной Африке усилия Франции увенчались приобретением в 1888 г. Джибути и расширением тем самым французских владений в Сомали. Затем французы предприняли попытку проникнуть в верховья Нила. Однако здесь они встретили решительное противодействие со стороны англичан. В 1898 г. возник так называемый фашодский инцидент, едва не переросший в войну между Францией и Англией.

В сентябре 1898 г. английские войска численностью около 2 тыс. человек под командованием генерала Г. Китченера после победы над повстанцами-махдистами, боров-

шимися за независимость Судана, спустились в верховья Нила и подошли к населенному пункту Фашода. Англичане неожиданно встретили обосновавшийся здесь еще в июле небольшой французский отряд (150 сенегальских стрелков) под командованием капитана Маршана. Китченер категорически потребовал от французов оставить Фашоду. В своем донесении в Каир Китченер писал о встрече с Маршаном: «Когда мы прибыли в Фашоду... я сразу же заявил, что присутствие французских войск в Фашоде и в долине Нила рассматривается как прямое нарушение прав египетского и великобританского правительств... В ответ капитан Маршан заявил, что имеет точный приказ оккупировать страну и поднять французский флаг над крепостью в Фашоде, что не может уйти, не получив соответствующего приказа своего правительства»⁵⁶. Китченер пригрозил, что он не допустит поднятия французского флага в Фашоде, используя свои превосходящие силы... Обе стороны информировали свои правительства о возникшем инциденте, и между Парижем и Лондоном начались переговоры об урегулировании конфликта. Заняв непримиримую позицию, кабинет лорда Солсбери одновременно начал недвусмысленные военные приготовления. Соотношение сил было явно не в пользу Франции. По этой причине французское правительство вынуждено было отдать приказ Маршану оставить Фашоду. В марте 1899 г. после двухмесячных переговоров было заключено соглашение о разграничении английских и французских владений в Восточном Судане. Линия разграничения прошла в основном по водоразделу рек Конго и Нила. Этот документ был фактически последним соглашением между Францией и Англией о разделе Тропической Африки. Отказавшись от притязаний на район Верхнего Нила, Франция приобрела часть Центрального Судана и Сахары к востоку от озера Чад.

В начале 80-х годов Франция активизировала свои попытки подчинить Мадагаскар. Она потребовала в 1882 г., чтобы Мадагаскар признал французский протекторат, и для большей убедительности этого требования дала приказ своей эскадре бомбардировать приморские города острова. Высаженные с кораблей десанты захватили Мажунгу — важный порт на западном побережье острова, бухту Диего-Суарес на северо-востоке, а также порт Таматаве. Военные действия продолжались в течение трех лет, но силы были неравными, и мальгашское правительство вынужде-

по было в декабре 1885 г. подписать мирный договор, ставший первым шагом на пути аннексии Мадагаскара Францией.

В сентябре 1894 г. французский генеральный резидент на острове представил королеве Мадагаскара Ранавалоне III проект нового договора, по которому французские власти устанавливали полный контроль над внешней и внутренней политикой страны и получали право ввести на остров любое количество своих войск. Получив отказ, Франция начала новую войну. В феврале 1895 г. 12-тысячный французский отряд под командованием генерала Дюшена высадился в порту Мажунга и повел наступление на столицу Мадагаскара Тапанариве, которая была взята 30 сентября того же года. 1 октября 1895 г. королева вынуждена была подписать договор об установлении французского протектората над Мадагаскаром.

Вторжение колонизаторов вызвало всенародное восстание на острове. Французское правительство приняло решение покончить с оставшимися внешними атрибутами мальгашской государственности. На Мадагаскар был направлен с самыми широкими полномочиями опытный колониальный вояка генерал Галлиени. Галлиени взял курс на вооруженное подавление сопротивления мальгашского народа, продолжавшегося вплоть до 1908 г. По его приказу и с ведома французского правительства королева Ранавалона была арестована и депортирована в Алжир, а два ее министра расстреляны по приговору французского военного-полевого суда. Закон от 6 августа 1898 г. объявил Мадагаскар французской колонией, где была установлена прямая форма колониального управления (генерал-губернаторство).

На рубеже XIX—XX вв. в системе международных отношений происходят значительные перемены, вызванные переходом развитых капиталистических стран в стадию империалистического развития и связанным с этим обострением борьбы между ними. В этот период, отмечал В. И. Ленин, произошел окончательный раздел земли в том смысле, что «колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоит лишь переделы, т. е. переход от одного „владельца“ к другому, а не от бесхозяйности к „хозяйну“»⁵¹.

Рубежом, разделяющим эти две эпохи, явилась испано-

американская война 1898 г. — первая империалистическая война за передел мира. На политическом и экономическом горизонтах появляются новые империалистические хищники — США, Япония и Германия. Наибольшие экспансионистские притязания обнаруживала кайзеровская Германия, потребовавшая устать капцлера фон Бюлова «своего места под солнцем», т. е. перераспределения колониальных владений. Перед лицом параставших колониальных амбиций молодого империалистического хищника давние соперники — Франция и Великобритания вынуждены были пойти на сближение и искать компромиссы. Уход от дел непримиримого противника Франции лорда Солсбери в 1900 г. и смерть королевы Виктории в 1901 г., несомненно, содействовали этому. К тому же после англо-бурской войны позиции имперской партии в Великобритании несколько ослабли. Новый король Эдуард VII был известен симпатиями в отношении всего французского, равно как холодной сдержанностью и недоверием к своему племяннику — германскому кайзеру Вильгельму II. Отражением новой тенденции во франко-английских отношениях явились официальный визит во Францию Эдуарда VII в апреле 1903 г. и ответный визит в Англию президента Французской республики Э. Лубе в июле того же года. Франко-английское сближение завершилось подписанием 8 апреля 1904 г. генерального соглашения «Entente cordiale» («Сердечное согласие») о разделе сфер влияния в колониях. Международный эффект данного соглашения был очень велик. Устраняя коренные разногласия между Англией и Францией, «Сердечное согласие» давало им возможность совместно выступать против Германии, что сразу же стало понятным для Берлина.

Заключение соглашения с Англией немедленно было использовано Францией для установления своего господства в Марокко. После захвата Алжира и Туниса подчинение Марокко становилось очередной целью Франции. Здесь ей пришлось непосредственно столкнуться с колониальными притязаниями Германии. В начале XX в. германская дипломатия вела активную игру на Арабском Востоке и в Турции, стремясь обеспечить себе здесь преобладающие позиции. Дело дошло до того, что Вильгельм II во время визита в Сирию демонстративно преклонил колено перед гробницей Саладина. Европа была изумлена этой комедией. Наибольшую активность Германия проявляла в Марокко, где она поощряла антифранцузские настроения

султана, надеясь включить Шерифскую империю в собственную сферу влияния. С франко-германским противоборством в Марокко связана серия так называемых марокканских кризисов, начатая «танжерским инцидентом».

31 марта 1905 г. на рейде Танжера появилась императорская яхта «Гогенцоллерн», на которой Вильгельм II совершал «морскую прогулку». Первыми словами кайзера, обращенными к встречавшему его дяде султана — шерифу Абд-эль-Малеху, были: «Я наношу мой сегодняшний визит султану как независимому суверену. Я надеюсь, что под суверенитетом султана свободное Марокко останется открытым для мирной конкуренции всех наций, без монополии и без аннексии, на основе абсолютного равенства. Мой визит в Танжер имеет целью продемонстрировать желание сделать все, что в моей власти, для эффективной защиты интересов Германии в Марокко»⁵². Заявление германского кайзера носило явно антифранцузский характер и вызвало соответствующую реакцию в Париже.

Алхесирасская конференция по Марокко, состоявшаяся в 1906 г., не удовлетворила ни одного из претендентов на эту страну. Марокканский кризис продолжался. Пользуясь явной поддержкой Англии, французское правительство под предлогом спасения своих граждан в Марокко в 1907 г. отдало приказ генералу Юберу Лютэ двинуть войска через алжиро-марокканскую границу. Военные действия там продолжались в течение трех лет. Одновременно Франция поддержала претендента на марокканский престол Мулай Хафида против его брата Абд-эль-Азиза в обмен на обещание уважать французские интересы в Марокко. Германия попыталась оказать нажим на Францию, направив в гавань Агадира канонерскую лодку «Пантера». Возник так называемый агадирский кризис, в ходе которого Франция вновь воспользовалась поддержкой британской дипломатии. На переговорах французского посла в Берлине Ж. Камбона с кайзеровским министром иностранных дел Киддерлен-Вехтером германская сторона потребовала за отказ от притязаний на Марокко Конго. Переговоры зашли в тупик. В это время британский канцлер казначейства Д. Ллойд Джордж выступил с заявлением, что Англия не потерпит решения судьбы Марокко без ее участия. Это означало открытую поддержку Франции. Одновременно английское правительство приняло меры к приведению флота в боевую готовность, а начальник генерального штаба Великобритании генерал Генри Вильсон

совершил визит во Францию, посетив при этом пограничные с Германией французские гарнизоны и крепости.

Германия вынуждена была отступить. В Конго она получила лишь около половины того, чего добивался Кидерлен-Вехтер. Франция же по конвенции от 9 ноября 1911 г. получила свободу рук в Марокко.

30 марта 1912 г. глава Шерифской империи султан Мулай Хафид и французский дипломат Реньо подписали Фесский договор об установлении французского протектората над Марокко.

Подчинение Марокко, а также установление совместного с Англией управления над Новыми Гебридами (франко-английские конвенции 1906 и 1914 гг.) явились последними колониальными приобретениями Франции перед первой мировой войной.

К началу первой мировой войны Франция располагала второй по размерам колониальной империей (после Британской). Ее площадь составляла 10,6 млн. км², а численность проживавшего на ней населения — 55 млн. человек. С началом первой мировой войны в общем и целом завершается многовековая эпоха колониальных захватов. На смену ей приходит период «освоения», т. е. эксплуатации заморских владений метрополией.

Глава 2

«ОСВОЕНИЕ» ЗАМОРСКИХ ВЛАДЕНИЙ

В 1931 г. в предисловии к «Практической иллюстрированной энциклопедии французских колоний» президент Французской республики Поль Думер удовлетворенно констатировал: «Франция может с гордостью представить миру свою колониальную империю. Пространство, занимаемое ею, огромно. Ее большие богатства открывают перед нами бесконечные возможности»¹. В самом деле, пад заморскими владениями Франции, раскинувшимися в обоих полушариях, в буквальном смысле «никогда не заходило солнце».

Отстояв свою колониальную империю от посягательств германского империализма, французская буржуазия сразу же после окончания первой мировой войны приступает к

ее «освоению», политическому и экономическому. Необходимо отметить, что разные колонии начали осваиваться метрополией в разное время в зависимости от того, когда они оказались под французским господством. Общим для всех заморских владений Франции является активизация их эксплуатации именно после первой мировой войны.

Для более полного представления об «освоении» Францией ее колоний было бы целесообразно посмотреть, как оно осуществлялось на двух уровнях в одном из ее владений и в масштабах всей империи. В качестве примера можно взять Французский Индокитай.

После покорения Тонкина французское правительство в 1886 г. объединило все завоеванные территории Индокитая в Индокитайский союз, во главе которого был поставлен генерал-губернатор. Разные районы Индокитая получили различный статус. Так, Кохинхина, завоеванная французами еще в 1863 г., сразу же стала французской колонией, в то время как Аннам, Тонкин, Камбоджа и Лаос были объявлены протекторатами. Обычно протекторат устанавливался там, где завоевателям было выгодно использовать веками складывавшуюся туземную феодальную власть, превращавшуюся в опору колонизаторов.

Экономическое подчинение Индокитая осуществлялось в разных направлениях и поэтапно. Прежде всего колониальная администрация задалась целью захватить богатейшие земли и недра Индокитая.

До установления французского господства в Индокитае верховным собственником земли там являлось государство в лице аннамского императора, который раздавал ее в вечное пользование своим подданным, которые, в свою очередь, уплачивали за это налог в государственную казну. В деревне основой землепользования и землевладения была община. Французское правительство объявило себя собственником всех «свободных» * земель в Кохинхине, а в протекторатах контроль над ними постепенно захватили французские резиденты.

В 90-е годы XIX в. колониальные власти начинают наступление на общинные земли, в результате чего площади этих земель значительно сократились. К 30-м годам XX в. в Кохинхине их сохранилось только 3%, в Тонкине — 21, в Аннаме — 25% от общего количества обрабатывавшихся

* Под «свободными» землями подразумевались леса, луга и вообще все необрабатывавшиеся земли.

земель. Экспроприированные общинные земли раздавались французским колонистам, чиновникам, миссионерам и военным. По официальным французским данным, к 1921 г. французы получили в концессии около 300 тыс. га земель, в том числе 71 тыс. га в Тонкине и 186 тыс. в Кохинхине².

В то же время колониальные власти старались не затрагивать интересов императорской и королевских семьи, дворцовой знати и помещиков с целью создать в их лице социальную опору своего господства в Индокитае.

Большое внимание с самого начала французы уделяли дорожному строительству в Индокитае. Из всех заемных средств, предоставленных Индокитаю метрополией в период правления генерал-губернатора Думера (1897—1902 гг.), около 99% были использованы на строительство железных дорог.

Широкая разветвленная сеть дорог была необходима французским колонизаторам по двум соображениям. Во-первых, дороги имели для них большое экономическое значение, так как позволяли французскому капиталу проникнуть в самые отдаленные уголки Индокитая. Без хорошо налаженных путей сообщения было практически невозможно обеспечить вывоз сырья, производимого в шахтах и рудниках Индокитая. Сеть железных, шоссейных и гужевых дорог строилась прежде всего в Тонкине, где находился главный район добычи полезных ископаемых. Во-вторых, дороги имели большое военно-стратегическое значение как для борьбы с повстанцами, так и для обороны французских колониальных владений от возможных посягательств со стороны других империалистических держав. До первой мировой войны протяженность железных дорог в Индокитае составляла 1,5 тыс. км, а к началу второй мировой войны было построено 3 тыс. км железных и 32 тыс. км асфальтовых дорог³.

В первый период французского господства в Индокитае, до начала XX в., вся деятельность колониальной администрации была направлена на создание наиболее благоприятных условий для французских инвестиций в индокитайскую экономику. С начала XX в. приток французских капиталов в Индокитай значительно усилился. Если за период с 1888 по 1908 г. французские капиталовложения в Индокитай составили примерно 40—50 млн. золотых фр., то в 1888—1918 гг. они возросли примерно до 500 млн. золотых фр. Эти капиталовложения распределялись следующим образом: в промышленность—249 млн.

золотых фр., в транспорт — 128 млн., в сельское хозяйство — 40 млн. В целом французские капиталовложения достигли 492 млн. золотых фр.⁴

Однако до первой мировой войны вывоз французского капитала в Индокитай в целом был все же невелик.

Когда французы захватили Индокитай, перед ними встала задача установить свою монополию и в торговле новой колонии. С этой целью колониальные власти с самого начала проводят протекционистскую таможенную политику. Еще в 1874 г., т. е. до завоевания Тонкина, был принят закон о снижении тарифов на французские товары на 50%. В 1887 г. был издан указ о значительном повышении тарифов на все иностранные товары, кроме французских, а с 1892 г. французские товары вообще не облагались пошлинами. В результате этих мер иностранный импорт в Индокитай сократился на 56%, в то время как доля Франции и ее колоний неуклонно возрастала. В 1879—1883 гг. она составляла в среднем 16% общего импорта, 1883—1888 гг. — 30%, 1894—1898 гг. — 37%, 1899—1903 гг. — 47%.

Общий объем торговли Индокитая из года в год увеличивался. Если в 1892 г. внешнеторговый оборот Индокитая составлял 172 млн. фр., то в 1913 г. он возрос до 650 млн., в 1919 г. — до 1802 млн., а в 1922 г. превысил 2340 млн. фр.⁵ Этот рост в значительной степени обеспечивался за счет экспорта из Индокитая, который в несколько раз превышал импорт⁶.

Уже в начале XX в. стал явным неравноценный обмен Индокитая с Францией, который истощал ресурсы Индокитая, превращал его в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Из Индокитая вывозилось огромное количество дешевого сырья и ввозилось значительно меньшее количество дорогих промышленных товаров. Главными статьями вывоза из Индокитая были рис, каучук, кукуруза, каменный уголь, олово, цинк. Причем удельный вес тех или иных товаров колебался в зависимости от конъюнктуры на мировом рынке. Французские колонизаторы поощряли те отрасли экономики, которые сулили им большие доходы. Примером могут служить каменный уголь, каучук и рис.

В 1900 г. в Индокитае добывалось всего 250 тыс. т угля, а в 1940 г. французы увеличили его добычу до 2,5 млн. т. Каучук до французского обоснования в Индокитае там вообще не добывался, а в 1941 г. его производилось уже более 75 тыс. т⁷. Накануне второй мировой

войны Французский Индокитай занимал третье место в мире по экспорту каучука, уступая в этом отношении только Малайе и Индонезии. Зато доля риса в экспорте Индокитая перед второй мировой войной значительно снизилась, что было связано с изменением конъюнктуры на мировом рынке.

Экономическое подчинение Индокитая осуществлялось, как уже отмечалось, постепенно, поэтапно. Если до начала XX в. колониальные власти лишь расчищали почву для проникновения в Индокитай французского капитала, то с 20-х годов наблюдается значительное увеличение французских капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство колонии. К середине 30-х годов французские монополии подчинили себе всю хозяйственную жизнь Индокитая. Французский капитал глубоко внедрился во все сферы экономики страны и получал там колоссальные прибыли. Даже по подсчетам буржуазных экономистов, с 1934 по 1938 г. из Индокитая выкачивалось ежегодно более 1 млрд. фр.⁸

Французские инвестиции в Индокитае к началу второй мировой войны, по данным большинства исследователей, оцениваются примерно в 10—12 млрд. фр. Иностранные (нефранцузские) инвестиции составляли менее 3% всех капиталовложений и распределялись в основном в торговле⁹. Таким образом, 97% иностранных инвестиций в Индокитае были французского происхождения. Налицо очень высокая степень монополизации индокитайской экономики французским капиталом.

Таково было положение в одном из районов обширной колониальной империи Франции. Перейдем теперь к рассмотрению общей ситуации в этой империи в период между двумя мировыми войнами.

Как известно, колониализму свойственны две формы управления — прямое и косвенное. Для французского колониализма наиболее характерным являлось использование прямого управления, т. е. через штат чиновников из метрополии, назначаемых министерством колоний. Привлечение в административный аппарат представителей местного населения в практике французской колониальной политики вплоть до начала второй мировой войны было крайне редким. Это обстоятельство, отличавшее французскую колониальную политику от английской, всегда широко опиравшуюся на местную элиту, определяло неустой-

чивость колониального порядка во владениях Франции, со всей силой обнаружившуюся в 40—50-х годах.

В тех французских владениях, где формально сохранялись местные правительства (Аннам, Марокко, Тунис, Сирия, Ливан), действительная власть также находилась в руках колониальной администрации, которая нередко аннулировала неугодные ей постановления местных правительств или даже смещала их.

За время существования французской колониальной империи в метрополии противоборствовали две концепции колониальной политики — «ассоциации» и «ассимиляции» заморских владений. Сторонники ассоциации настаивали на необходимости четкого разграничения интересов колоний и метрополии: колонии призваны были служить лишь источником сырья и продовольствия для метрополий, оставаясь во всем остальном «чужими» для нее. Приверженцы идеи ассимиляции требовали идти дальше — к «европеизации» колоний в экономическом, социально-политическом и культурном отношениях, т. е. к фактической интеграции заморских владений в рамках Французского союза или общества. Позиции сторонников ассимиляции усилились в период обострения кризиса французской колониальной империи. Ассимиляция считалась тогда более эффективным средством удержания колоний в сфере французского господства, нежели ассоциация.

К началу второй мировой войны французская колониальная империя управлялась тремя министерствами — внутренних дел, иностранных дел, колоний. В ведение министерства внутренних дел входил Алжир, считавшийся составной частью Франции (он был разделен на три департамента). Министру иностранных дел были подчинены протектораты (Тунис, Марокко) и подмандатные государства * (Сирия, Ливан), где контроль над деятельностью местных правительств осуществляли французский генеральный резидент или верховный комиссар. Все остальные колонии управлялись министерством колоний.

При министерстве колоний существовал консультативно-совещательный орган — Высший совет колоний. Этот совет, состоявший из высших колониальных чиновников и представителей колоний (по одному от каждой), соби-

* После окончания первой мировой войны Лига наций учредила так называемую мандатную систему, предполагавшую передачу управления (мандата) бывшими германскими и турецкими владениями державам Антанты.

рался нерегулярно и никакого серьезного влияния на линию министерства не оказывал. Наряду с Высшим советом колоний при министерстве существовала Инспекция колоний, призванная осуществлять контроль над деятельностью местной колониальной администрации. На деле же она пользовалась не большим влиянием, чем Высший совет колоний.

Центральной фигурой, определявшей всю политическую и экономическую жизнь в колониях, являлся губернатор или резидент. В функции губернаторов французских колоний входило обеспечение внутренней и внешней безопасности территории, руководство административным аппаратом, осуществление законодательной власти, составление и исполнение бюджета колонии, руководство службой юстиции, право сношения с иностранными сопредельными государствами и колониями. «Противовеса колониальной администрации со стороны местного населения не существует», — отмечал бывший губернатор, ставший профессором Института политических исследований и Национальной школы заморской Франции, Ю. Дешан¹⁰. Губернатор формировал при себе консультативный орган (генеральный, или представительный, совет), куда он по своему усмотрению включал представителей местной элиты.

Характеризуя французский колониальный режим управления, советский исследователь Л. М. Эптин пишет: «Полное отсутствие даже самых элементарных начал самоуправления, устранение коренного населения от решения даже чисто местных дел, централизация и бюрократизация колониального аппарата, построенного на началах строжайшей иерархии и комплектуемого в основном за счет чиновников — выходцев из метрополии, — таковы наиболее характерные черты колониального режима управления, созданного французским империализмом»¹¹.

Вплоть до начала 30-х годов XX в. экономические взаимоотношения метрополии и империи регламентировались принципами так называемого «колониального пакта», сформулированными еще в XVII в. Кольбером. Эти принципы гласили: колонии должны продавать свои продукты исключительно метрополии, торговля между метрополией и колониями осуществляется под французским флагом, колонии обязаны всячески защищать продукцию из метрополии и не создавать у себя конкурентной промышленности.

Лучшие умы Франции долгое время не подвергали ни малейшему сомнению правомерность «колониального пак-

та». Шарль Луи Монтескье в знаменитом сочинении «О духе законов» писал: «Большая часть народов, живущих по берегам Африки, — дикари или варвары... У этих народов нет промышленности, нет ремесел, но есть изобилие драгоценных металлов, которые они получают непосредственно из рук природы; поэтому все цивилизованные народы могут выгодно торговать с ними. Они могут продавать им по весьма высоким ценам вещи, не имеющие никакой ценности»¹².

На таких же позициях стояли Дидро и Д'Аламбер, предложившие лапидарную формулу: «Колонии были созданы метрополией и для метрополии».

Основные положения «колониального пакта» были закреплены в таможенном законе 1892 г., надежно защищавшем интересы промышленности и сельского хозяйства метрополии в колониях. Тем не менее к началу XX столетия экономические отношения между Францией и ее колониальной империей характеризовались парадоксальной ситуацией: с одной стороны, был совершенно очевиден огромный материальный потенциал колониальных владений Франции, представлявший неопределимое значение для ее экономики, а с другой — хозяйственно-экономические связи метрополии с колониями были крайне слабыми и неразвитыми. Так, в 1900—1909 гг. вывоз в колонии едва достигал 12% от общего экспорта Франции, а ввоз из колоний не превышал 10% французского импорта. По данным, приводимым министром колоний А. Сарро, Франция накануне первой мировой войны импортировала сырьевых продуктов на 6,5 млрд. фр., из которых только 700 млн. фр. приходилось на французские колонии¹³. Доля колоний во внешнеторговом обороте Франции в 1905 г. составляла всего 10%. Незначительность этой доли становится особенно очевидной в сравнении с показателями британской колониальной империи: в те же самые годы товарооборот Англии с ее колониями достигал 40% всей английской внешней торговли. И это при том, что природные ресурсы французских владений не уступали богатствам британских. Владения Франции располагали всем комплексом минерального сырья, необходимого для французской промышленности, — углем, фосфатами, медью, никелем и кобальтом, железом, цинком и свинцом, ртутью, золотом и серебром, многими другими ценнейшими ископаемыми. Колониальная же добывающая промышленность долгое время не получала соответствующего развития.

Причина подобного положения заключалась в особенностях развития французского капитализма, который В. И. Ленин характеризовал как ростовщический. Французский финансовый капитал предпочитал вкладывать средства не в сферу производства, а в область кредита и займов, предоставляемых иностранным государствам. Эта устойчивая тенденция сохранялась в некоторых своих чертах вплоть до середины XX в., определив в значительной степени экономическое отставание Франции от ее партнеров и ее неподготовленность к начавшейся в это время научно-технической революции.

Не занимаясь всерьез развитием производительных сил своих колоний, французский капитализм долгое время использовал их лишь как районы продовольственных культур. В колониалистском лексиконе французские владения делились на две основные группы — «поселенческие территории» (*territoires de peuplement*) и «эксплуатируемые колонии» (*colonies d'exploitation*). К первым относились владения с сухим климатом, сходным с европейским, что благоприятствовало иммиграции из метрополии, — Северная Африка, Мадагаскар, Новая Каледония. Ко вторым — колонии с неблагоприятными для европейцев условиями жизни (тропические и экваториальные владения). Если в первом случае осуществлялась массовая экспроприация земель европейскими латифундистами, создававшими на местах крупные поселения, то в другом — эксплуатация даров природы осуществлялась руками местной рабочей силы. Господствующее положение в колониях заняли торговые и банковские компании. Что касается промышленных, в том числе горнодобывающих, а также сельскохозяйственных предприятий, то их число и масштабы деятельности не шли ни в какое сравнение с торговыми. В 1920 г. во французских колониях действовало 431 предприятие, из которых 249 были торговыми, 129 — промышленными и лишь 53 — сельскохозяйственными. Жесткие рамки «колониального пакта» мешали экономическому развитию колоний; они не отвечали и интересам развивавшегося французского капитализма, все более остро нуждавшегося в сырье.

Первым толчком, стимулировавшим более интенсивное «освоение» Францией ее колониальных владений, явилась первая мировая война. «Великая война», как ее принято называть во Франции, потребовала от страны максимального напряжения сил и повлекла огромные людские и ма-

териальные затраты. В эти трудные для Франции годы колониальная империя оказала ей неоценимую помощь. Все экономические ресурсы французских колоний были поставлены на службу метрополии. «Наше сельское хозяйство, наши шахты и рудники сами по себе весьма непроизводительны, — констатировал М. Алэн, автор «Энциклопедии французских колоний», — зерно, мясо, самые ценные металлы были получены из паших далеких земель и оказали нам огромную помощь»¹⁴. Расширенные поставки сырья и продовольствия — рис и кукуруза из Индокитая, сахар с Антильских о-вов и Реюньона, мороженое мясо с Мадагаскара и Новой Каледонии, зерно, масло, скот, хлопок и кожа из Северной Африки, минеральное сырье из Топкина и Новой Каледонии, графит с Мадагаскара — таков экономический вклад французских колоний в победу. За годы войны Франция получила из своих заморских владений 5 млн. т различных товарных грузов. Финансовая помощь колоний метрополии (подписка на займы, пожертвования и т. д.) за 1915—1920 гг., по официальным данным министерства колоний Франции, оценивалась в 1 млрд. фр.

Но этим не ограничивалось участие колониальной империи в первой мировой войне. Колонии были важнейшим поставщиком «пушечного мяса» для французской армии: 600 тыс. солдат из колоний было призвано под знамена Французской республики и 200 тыс. человек с цветной кожей четыре долгих года трудились на французских военных объектах. К ноябрю 1918 г. в рядах действующей французской армии числился 121 батальон колониальных войск¹⁵. «Из них, — говорил в 1920 г. В. И. Ленин, — составлялись ударные группы, их бросали в самые опасные места, где пулеметы косили их, как траву»¹⁶.

Почетные для Франции условия Версальского мирного договора были оплачены жизнями свыше 75 тыс. темнокожих солдат, навсегда оставшихся на полях сражений Шампани, под стенами Вердена, на берегах Марны и Соммы. Кто знает, может быть на площади Этуаль у Триумфальной арки в Париже покоятся останки сенегальского стрелка или алжирского пехотинца?

В годы первой мировой войны буржуазная Франция в составе держав Согласия сумела не только сохранить свою колониальную империю от притязаний государств Тройственного союза, но и присовокупить к ней часть владе-

ний, принадлежавших прежде Германской и Османской империям*.

Одним из уроков первой мировой войны для правящих кругов Третьей республики, несомненно, явилось новое осмысление значения колониальной империи для дальнейшего развития Франции. Обескровленная и ослабленная войной Франция в начале 20-х годов, по сути, впервые обращает серьезное внимание на свою колониальную империю. Этому способствовало также значительное сужение прежних рынков сбыта и сырья.

В Париже один за другим появляются многочисленные проекты «освоения» колоний, рецепты более тесного привязывания колоний к экономике метрополии. Инициатором и вдохновителем этой кампании был влиятельный политический деятель Третьей республики Альбер Сарро, занимавший в начале 20-х годов пост министра колоний. В своей программной книге, опубликованной в 1923 г., он утверждал: «Приобщение колоний к национальной жизни представляется отныне условием подготовки Франции к той роли, которую она может и должна играть в решении серьезных проблем, встающих перед человечеством в исторической перспективе»¹⁷. «На смену завершившемуся этапу завоевания, — провозглашал А. Сарро, — приходит новая стадия — экономического и морального освоения колоний»¹⁸.

12 апреля 1921 г. А. Сарро представил палате депутатов проект закона об «общей программе освоения колоний». Параллельно предпринимались робкие попытки проведения реформ в отдельных колониях. В Алжире в феврале 1919 г. был принят так называемый закон Жоннара (по имени тогдашнего генерал-губернатора Алжира), предоставлявший право получения французского гражданства местной элитой при условии отказа от туземного статуса. Закон облегчал возможность получения арабами офицерских званий во французской армии, а также санкционировал отдельные налоговые послабления.

В Тунисе в июле 1922 г. был издан декрет об изменении административной и юридической организации и некотором расширении местного представительства в органах власти.

* После войны Франция добилась от Лиги наций мандатов на управление Левантом (Сирия и Ливан), а также Того и Камеруном. В результате площадь ее колониальной империи возросла на 625 тыс. км², а численность населения — на 5,5 млн. человек.

В марте 1925 г. во Французской Западной Африке были введены льготы для ветеранов войны, а также предоставлены населению избирательные права по выборам в местные органы власти.

В ноябре 1928 г. в Индокитае взамен Правительственного совета, состоявшего из французских чиновников, учреждался Большой Совет по экономическим и финансовым интересам Индокитая. Представители местной знати были допущены к участию в управлении внутриэкономической жизнью.

Итогом скромной реформаторской деятельности правительства в колониальной области явилось принятие 13 апреля 1928 г. нового таможенного закона, заменившего закон 1892 г. В новом законе нашли отражение изменения, происшедшие за три с лишним десятилетия как в мировой экономике, так и в положении колоний. Согласно новому закону, все заморские территории были разделены на две группы. В первую группу вошли наиболее старые французские владения, а также наиболее богатые — североафриканские. Для них создавался режим ассимиляции, т. е. они подпадали под действие тарифа метрополии. Вторую группу составляли колонии, получившие преференциальный (льготный) режим (Французская Западная Африка, Новая Каледония, Океания, Сен-Пьер и Микелон) и сохранившие непреференциальный режим (Французская Экваториальная Африка, Того, Камерун). Товары из последней группы колоний приравнивались к иностранным и облагались обычным тарифом. Таким образом, подавляющая часть наиболее производительных владений была включена в орбиту экономической жизни метрополии. Оценивая значение нового тарифного закона, один из его горячих приверженцев — доктор права Ж. Роблен отмечал: «По закону 1892 г. Франция не извлекала из своих владений всего необходимого ей сырья и продуктов питания, которые она могла бы там найти с большей выгодой, нежели за границей. Теперь, благодаря мудрым мерам, принятым законодательной властью, мы станем свидетелями расширения производительной способности нашей колониальной области и наше снабжение ощутит все счастливые последствия этого»¹⁹.

В русле программы «освоения», предложенной А. Сарро, во французских колониях осуществлялись определенные мероприятия экономического характера. В 20-х годах были расширены порты Дакара, Орана, Алжира и начато

строительство порта Касабланки; велось строительство сети железных и автодорог в Индокитае и Марокко; строилась железная дорога Бразавиль — Пуэнт-Нуар (побережье Атлантического океана), Джибути — Аддис-Абеба; проводились ирригационные работы в средней долине Нигера; приступили к строительству гидроэнергетических сооружений в Индокитае и т. д. Особое внимание обращалось на необходимость сооружения морских портов и дорог к ним. «Продукты должны доставляться в порты погрузки с минимальными издержками и в максимально короткие сроки, — подчеркивал Ж. Роблэн в 1928 г. — Нельзя забывать, что без этого они будут идти в соседнюю иностранную колонию, которая транспортировала бы эти продукты в лучших условиях»²⁰.

Вторым мощным толчком, побудившим французский капитал интенсифицировать эксплуатацию колоний, стал мировой экономический кризис 1929 г. Кризис поразил Францию с опозданием — только в 1931 г., но тем сильнее было его разрушительное действие на экономику страны, с трудом оправившейся от губительных последствий первой мировой войны. К тому же во Франции кризис принял затяжной характер и продолжался более семи лет. Французская экономика начала выходить из застоя только весной 1938 г., когда индекс промышленного производства составил 88 (1928 г. — 100).

«Мировой кризис... — отмечал профессор Сорбонны Ш. Робекэн, — привел нации к замыканию в самих себе с тенденцией к созданию закрытой экономики. Для метрополитис речь шла, разумеется, не о национальной автаркии, а об имперской»²¹. Для Франции начала 30-х годов это не было чем-то новым. Все предложения об «освоении» колоний, появившиеся после окончания первой мировой войны, и прежде всего программа А. Сарро, исходили именно из автаркической концепции. Экономический кризис укрепил позиции сторонников имперской автаркии в руководстве Третьей республики.

Начало 30-х годов — это время колониального бума, пик активности колониалистской пропаганды. Идеологи и журналисты единодушно указывали на империю как панацею от обрушившихся на Францию экономических потрясений. «Почему в данный момент наблюдается столько шума вокруг колониального вопроса? — отмечал в те дни прогрессивный публицист А. Картье. — Экономический кризис, который до основания сотрясает капиталистический

мир, все больше и больше ударяет по Франции. Французский империализм пытается, с одной стороны, переложить все его тяготы на трудящиеся массы Франции, страдающие от безработицы и растущей нищеты, и, с другой стороны, выжимать до последней капли колониальные народы»²².

Влияние экономического кризиса на колонии было неоднозначным. С одной стороны, палицо была резко усиливавшаяся эксплуатация природных и людских ресурсов французских владений, сопровождавшаяся расхищением их национальных богатств. С другой стороны, очевидным являлось ускорение развития производительных сил колоний и их постепенное включение в мировую экономику. За 1919—1934 гг. во французские колонии в форме займов колониальным властям и прямых инвестиций было вывезено из метрополии свыше 24 млрд. фр., причем в отдельные периоды этот вывоз капитала составлял до 75% всего французского экспорта капитала. Использование этого капитала, а также расширение колониальной эксплуатации приводили к усилению разработки естественных богатств колоний, развитию железных дорог, средств связи, строительству новых портов, появлению в колониях машиностроительных и даже небольших металлургических предприятий (в Индокитае). Под давлением французских предпринимателей хозяйство многих колоний приняло монокультурный характер (вина и зерновые хлеба в Алжире, сахар и ром на Гваделупе и Мартинике, масличные семена и плоды во Французской Западной Африке и т. д.). Вырос объем торговли французских колоний. Уже в 1929 г. он был в 2,5 раза больше, чем в 1910 г., и в 4,5 раза больше, чем в 1900 г.

Неуклонно возрастали торговые обмены Франции с ее колониями: в 1913 г. доля колоний в торговле метрополии составляла всего 12,5%; в 1927 г.— 13; в 1932 г.— 25; в 1935 г.— 28,2; в 1936 г.— 30,4%²³.

В 1935 г. общий объем внешней торговли Франции оценивался в 36,5 млрд. фр.; на колонии приходилось 10,3 млрд. фр., в том числе свыше 5 млрд.— на импорт (25,7%) и 4,9 млрд.— на экспорт (31%). Относительная доля Франции во внешней торговле колоний увеличилась за годы кризиса с 50% в 1927 г. до 60% в 1938 г.

О последствиях мирового экономического кризиса для отношений Франции с ее колониальной империей свиде-

тельствуют показатели внешней торговли Франции за 1927—1935 гг. (в млн. фр.):

Год	Импорт		Экспорт	
	из-за границы	из колоний	за границу	в колонии
1927	46 991	6 058	47 208	8 324
1928	46 551	7 093	42 700	9 303
1929	51 211	7 009	40 690	9 449
1930	45 980	6 530	33 984	8 851
1931	36 033	6 172	23 274	7 162
1932	23 585	6 223	13 501	6 205
1933	21 700	6 730	12 485	6 989
1934	17 253	5 844	12 336	5 514
1935	15 562	5 383	10 583	4 890

Как видно из таблицы, сокращение торговли с колониями не идет ни в какое сравнение с общим падением внешнеторговых связей Франции. В 1927—1935 гг. относительное значение для Франции колониальной торговли более чем удвоилось. Она составляла более одной четверти французского импорта и около одной трети ее экспорта (против 10,95 и 12,81% за 1909—1913 гг.).

В 1935 г. из общего объема экспортiruемой из Франции продукции ее колониальная империя получила 41,5% электровозов и запасных частей к ним, 42,2 — одежды и белья, 44,7 — изделий парфюмерной промышленности, 45 — автомобилей, 51,5 — металлоизделий и инструментов, 84,4% хлопчатобумажных тканей.

В результате усилий, предпринятых в 30-е годы, к началу второй мировой войны колониальные владения были тесно привязаны к экономике метрополии.

В конце 30-х годов колонии, наконец, стали основной продовольственной базой Франции. Индокитай занял третье место в мире по производству риса и вместе с Мадагаскаром и Французской Экваториальной Африкой вышел в число крупнейших экспортеров этого продукта. Плантаторское винодельческое хозяйство Алжира достигло примерно 30% от французского производства вина в целом.

Французская шерстяная, каучуковая, химическая промышленность, цветная металлургия и другие важнейшие отрасли в значительной степени перешли на использование сырья, доставлявшегося из французских колоний.

Усилился поток капиталовложений в колонии: объем французских инвестиций увеличился с 4 млрд. золотых фр. в 1914 г. до 17,5 млрд.— в 1940 г., т. е. более чем в 4 раза.

В целом подъем производительных сил французских колоний к началу второй мировой войны был очевиден. Но не менее очевидным было и то, что он осуществлялся в уродливых формах и ориентировался исключительно на эгоистические интересы метрополии. Дух изжившего себя «колониального пакта» продолжал определять политику Третьей республики в колониях, не давая должного простора их экономическому развитию. Это признают наиболее серьезные французские исследователи, указывающие на поверхностный и эгоистический характер мероприятий метрополии в колониях в 30-х годах. Известный исследователь колониальной политики Франции М. Девез отмечает: «Недостаточное развитие французского торгового флота и дороговизна французского рынка (в последние предвоенные годы) также были серьезным препятствием экономическому процветанию колоний. Продо-вольственным культурами, дававшими пропитание населению, пренебрегали ради экспортных культур, более рентабельных и выгодных крупным торговым компаниям. Эксплуатация богатств часто была весьма поверхностной; не было даже составлено и тем более реализовано никакого общего плана. Не было проведено полного учета ни ресурсов рудников, ни гидроэнергетических возможностей»²⁴. «Необходимо подчеркнуть, — отмечает другой французский исследователь, — что кризис (1929 г.— П. Ч.) не изменил сугубо колониальных экономических структур, несмотря на все более и более усиливающееся вмешательство государства: индустриализация (колоний. — П. Ч.) остается в эмбриональной стадии...»²⁵

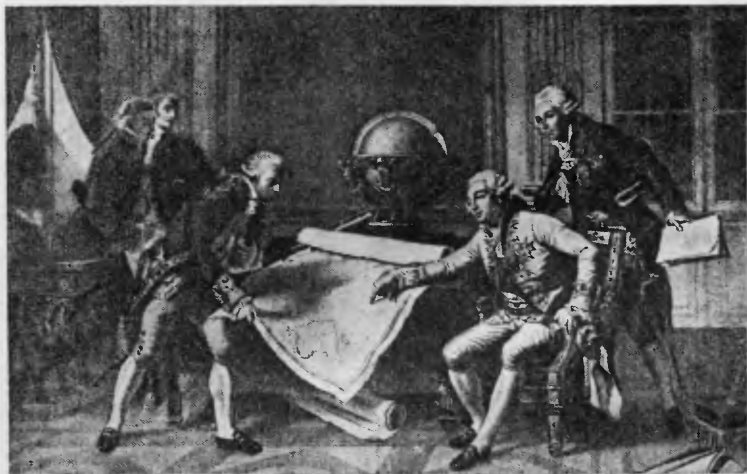
Крайняя отсталость колоний особенно проявлялась в социальной сфере. Доход на душу населения во Франции (1938 г.) составлял 4761 фр., а в заморских владениях — в среднем всего 115 фр. По данным, приводимым А. Картье, в Алжире в 1930 г. на нужды армии было израсходовано 61 млн. фр., а на народное образование — лишь 23 млн. фр.²⁶

В высших учебных заведениях Франции в 1938/39 учебном году получали образование всего лишь 866 студентов из заморских владений, где проживало 65 млн. человек²⁷.



Последний крестовый поход (1270 г.)
Миниатюра XV в.

Ж. Ф. Лаперуз у Людовика XVI перед отправлением в экспедицию





ФРАНЦИСК I



Кардинал РИШЕЛЪЕ
Гравюра XVII в.



Ж. Б. КОЛЬБЕР
Гравюра XVII в.



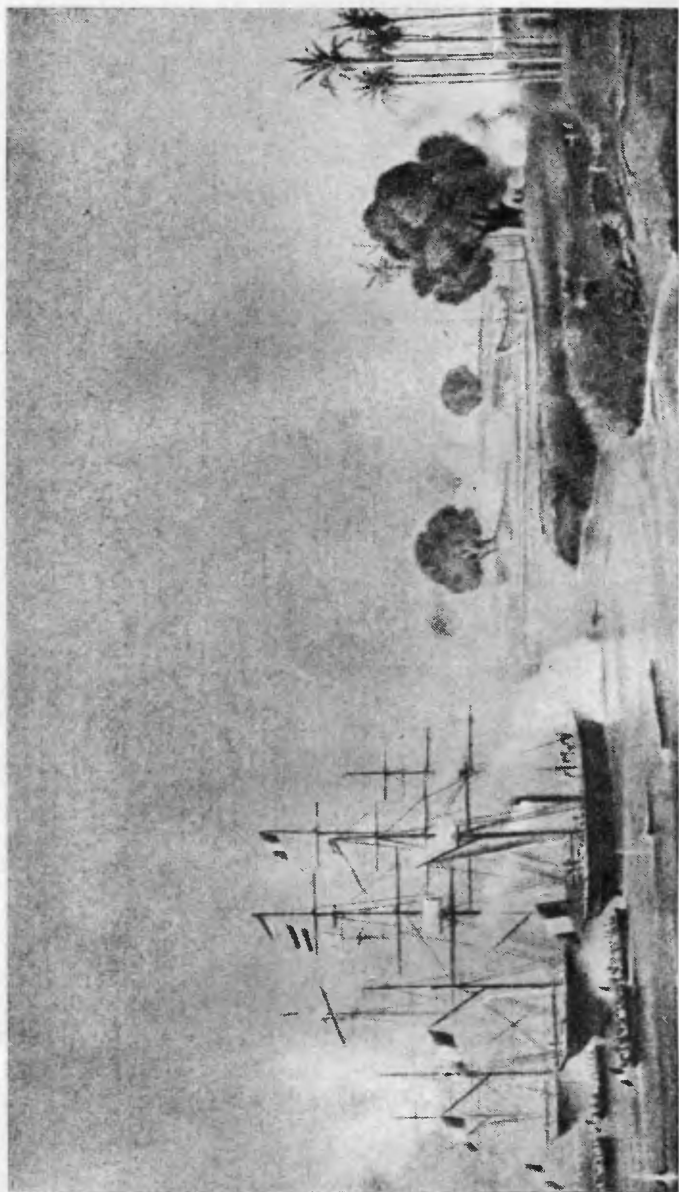
ЛЮДОВИК XIV
Гравюра XVII в.

Первые французы на Мадагаскаре
Гравюра конца XVII в.





Кибинь в XVIII в.



Взятие Сайгона (Февраль 1859 г.)



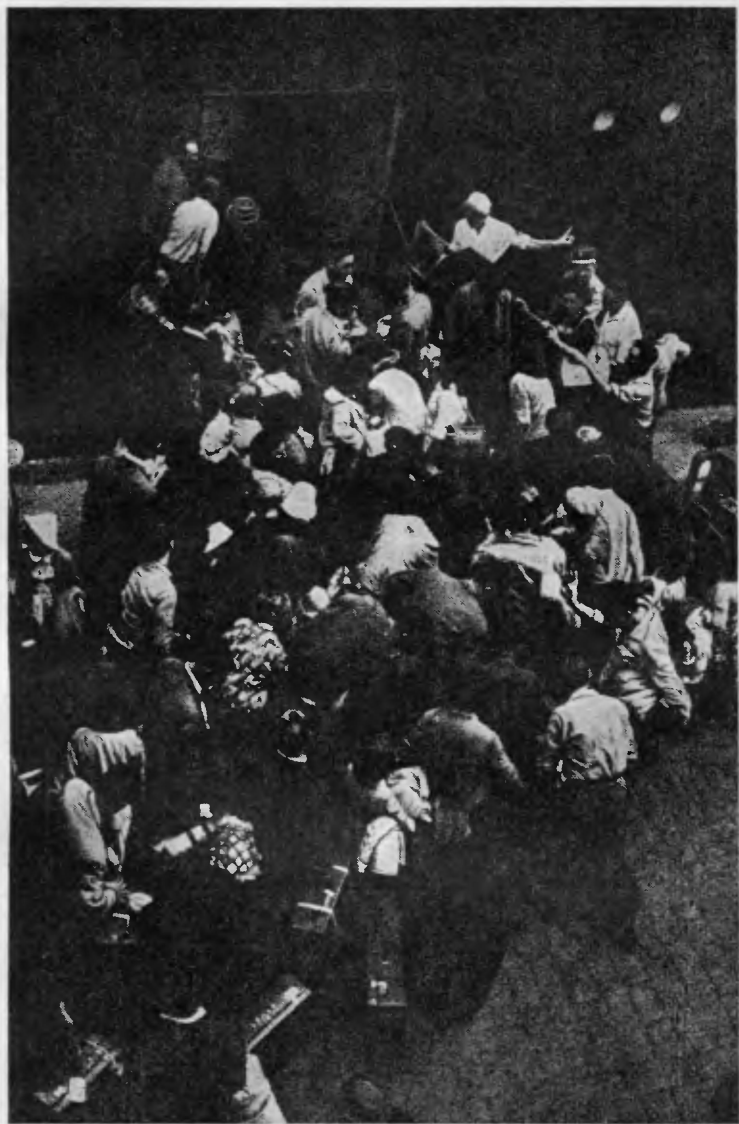
Провозглашение французского протектората в Тунисе
Настенная роспись Африканского зала Версаьского дворца

Борьба за Марокко
Карикатура начала XX в.





Генерал ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ
1960-е годы



**«Черногорцы» покидают Алжир
(лето 1962 г.)**

На крайне низком уровне было медицинское обслуживание во французских колониях. Часто оно отдавалось на откуп редким энтузиастам, ограниченным в средствах. Если во Франции в 1938 г. один врач приходился примерно на 1,5 тыс. жителей, то в Алжире, 100 лет пользовавшемся «благами» французской цивилизации, — на 6,7 тыс. жителей, в Марокко — на 30 тыс., а во Французской Экваториальной Африке — на 43 тыс. человек²⁸.

Представительство французских колоний в центральных органах власти Третьей республики к началу второй мировой войны ограничивалось 19 местами в палате депутатов (из 600) и 7 местами в сенате (из 300). Избирательный корпус колоний (где проживало 65 млн. человек) составлял всего 400 тыс. человек и при этом ограничивался в основном старыми владениями (Антильские о-ва, Гвиана, Реюньон, владения в Индии, Алжир, Кохинкина и четыре коммуны в Сенегале). Такое узкое представительство ни в коей мере не соответствовало тому огромному значению, которое колониальная империя приобрела для метрополии, став ее главной материальной опорой и одной из основ международного престижа буржуазной Франции. «Мало кто из французов, — писал член Академии колониальных наук Франции профессор Ж. Арди, — представляет себе, чем была бы для Франции утрата ее заморских владений. Уменьшенная до пределов своей континентальной территории, отсутствующая в других частях мира, вынужденная подчинить производство и торговлю интересам своих соседей, она была бы лишена значительной части своего влияния и когда-нибудь перестала бы считаться великой державой»²⁹.

Что касается правящих кругов Третьей республики, ее «двухсот семейств», то они прекрасно сознавали роль и значение французской колониальной империи и бдительно следили за поддержанием стабильности и «порядка» во всех ее уголках. Этот порядок обесценивался прежде всего колониальной армией, насчитывавшей в 20—30-е годы от 118 до 132 тыс. солдат и офицеров.

В сохранении незыблемости устоев колониальной империи кровно были заинтересованы многочисленные переселенцы из метрополии, прочно осевшие на благодатных землях Магриба, Мадагаскара и других территориях. Число французов, постоянно проживавших в заморских владениях, выросло с 1,1 млн. человек в 1912 г. до 2 млн. накануне второй мировой войны³⁰. Социально-професси-

ональный состав французского населения в колониях находился в прямой зависимости от природно-климатических условий в них. В колониях с климатом, благоприятствующим жизнедеятельности европейцев («territoires de repeuplement»), преобладали латифундисты и фермеры, занятые в сельском хозяйстве; в «colonies d'exploitation» был большой процент торговцев и перекупщиков. Но в обоих случаях значительную часть европейского населения в колониях составляла администрация и армия³¹.

Европейцы захватывали лучшие обрабатываемые земли в Магрибе, Индокитае и других колониях. В Алжире, например, французы, составлявшие одну десятую часть населения страны, владели 2 млн. 700 тыс. га плодородной земли (из общей ее площади 10 млн. 200 тыс. га). В Марокко, насчитывавшем 8 млн. человек, из 12 млн. га земель 1 млн. га находился в руках 150-тысячной французской колонии. Такое же положение наблюдалось и во многих других владениях Франции.

Французские колонисты являлись наиболее решительными проводниками колониалистской идеологии; они оказывали ощутимое давление на политику как местной администрации, так и центрального правительства.

Становление колониалистской идеологии во Франции, истоки которой уходят во времена Ришелье и Кольбера, происходило в годы, последовавшие за окончанием первой мировой войны. Именно тогда во Франции, как уже отмечалось, началось переосмысление значения колониальной империи для метрополии, а одновременно появился новый интерес к колониальной истории. Инициатором этого поворота в буржуазной политической мысли Франции был историк Альфред Мартино, основавший еще в 1912 г. журнал «Ревю д'истуар де колони франсез». «Колониальная история,— отмечал в 1953 г. профессор Ж. Арди, автор двух десятков книг по истории колониальной политики,— начала приобретать в нашей стране значение только 40 лет назад. До этого ей дружно отказывали в праве на самостоятельное существование, так как ввели в колониализации не что иное, как одну из форм завоевания, т. е. в конечном счете — простой эпизод общей истории»³².

После первой мировой войны, в 20-е и особенно в 30-е годы, во Франции растет волна «колониального шовинизма». В политическом лексиконе французских руководителей межвоенного периода широко употребляются выражения «стоимиллионная Франция», «Франция пяти частей

света» и т. д. В начале 30-х годов в Париже входит в моду именовать свои колониальные владения на английский манер — «империей», хотя официально с 1930 г. эти владения называются «заморской Францией» (France d'outre-mer). Появляются многочисленные сочинения идеологов и публицистов, содержащие «рекомендации» и «советы» правительству об усилении внимания к колониальным проблемам. «Колониальная политика,— писал в 1926 г. один из апологетов колониализма, главный редактор органа деловых кругов журнала «Монд экономик» Р. Дусэ,— есть искусство организовать и использовать, применяя современные методы, нецивилизованную страну... в целях увеличения ее богатств для того, чтобы они служили интересам народа-колонизатора»³³.

Была объявлена война «индифферентности» населения метрополии в отношении колоний. «Мы имеем империю, но где же сознание?»— вопрошал один из руководителей Третьей республики А. Тардьё³⁴. «Необходимо... колониальное воспитание толпы»,— предлагал Р. Дусэ³⁵.

В 1928 г. в Париже вышла книга Ж. Роблэна «Снабжение Франции ее колониями», в которой содержалась развернутая программа колониалистского «воспитания» французов. «Большинство французов,— меланхолично констатировал автор,— совсем не знают колоний, а среди подготовленных людей мало кто ими интересуется». «Искусная, упорная и разнообразная пропаганда,— предлагал он,— призвана сформировать колониальную психологию и заставить незнающих, равно как и безразличных, понять все значение той помощи, которую колонии могут оказать Франции. Достичь широкой массы — такова главная задача колониальной пропаганды... Необходимо также вести пропаганду через газеты и журналы»³⁶. Ж. Роблэн призвал промышленников, торговцев и колониальную администрацию внести вклад в колониалистскую пропаганду. Французский покупатель должен приобретать «свою» колониальную продукцию, а не заграничную. Созыв научных конференций, демонстрация фильмов, организация выставок или стендов, отражающих «достижения» французских колоний, введение специальных курсов в начальной, средней и высшей школе по «колониальному образованию», поощрение молодежи к карьере в заморских владениях — таковы основные предложения, выдвинутые Роблэном и другими апологетами и идеологами колониализма. К слову сказать, многие из этих предложений были

проведены в жизнь. Французская пресса межвоенного периода регулярно помещала среди своих материалов хронике из колониальной жизни. В школах были существенно расширены программы по колониальной географии и истории.

8 июля 1922 г. в Париже торжественно была открыта Академия колониальных наук, ставшая с 1926 г. государственным учреждением. Основателем ее был Альбер Лебрен, а почетным президентом становился очередной министр колоний.

В 1931 г. вышла первая двухтомная «Практическая иллюстрированная энциклопедия французских колоний», написанная М. Алэном и с предисловием президента республики Поля Думера. «Наши колонии,— подчеркивалось в энциклопедии,— позволяют распространять через наших колонистов и наши товары нашу цивилизацию по всему миру; они дают возможность нашему знамени развеяться над самыми отдаленными землями...»³⁷ Спустя пять лет появилась восьмитомная «Колониальная и морская энциклопедия», адресованная экономистам, деловым людям, фирмам и предприятиям, администрации и всем занимающимся или интересующимся колониальными проблемами.

В 1931 г. в Париже была проведена первая международная колониальная выставка, где был устроен смотр «достижений» французской колониальной империи. Кстати, сам термин «империя» прочно вошел в употребление именно после этой выставки.

По инициативе маршала Лиотэ в 1934 г. был открыт Музей заморской Франции, где были выставлены экспонаты из всех французских колоний и освещалась история их захвата и «освоения».

«Интенсивная пропагандистская кампания в пользу „колониального дела“ Франции,— отмечал в 1932 г. А. Картье,— ведется непрерывно. Кино и школа, радио и пресса ничем не пренебрегают ради того, чтобы вдолбить десяткам миллионов французов безграничное восхищение „благородной цивилизаторской миссией“, выполняемой Францией в пяти частях света»³⁸.

30-е годы были временем апогея французского господства в колониях, где метрополия безраздельно властвовала и повелевала. Ничто, казалось, не предвещало близкого крушения веками и десятилетиями создававшегося колониального порядка. «К счастью,— умиротворенно кон-

статировал в те годы Р. Дусэ,— ни в одной из французских колоний не существует ни риска открытого мятежа, ни даже сколько-нибудь серьезного непонимания между метрополией и колониями»³⁹.

А между тем в это самое время в недрах колониальной империи Франции, так же как и других колониальных держав, происходили серьезные глубинные процессы, шло накопление того взрывного материала огромной революционной силы, который спустя два десятилетия уничтожил казавшуюся вечной колониальную систему мирового капитализма.

30-е годы были временем нарастания кризиса этой системы, исходный пункт которого был четко обозначен двумя событиями исторического значения — первой мировой войной и Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Эти события послужили мощным толчком для пробуждения национального самосознания колониальных и зависимых народов. Они стали началом общего кризиса капитализма, охватившего и французскую колониальную систему.

Глубокий политический кризис французской колониальной империи, возникший в 20—30-е годы, проявлялся в самых разных формах: в подъеме на качественно новую ступень национально-освободительного движения, выдвинувшего требование ликвидации системы колониального господства и угнетения; в полной дискредитации идеи и практики «колониального пакта»; растущем несоответствии старых форм колониального управления новым условиям, создавшимся в колониях; в робких попытках осуществить структурную реформу колониальной империи на обновленной идейной платформе «союза» или «сообщества».

В отличие от Британской колониальной империи, претерпевшей с начала XX в. достаточно серьезную структурно-политическую трансформацию (вступление в силу в 1919 г. Акта о государственном управлении Индии, впервые учреждавшего в стране двухпалатный парламент, окончание в 1922 г. английского протектората над Египтом, признание суверенитета доминионов в 1926 г. и т. д.), колониальная империя Франции, как мы видели, вплоть до начала второй мировой войны не знала глубоких реформ подобного рода. Третьей республике не хватило британской гибкости и решительности отказаться от

давно изживших себя концепций «колониального пакта». Это скорее всего и определило, наряду с другими причинами, остроту и затяжной характер последующего конфликта между метрополией и колониями, особо болезненные формы крушения французской колониальной империи.

Народы французских колоний чувствовали себя обманутыми после окончания первой мировой войны, на алтарь которой они принесли немалые жертвы ради победы Франции. Правящие круги Третьей республики категорически отказывались не только предоставить политическую независимость наиболее развитым колониальным странам, но и расширить их внутренний суверенитет. Интенсивная эксплуатация колоний, усиление империалистического гнета способствовали обострению противоречий внутри французской колониальной империи. Чем активнее французские колонизаторы «осваивали» свои колонии, создавая там основы промышленной и сельскохозяйственной инфраструктуры, тем более сильным и осознанным становилось стремление колониальных народов к политической независимости.

Октябрь 1917 г. послужил своего рода сигналом к певиданному доселе подъему национально-освободительного движения. Французский колониализм столкнулся с повсеместно растущим организованным протестом и отпором политике колониального угнетения и эксплуатации.

Получив на конференции держав-победительниц в Сан-Ремо в апреле 1920 г. мандат Лиги наций на управление Сирией и Ливаном, Франция вынуждена была навязывать свои «права» народам этих стран силой оружия. С самого начала французские колонизаторы столкнулись здесь с мощной волной народного сопротивления. В июле 1920 г., предъявив ультиматум сирийскому правительству о безоговорочном признании мандата Франции, французские войска разбили отряды сирийских добровольцев и оккупировали Дамаск. Однако борьба продолжалась. В 1920—1924 гг. в Сирии произошло шесть крупных восстаний против французских колонизаторов. В июле 1925 г. на территории Джебель-Друз вспыхнуло восстание друзских племен, поддержанное буржуазной Национальной партией. Восстание, распространившееся на другие районы Сирии, продолжалось два года и сильно подорвало французские позиции в Леванте.

В июле 1930 г. состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Сирии и Ливана, провозгласивший в качестве непосредственной цели борьбу за национальную независимость и единство страны. С 20 января по 1 марта 1930 г. в Сирии и Ливане проходила всеобщая забастовка с требованием ликвидации французского мандата.

Французское правительство перед лицом мощного национально-освободительного движения вынуждено было маневрировать и идти на уступки. В 1930 г. оно санкционировало принятие в Сирии и Ливане конституций, обеспечивавших определенные элементы внутренней автономии этих двух стран.

Результатом настойчивой борьбы сирийского и ливанского народов за политическую независимость явилось подписание правительством Народного фронта франко-сирийского (9 сентября 1936 г.) и франко-ливанского (13 ноября 1936 г.) договоров. По этим договорам предусматривалась отмена французского мандата в течение трех лет со времени подписания договора и последующее вступление Сирии и Ливана в Лигу наций. Однако договоры так и не были реализованы вплоть до начала второй мировой войны. После распада Народного фронта французский парламент отклонил ратификацию договоров с Сирией и Ливаном.

Ширилось национально-освободительное движение в странах Магриба. Первым сильным ударом по колониальному режиму в Северной Африке явилась освободительная война марокканских рифских племен под руководством Абд-аль-Керима, продолжавшаяся пять лет (1921—1926).

В 1934 г. буржуазные националисты из «Марокканского комитета действия» предъявили французским властям требования проведения в Марокко реформ, предусматривавших внутреннюю автономию, предоставление демократических прав и свобод, признание арабского языка официальным языком страны и т. д. Эти требования были отклонены, а деятельность комитета запрещена, что вызвало волну митингов, демонстраций и забастовок по всей территории Марокко. В августе 1937 г. в горах Атласа вспыхнуло восстание племен, жестоко подавленное колониальными властями.

В 1949 г. алжирская национальная делегация, возглавляемая эмиром Халидом, внуком героя Алжира Абд-

аль-Кадера, прибыла на Парижскую мирную конференцию и передала требование предоставления независимости Алжиру.

В 1920 г. была создана Алжирская секция Французской коммунистической партии, которая с 1936 г. стала действовать как самостоятельная партия.

В 20—30-х годах возникли буржуазно-националистические организации «Североафриканская звезда», Федерация избранных мусульман, Союз алжирских улемов, выдвинувшие национальные и социальные требования. В 1936—1937 гг. в Алжире прошли массовые демонстрации и забастовки, восстания батраков. Под напором этих требований в январе 1937 г. палата депутатов Франции одобрила законопроект Блюма—Виолетта, предусматривавший предоставление французского гражданства местной элите, насчитывавшей 20 тыс. человек. Однако решительное сопротивление шовинистически настроенных французских поселенцев в Алжире воспрепятствовало реализации этого законопроекта.

В 1920 г. в Тунисе возникает либерально-конституционная партия «Дестур», объединившая национальную буржуазию, либеральных помещиков и чиновников, интеллигенцию. Партия «Дестур» выдвинула ряд требований: создание на основе всеобщего избирательного права законодательного собрания, состоящего из тунисцев и французов, формирование ответственного перед собранием правительства, допуск тунисцев к работе в правительственных учреждениях, образование муниципалитетов, обязательное преподавание арабского языка, свобода печати, собраний и союзов. Отклонив эти требования, французское правительство было все же вынуждено в 1922 г. провести в Тунисе конституционную реформу, разрешив создание там Большого совета (парламента) с неравным представительством европейцев и арабов. Одновременно колониальные власти усилили репрессии против национально-го движения, запретив партию «Дестур».

С 30-х годов начинается новый подъем освободительного движения в Тунисе, в которое вовлекаются массы феллахов. В 1934 г. Хабиб Бургиба учреждает партию «Новый Дестур», выдвинувшую требование предоставления независимости Тунису. Антиколониальное движение в стране приняло столь широкие масштабы, что колониальные власти вынуждены были в 1938 г. ввести осадное положение в Тунисе.

Мощный подъем национально-освободительного движения охватил Французский Индокитай. В 1919—1921 гг. происходили крестьянские восстания в Лаосе. В 1924 г. во Вьетнаме (Намдин и Бьенхоа) прошли первые организованные забастовки. В 1925 г. Хо Ши Мин создал первую вьетнамскую марксистскую организацию Товарищество вьетнамской революционной молодежи. В 1926—1929 гг. по Вьетнаму прокатилась волна экономических и политических забастовок. В это же время вспыхнули крестьянские восстания в Камбодже. Крупным событием явилось основание в феврале 1930 г. Коммунистической партии Вьетнама. В феврале же 1930 г. в Иенбае произошло восстание вьетнамских солдат французских колониальных войск, подготовленное буржуазной Вьетнамской национальной партией, действовавшей с 1927 г.

В октябре 1930 г. ЦК Коммунистической партии Вьетнама принял решение о создании массовых организаций и Единого национального фронта для завоевания национальной независимости и осуществления буржуазно-демократической революции. Тогда же компартия была переименована в Коммунистическую партию Индокитая.

В годы Народного фронта во Франции освободительное движение в Индокитае, как и в других французских владениях, добилось определенного смягчения колониального режима. Однако в начале 1939 г. колонизаторы предприняли новое наступление на права и свободы, отвоєванные в 1936—1938 гг. Компартия Индокитая вынуждена была уйти в глубокое подполье.

Таким образом, общая картина французской колониальной империи к началу второй мировой войны была далеко не безоблачной и не радужной. Оценивая ситуацию во французских владениях накануне войны, М. Девез пишет: «Как в экономической, так и в политической областях в 1939 г. настоятельно требовались структурные реформы; век чистого колониального капитализма для заморских стран миновал. Туземцы просили о более интенсивной разработке богатств земли и недр, требовали расширения экспорта продовольственных культур, постепенной индустриализации, большей гибкости таможенной политики, нового прилива капиталов и технических специалистов из метрополии»⁴⁰. Однако Франция никак не реагировала на нужды и потребности своих колоний. «Накануне войны она, казалось, была разбита реформаторским параличом», — констатирует М. Девез⁴¹.

Все заботы Третьей республики во второй половине 30-х годов были сосредоточены на Европейском континенте, где в это время сгустились грозные тучи, предвещавшие вторую мировую войну.

Развитие национально-освободительного движения народов французских колоний в межвоенный период подготовило почву для ликвидации колониальной империи Франции. Нужен был мощный внешний толчок, чтобы вызвать накапившийся взрыв. Таким толчком стала вторая мировая война.

Глава 3

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция положили начало кризису колониальной системы мирового капитализма. Вторая мировая война стала исходным моментом в крушении этой системы, в том числе и французской колониальной империи.

Война оказала глубокое и противоречивое воздействие на взаимоотношения империи и метрополии. С одной стороны, она вызвала резко возросшую тягу метрополии к своим колониям, у которых она искала материальной поддержки (контингенты для армии, промышленное сырье, продовольствие, стратегические базы и т. д.). С другой — ситуация, сложившаяся во французской колониальной империи после поражения Франции в 1940 г., привела к значительному ослаблению хозяйственно-экономических связей империи и метрополии. В ряде случаев французские позиции в колониях (Индокитай, страны Леванта) серьезно пострадали. Ослабление экономических связей усугублялось падением политического престижа и влияния Франции в колониях, где во время войны развернулось мощное национально-освободительное движение. Но все это обнаружилось ближе к концу войны, а в начале ее метрополия возлагала большие надежды на свою колониальную империю.

Уже в первые сентябрьские дни 1939 г. Франция вновь ощутила стратегическое значение своего колониального тыла. Под трехцветные знамена осенью 1939 г. было призвано 216 тыс. алжирцев, в том числе 123 тыс. арабов

и 80 тыс. солдат из Черной Африки. Колонии значительно увеличили поставки сырья и продовольствия в метрополию. Одни только африканские владения за два военных года в 6 раз увеличили производство каучука, в 2 раза — хлопка, в 3 раза — золота и в 5 раз — алмазов. «Империя, — писал губернатор Чада А. Лоранти, — бросилась в работу с невиданным порывом»¹.

Без помощи колоний Франции было бы крайне трудно ликвидировать острый продовольственный кризис, возникший в стране к концу войны. Об этом пишет в своих мемуарах Ш. де Голль, указывающий, что весной 1944 г. в заморских территориях было накоплено запасов продовольствия для метрополии на сумму 10 млрд. фр.²

Широкая материальная поддержка со стороны империи при всем ее значении не могла, конечно, компенсировать общую слабость Третьей республики перед лицом держав «оси», во многом объяснявшуюся духом капитулянтства и пораженчества ее политического руководства на всем протяжении 30-х годов. Менее полутора месяцев понадобилось гитлеровскому вермахту для того, чтобы разгромить французскую армию и, без единого выстрела вступив в Париж, принудить правительство Петэна подписать 22 июня 1940 г. унижительные условия Компьенского перемирия, обрекавшие Францию на частичную оккупацию, ограбление и позор коллаборационизма вишистской клики.

Именно в этот момент, когда не было видно даже намека на выход из трагического тупика, куда завела Францию политика соглашателей, колониальной империи суждено было вновь прийти на помощь метрополии. «Среди страшных испытаний, — говорил в июне 1942 г. генерал де Голль, — французская нация поняла, что существует один фактор, особенно важный для ее будущего и совершенно необходимый для ее величия. Этот фактор — французская империя. Прежде всего потому, что именно она явилась первоначальной базой для возрождения Франции»³.

Идея опоры на колониальную империю в деле достижения победы над врагом прозвучала в историческом обращении де Голя к французскому народу 18 июня 1940 г. «Для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми средствами, которые причинили нам поражение. Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя»⁴.

Предательская и пособническая политика правительства Виши встречала растущее сопротивление не только в метрополии, но и в колониях. С конца лета 1940 г. французские колонии одна за другой начинают присоединяться к «Свободной Франции»*. Говоря о значении колониальной империи в первых успехах «Свободной Франции», крупный французский военный деятель и герой войны генерал Ф. Леклерк де Отклок писал не без высокопарности: «Начиная с 1940 г. удивленный мир смог увидеть, как наша империя устремилась на помощь матери-родине. Эта империя стала театром первых побед нашей возрождающейся силы. Она была также одним из участников этих побед, поскольку ее ресурсы позволили нам воссоздать французскую армию»⁵.

Темнокожие солдаты составляли значительную часть вооруженных сил «Сражающейся Франции». В составе этих сил в середине войны числилось более 55 тыс. солдат только из Черной Африки. Африканцы и арабы, одетые во французскую военную форму, приняли самое активное участие в освобождении Франции. Только в 1-й армии генерала (впоследствии маршала) де Латтра де Тассиньи, высадившейся летом 1944 г. на побережье Франции, четыре дивизии из семи были полностью укомплектованы солдатами из Северной и Тропической Африки. В целом, по признанию де Голля, «примерно две трети французских войск состояли из африканцев»⁶.

Колониальные проблемы занимали первостепенное место в деятельности Французского комитета национального освобождения и его главы генерала Шарля де Голля. Главнейшей целью ФКНО, а с 1944 г. Временного правительства, в колониальной политике являлось сохранение целостности империи и поддержание в ней внутренней стабильности. Без империи де Голль и его окружение не представляли себе сильной Франции в послевоенном мире. «С окончанием войны,— писал в 1943 г. министр колоний довоенной Франции Ж. Стерн,— империя должна еще раз сыграть роль, отводимую ей историей и географией. Кто может всерьез мечтать о сохранении мира в Европе... без

* «Свободная Франция» — политическая организация французского Сопротивления, созданная генералом Ш. де Голлем в Лондоне после капитуляции правительства Петэна. С июля 1942 г. она получила название «Сражающаяся Франция», а в июне 1943 г. была преобразована во Французский комитет национального освобождения (ФКНО),

сильной Франции? А сила Франции — прежде всего в ее владениях, поставляющих ей необходимые экономические ресурсы»⁷.

ФКНО уже в ходе войны сумел извлечь определенные уроки из неутешительного опыта колониальной политики 20—30-х годов. На колониальную политику правительства генерала де Голля оказывали серьезное влияние множество факторов, и в особенности прогрессивные, демократические идеи Сопротивления, выступавшего под лозунгом радикального обновления Франции и ее политики. Факт широкого участия в Сопротивлении и в самом ФКНО левых партий и объединений, включая Французскую коммунистическую партию, выступавших с критикой «меркантильного колониализма», не мог не повлиять на эволюцию колониальной доктрины «Свободной Франции». Нельзя было игнорировать и антиколониалистские настроения международного общественного мнения.

Но, конечно, решающим фактором, определившим новый подход ФКНО к колониальной проблеме, явился мощный подъем национально-освободительного движения колониальных и зависимых народов, начавшийся в ходе второй мировой войны. Наиболее дальновидные и реалистически мыслящие представители буржуазии, к каковым, безусловно, принадлежал генерал де Голль, не могли не видеть грядущего размаха этого движения и не попытаться приспособиться к новым историческим реальностям, которые отныне были необратимы. Об этом в своеобразной форме пишет в мемуарах де Голль, вспоминая о настроениях в Черной Африке в конце 1943 г.: «Сердца африканцев исполнились трепетом надежды и веры в право человека быть свободным. Драма, потрясшая мир, элемент чудесного, который входил в „голлистскую“ эпопею, развертывавшуюся на их собственном континенте, картина войны, требовавшей напряженных усилий, менявшей самые условия их существования, — все это не могло не сказаться в хижинах и кочевьях, в саванне и в лесах, в пустыне и на берегах рек: миллионы чернокожих людей, тысячелетиями изнывавших под ярмом нищеты, отныне поднимали голову и задумывались над своим уделом»⁸. Ситуация в более развитых французских владениях — Сирии, Ливане, государствах Магриба и Индокитая — была еще более острой, чем в Черной Африке.

Стратегическая установка де Голля и возглавляемого им ФКНО, а затем и Временного правительства состояла

в том, чтобы попытаться совместить, примирить непреложный факт национального пробуждения колониальных народов с сохранением основ колониальной империи Франции под новой, более либеральной вывеской «союза» или «общества»; пойти на уступки, местами даже значительные, законным социально-экономическим, а отчасти и политическим требованиям колоний ради спасения главного — французского политического господства над ними.

Новая линия французских правящих кругов, ориентировавшихся на де Голля, формировалась в течение всех военных лет начиная с 18 июня 1940 г. Она характеризовалась прежде всего более широкой опорой на местные элиты в колониальных владениях, их привлечением к участию в управлении этими владениями. Важной вехой в становлении новой колониальной политики Франции явилась Браззавильская конференция (январь — февраль 1944 г.) губернаторов французских африканских владений. Конференция имела целью разработать рекомендации правительству по «превращению империи во Французский союз»⁹. На ней была разработана серия мероприятий по социально-экономической «модернизации» колоний, повышению жизненного уровня их населения.

При всей двойственности и неоднозначности рекомендаций Браззавильской конференции, представленных руководством ФКНО, в то время они имели, несомненно, положительное значение. В них нашел отражение демократический, прогрессивный дух французского Сопротивления, отвергавшего антигуманный «колониальный пакт». На решениях Браззавиля сказался и дух национального пробуждения и возросшего самосознания африканских и других колониальных народов, все более настойчиво стремившихся к политическому самоопределению. Для этих народов уступки, полученные в Браззавиле, были шагом вперед на долгом и тернистом пути к независимости.

По-иному расценивали решения Браззавильской конференции французские правящие круги. Для них это были вынужденные, продиктованные суровой необходимостью уступки, сделанные ради спасения колониальной империи. Если для колониальных народов Браззавиль был обнадеживающим началом на пути к политической самостоятельности, то для колониалистских кругов Франции, так во всяком случае им тогда представлялось, это был предел возможных уступок. Депутат Временной консультативной ассамблеи Э. де Буаламбер говорил по поводу Браззавиль-

ской конференции: «Политическая власть Франции должна по-прежнему осуществляться во всех землях, которые от нее зависят, но нужно также, чтобы колонии пользовались как можно более широкой административной и экономической свободой»¹⁰.

Оценивая итоги Браззавиля и позицию правящих кругов Франции, современный французский исследователь К. Яконо отмечает: «Проведение либеральных мероприятий, но в тесных рамках французского суверенитета; экономические, социальные и административные реформы, но в политической области — никаких потрясений основ, напротив, священное уважение колониального порядка. В начале 1944 г. деколонизация была еще непостижима для французского ума; все еще сохранялся идеал, что французский африканец превратится однажды в африканского француза»¹¹.

Серия реформ, последовавших после Браззавильской конференции, оценивалась французскими руководителями чуть ли не как «революционный» поворот в колониальной политике Франции. В то время не было недостатка в громких заявлениях и благих порывах со стороны французских деятелей, провозглашавших, как, например, депутат М. Шеванс: «У Франции отныне нет „владений“». Вместе со своими заморскими территориями она образует единое сообщество»¹².

Однако за подобными заявлениями стечливо просматривалась серьезная озабоченность за судьбу колониальной империи и намерение французского капитала вновь, как это уже было после первой мировой войны и кризиса 1929 г., выпутаться из военных потрясений с помощью своих заморских владений. «Франция может считаться великой державой только в рамках ее 107-миллионного сообщества», — утверждалось в резолюции Временной консультативной ассамблеи от 13 февраля 1945 г.¹³ Империя была необходима Франции для послевоенного возрождения. Именно этим в первую очередь руководствовалось Временное правительство, взяв курс на интенсификацию эксплуатации колоний. «Горькой правдой является тот факт, — говорил генерал де Голль 2 марта 1945 г., — что мы не извлекаем всего возможного из обширных ресурсов метрополии и империи. Наша Северная Африка способна ускорить сельскохозяйственный прогресс благодаря ирригации, тракторам, удобрениям и общей индустриализации, открывающей широкие перспективы. Наша Западная и

Экваториальная Африка, наш Индокитай и Мадагаскар, наши Антилы и Гвиана, по освоению которых уже проведена большая работа, но где еще многое нужно сделать, призывают Францию к новым усилиям»¹⁴.

Война явилась мощным толчком для промышленного и сельскохозяйственного развития французских колоний. Это развитие, разумеется, служило прежде всего интересам метрополии и сопровождалось резким усилением колониальной эксплуатации. Но объективно происходило и развитие производительных сил африканских и азиатских владений Франции.

Надо сказать, что новый курс пришелся не по вкусу колониальной администрации на местах, привыкшей к старым методам управления. Перемены в колониальном административном аппарате, произведенные де Голлем в годы войны, затронули лишь верхний его слой. В основной же своей массе французская администрация работала «по старинке», стремилась блокировать все начинания Временного правительства. В союзе с колониальной администрацией действовал и французский частный капитал, привыкший к неограниченному хозяйничанию в колониях и не желавший отказываться от привычных, откровенно грабительских методов деятельности в заморских владениях. Этот факт вынужден был признать один из руководителей радикальной партии, Г. Моннервиль. «Концепции отжившего свое эгоизма, — выступая в Консультативной ассамблее, говорил он, — характерные для „колониального пакта“, еще существуют. Многие частные предприятия, озабоченные сохранением своих капиталовложений и получением прибылей, ни в коей мере не думают об общих интересах»¹⁵. Одной из главных причин нежелания частного капитала участвовать в широких планах реконструкции колоний, несомненно, являлся страх перед подъемом национально-освободительного движения и опасение потерять инвестиции.

Близость окончания войны усиливала тревогу французских правящих кругов за судьбу колониальной империи. С одной стороны, и прежде всего, их пугал подъем национально-освободительного движения колониальных народов, а с другой — попытки Англии и особенно США «поживиться» за счет французских владений, поощряя там антифранцузские буржуазно-националистические настроения.

Идеологи французской буржуазии и политические деятели настойчиво пытались доказать мировому обществен-

ному мнению необходимость сохранения колониальных империй как фактора «равновесия» в послевоенном мире. «Британская и французская империи,— писал в 1943 г. министр колоний довоенной Франции, сторонник де Голля Ж. Стерн,— стали политической и экономической необходимостью». «Неужели,— вопрошал он,— будет повторена ошибка Версальского мирного договора, которая подтолкнет крайнее развитие ожесточенного национализма? Неужели будет вновь расширен список слабых народов, плохо подготовленных к самостоятельному управлению и защите своих интересов и территорий? Будущая мирная конференция должна... установить между нациями моральные и экономические связи, попытаться создать федерации, аналогичные французской и британской империям, вместо того чтобы... создавать формальное число новых наций»¹⁶.

Опасения французских правящих кругов в отношении будущего колониальной империи Франции были вполне обоснованными. Колонии вышли из войны далеко не теми, что были до ее начала. Многие из них — Сирия, Ливан, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, государства Магриба — прямо поставили вопрос о полной политической независимости от Франции.

Одним из важнейших следствий второй мировой войны явилось значительное ослабление торгово-экономических связей метрополии с колониями, что наглядно показывают данные о доле Франции во внешней торговле ее владений в 1939 и 1945 гг.:

В стоимостном выражении

	1939 г.	1945 г.
Импорт	62%	20%
Экспорт	64%	51%

В физическом объеме

	1939 г.	1945 г.
Импорт	36,6%	0,6%
Экспорт	35,7%	21,1% ¹⁷

Лишь к 1950 г. Франции удалось достичь довоенных показателей в тех владениях, которые оставались под ее юрисдикцией. Ослабление хозяйственно-экономических связей с метрополией не могло не иметь политических последствий для французских владений, где за годы войны окрепла национальная буржуазия, все настойчивее выдвигавшая политические требования.

В целом французская колониальная империя к концу войны была охвачена глубоким кризисом.

Кризисные тенденции, наметившиеся во французских колониальных владениях в 20—30-е годы, получили за годы войны ускоренное развитие. Одним из проявлений обострившегося кризиса колониальной политики Франции были лихорадочные попытки реформировать изжившую себя колониальную систему, подновить неприглядный фасад французского колониализма. Как мы видели, робкие попытки реформ в колониальной области предпринимались и в довоенный период, но они носили частный характер. Теперь речь шла о реформе структурного характера.

За полтора послевоенных десятилетия французская колониальная империя пережила две глубокие структурные реформы: в 1946 г. империя была превращена во Французский союз, в 1958 г. замененный Французским сообществом.

13 октября 1946 г. в результате референдума, проведенного как во Франции, так и в ее заморских владениях, была принята новая конституция, учредившая Четвертую республику и провозгласившая Французский союз¹⁸. В целом конституция 1946 г., разработанная при активном участии левых, демократических сил, явилась важным шагом вперед в политической эволюции республиканской Франции. Именно поэтому она с самого начала вызывала злобные нападки со стороны реакции, запугивавшей рядового обывателя угрозой анархии и беспорядка. Характерно, что в заморских владениях Франции, где право голоса имели только французские граждане, т. е. главным образом колонии, большинство участвовавших в референдуме отклонили конституционный проект. В Марокко, например, «нет» конституции сказали 70% голосовавших, а в Тунисе — 73%. Что касается коренного населения заморских владений, то его мнения организаторы референдума вообще не спрашивали.

И тем не менее «Французский союз,— отмечает Л. М. Энтин,— как новая форма организации связей между метрополией и ее внешними владениями представлял собой несомненный прогресс по сравнению с колониальной империей. Прогрессивные начала и тенденции в устройстве союза создавали объективную возможность его последующего развития не как колониального образования, а как формы установления равноправных связей. Если колониальная империя исключала такую возможность, то союз

или, точнее, те демократические начала, которые в нем были заложены, в случае их реализации могли сыграть важную роль в деле раскрепощения народов колоний... Реакции удалось свести на нет положительные стороны создания Французского союза, превратить его в колониалистское образование, в орудие подавления и угнетения колониальных народов»¹⁹.

Впервые в конституционной истории Франции проблема заморских владений была включена в основной документ Французской республики. Уже в преамбуле конституции 1946 г. провозглашалось: «Франция образует вместе с заморскими народами союз, основанный на равенстве прав и обязанностей без расовых и религиозных различий. Французский союз состоит из наций и народов, которые объединяют или координируют свои ресурсы и свои усилия для того, чтобы развивать цивилизацию каждого, увеличить свое благосостояние и обеспечить свою безопасность. Верная своей традиционной миссии, Франция намерена привести народы, руководство которыми она взяла на себя, к свободному самоуправлению и демократическому руководству своими собственными делами; отвергая всякую систему колонизации, основанную на произволе, Франция гарантирует всем свободный доступ к общественным должностям и индивидуальное или коллективное осуществление провозглашенных или подтвержденных выше прав и свобод»²⁰.

Изучение текста конституции обнаруживает наличие в нем целого ряда двусмысленных, неопределенных обещаний. Характерно, что в конституции провозглашалось равенство не между нациями и народами, а между индивидами, т. е. личное, а не коллективное равенство. Достижение независимости и даже ограниченной автономии народами Французского союза согласно преамбуле конституции отодвигалось на неопределенную перспективу.

Французскому союзу целиком посвящена гл. 8 конституции (12 статей). Там определялось, что союз образуется из Французской республики, состоящей из метрополии, заморских департаментов и территорий, а также из присоединившихся государств. Общая картина Французского союза (без метрополии) к началу 1947 г. выглядела следующим образом: Заморские департаменты: генерал-губернаторство Алжир (департаменты Алжир, Оран и Константина); Мартиника, Гваделупа, Гвиана и Реюньон.

Заморские территории: Французская Западная Африка

ка — Сенегал, Мавритания, Гвинея, Судан (ныне Мали), Нигер, Берег Слоновой Кости, Дагомея (ныне Бенин), Верхняя Вольта; Французская Экваториальная Африка — Габон, Среднее Конго, Убанги-Шари (ныне Центральноафриканская республика), Чад; Мадагаскар и прилегающие острова, Французское Сомали, французские владения в Индии со статусом «свободных городов», Новая Каледония и прилегающие острова, владения в Океании, о-ва Сен-Пьер и Микелон.

Подопечные территории: Того и Камерун; франко-британский кондоминиум Новые Гебриды.

«Присоединившиеся государства»: султанат Марокко и бейство Тунис; Индокитайская федерация — Республика Вьетнам (Хапой), Кохинхина (Сайгон), королевства Камбоджа и Лаос.

Центральными органами Французского союза являлись президент, Верховный совет и Ассамблея. Президент Французской республики провозглашался и президентом Французского союза. Верховный совет, собиравшийся раз в год по решению президента, формировался из представителей метрополии, заморских департаментов, заморских территорий и присоединившихся государств. Принимаемые им решения передавались правительству, для которого они не являлись обязательными.

Ассамблея Французского союза по идее была самым демократичным из всех органов союза, так как формировалась на паритетных началах: половина членов (советников) — от метрополии и половина — от заморских департаментов, территорий и присоединившихся государств. В разное время численность ассамблеи колебалась от 150 до 240 членов. Внешне деятельность «парламента» Французского союза выглядела довольно внушительно — бурные дебаты, поток предложений, рекомендаций и «мнений» в руководящие органы Четвертой республики. На практике же вся работа ассамблеи протекала в точном соответствии с целями французских правящих кругов и ни в коей мере не ущемляла интересов метрополии или исключительных прерогатив Национального собрания Франции даже в том, что касалось собственно заморских территорий.

Французский парламент и правительство Четвертой республики с его представителями на местах (генерал-губернаторы, губернаторы, верховные комиссары и резиденты) являлись подлинными и единственными источни-

ками власти и закона в разбросанных по всему свету заморских владениях Французского союза.

Учитывая веяния времени, руководящие круги Франции вынуждены были допустить ограниченное участие представителей заморских территорий в центральных органах власти Четвертой республики. В 1957 г. заморские территории были представлены в Национальном собрании 38 депутатами (из 627), в Совете республики (сенат) — 39 советниками (из 320), в Экономическом совете* — 13 членами (из 148)²¹. Отдельным, безусловно, лояльным представителям коренного населения заморских владений предоставлялись даже министерские портфели во французском правительстве.

Допустив участие представителей заморских владений в центральных руководящих органах власти метрополии, французские правящие круги установили такую норму представительства, которая, с одной стороны, создавала впечатление демократизма, а с другой — делала это представительство неопасным для интересов метрополии.

12 лет просуществовал Французский союз — ровно столько же, сколько и родившаяся одновременно с ним Четвертая республика. Все эти годы Французский союз постоянно развивался, видоизменялся и модернизировался. Важнейшим фактором, влиявшим на развитие Французского союза и определившим его конечный крах, был нараставший подъем национально-освободительного движения колониальных и зависимых народов.

Первый серьезный удар по французскому колониализму был нанесен на Ближнем Востоке, где еще в ходе войны подмандатные государства Сирия и Ливан добились политической независимости.

Начало второй мировой войны вызвало новый подъем национально-освободительного движения в странах Леванта. Поражение 1940 г. привело к падению престижа Франции в Сирии и Ливане, а линия Виши на сотрудничество с фашистскими агрессорами окончательно дискредитировала Францию в общественном мнении стран Леванта.

Французская колониальная политика на Ближнем Востоке после поражения 1940 г. характеризовалась наступлением на те права и свободы, которых сирийский и ли-

* Консультативный орган при парламенте и правительстве по вопросам экономического планирования и использования трудовых ресурсов.

ванский народы добились своей упорной борьбой в предвоенный период. Французское правительство в 1939 г. фактически отменило мандатный режим, заменив его прямой формой управления в Леванте. Как в Сирии, так и в Ливане была запрещена деятельность политических партий, распущены парламенты, ограничены общественные и личные свободы. При пособничестве вишистской администрации в Сирию и Ливан началось усиленное проникновение Германии и Италии. Оживилась деятельность профашистских организаций в этих странах.

Английское правительство приняло решение оккупировать Сирию и Ливан с целью предотвратить превращение их в германский плацдарм на Ближнем Востоке. Де Голль настоял на том, чтобы в операции по захвату Сирии и Ливана приняли участие отряды «Свободной Франции» (6 тыс. солдат, 20 самолетов, 10 танков и 8 орудий).

Операция началась 8 июня 1941 г. Подразделения «Свободной Франции» совместно с английскими и австралийскими войсками вступили на территорию Сирии и Ливана. В этот же день представитель де Голля в Леванте генерал Ж. Катру сделал заявление об отмене в перспективе французского мандата и предоставлении независимости Сирии и Ливану. Правда, сроки предоставления независимости не уточнялись. Подразумевалось, что формально это произойдет не ранее окончания войны. Объясняя причины этого, внешне неожиданного, решения генерал де Голль пишет в мемуарах: «Обосновавшись в Дамаске и Бейруте, мы не смогли бы сохранить там статус-кво. Катастрофа 1940 г., капитуляция Виши, действия держав „оси“ вызвали такие потрясения, что „Свободная Франция“ должна была занять по отношению к государствам Леванта новую позицию, отвечающую происшедшим изменениям и новым обстоятельствам. Мы к тому же полагали, что после окончания войны Франция не сохранит мандат на эти страны. Если бы даже она захотела это сделать, этому, несомненно, помешало бы движение в арабских странах и требования международной обстановки. Поэтому только независимость реально и по праву могла прийти на смену мандата». «При этом,— добавляет де Голль,— интересы Франции и ее исторические прерогативы должны были сохраниться. Впрочем, именно такие цели преследовали договоры, заключенные в 1936 г. в Париже с Ливаном и Сирией. Эти договоры, несмотря на затяжку с их ратификацией, были фактом, который мы, исходя из здравого

смысла и учитывая обстоятельства, не могли игнорировать»²².

27 сентября 1941 г. глава французской администрации в Леванте генерал Катру подтвердил предстоящее признание независимости Сирийской республики, а 26 ноября — Ливанской республики. В эти же дни были сформированы национальные правительства двух арабских государств. Новый курс «Свободной Франции» в Леванте мотивировался двумя основными соображениями: во-первых, де Голль пришел к твердому выводу о том, что прежняя система управления совершенно себя изжила и необходимо изменить ее для того, чтобы сохранить французское «присутствие» в этом районе; во-вторых, для него ни в коем случае речь не шла об отказе от «особых прав» Франции в Сирии и Ливане. Отказ от мандата не означал «ухода» Франции из Леванта. Новая форма взаимоотношений Франции с ее бывшими подмандатными территориями (возвращение к идее договоров о сотрудничестве 1936 г.) должна была обеспечить сохранение ее преобладающего политического, экономического и культурного влияния в Сирии и Ливане. Вплоть же до окончания войны оставалась в силе мандатная система с расширением полномочий и прерогатив местных национальных властей. Таковы были планы «Свободной Франции» в Леванте после июня 1941 г.

Однако в реализации этих планов встретились препятствия. Прежде всего речь шла о национально-освободительном движении, которое с июня 1941 г. вступило в новую фазу.

Оккупация Сирии и Ливана войсками Великобритании и «Свободной Франции» и последовавшее за этим снятие английской экономической блокады оказали благотворное влияние на экономику двух арабских стран. Создались благоприятные условия для подъема различных отраслей промышленности Сирии и Ливана, особенно тех, которые работали на нужды английской и французской армий. Расширение внутреннего рынка и отсутствие в тот период иностранной конкуренции способствовали укреплению позиций местной буржуазии, которая все настойчивее стремилась к сосредоточению в своих руках всей политической власти в Сирии и Ливане. Главным политическим лозунгом национальной буржуазии стало в тот момент требование о немедленной отмене французского мандата и создании независимого и суверенного государства. В этой спра-

ведливой борьбе объединились все национально-патриотические силы двух стран. В деле мобилизации народных масс и организации их борьбы большую работу развернула Коммунистическая партия Сирии и Ливана. В своей борьбе за независимость национально-патриотические силы Сирии и Ливана использовали империалистические противоречия между Францией и Англией. Острая и напряженная борьба с Англией за господство в этом районе, доходившая порой до вооруженных столкновений, несомненно, содействовала ослаблению французских позиций и укреплению сил национально-освободительного движения.

Накапливание недовольства в Леванте, усугубляемого жесткой политикой французских властей в Дамаске и Бейруте, неизбежно должно было вылиться в открытый кризис.

К началу 1943 г. в Леванте создалась критическая ситуация. Де Голль пишет в своих воспоминаниях: «Ясно было, что верхи общества в Сирии и Ливане, каковы бы ни были разделявшие их разногласия, едины в своей воле добиться независимости... Состояние умов настолько резко выражало все это, что было бы нелепо сопротивляться»²³.

Особо острая ситуация сложилась в Ливане. Под давлением массового движения, охватившего страну, французские власти вынуждены были согласиться на проведение в августе 1943 г. выборов в парламент Ливана. Победу на выборах одержал буржуазно-националистический Конституционный блок, лидер которого Бишар аль-Хури (христианин-маронит) * 21 сентября того же года был избран президентом Ливана. Правительство возглавил другой лидер националистов, Риад Сольх (мусульманин-суннит). На заседании 8 ноября 1943 г. ливанский парламент принял решение об отмене тех статей конституции Ливана, в которых говорилось о мандате и правах Франции. Это решение лишало Францию юридической основы дальнейшего сохранения ее господства в Ливане. 11 ноября генеральный делегат Франции в Сирии и Ливане Ж. Эллё отдал приказ об аресте президента Ливана, премьер-министра, нескольких министров и политических деятелей, распустил парламент и приостановил действие ливанской кон-

* Арабское население Ливана с давних пор разделено по религиозному признаку на две основные общины — христиан-маронитов и мусульман-суннитов. Начиная с 1943 г. в руководящих органах Ливанской республики в целях поддержания политического равновесия постоянно представлены обе общины.

ституции. В ответ вспыхнуло восстание с целью защитить независимость Ливана. Восставшие нашли поддержку у представителя Великобритании в Леванте генерала Э. Спирса, который пригрозил вмешательством британской армии, если Франция не отменит принятых решений. ФКНО вынужден был дезавуировать Ж. Эллё и заменить его генералом Ж. Катру, который, прибыв 16 ноября в Бейрут, отменил распоряжения своего предшественника и освободил из-под ареста ливанских руководителей. В этот же день генерал де Голль публично подтвердил намерение Франции выполнить обещание относительно восстановления полного суверенитета государств Леванта.

24 ноября 1943 г. ФКНО признал все изменения, внесенные ливанским парламентом 8 ноября в конституцию Ливана. Это была крупная победа ливанского народа на пути к полной национальной независимости.

Кризисная ситуация создалась в 1943 г. и в Сирии, вся северная часть которой в начале года была охвачена антифранцузскими волнениями. В марте 1943 г. в ответ на запрет французскими властями демонстраций и выступлений, запрещение ряда газет и введение строгой цензуры по всей стране началось широкое общенациональное движение за отмену мандата Франции. Французская администрация, как и в Ливане, вынуждена была пойти на уступки. В июле 1943 г. на выборах в сирийский парламент победил буржуазный Национальный блок, возглавляемый Шукри Куатли. В августе того же года было сформировано национальное правительство Сирии и восстановлена отмененная Вейганом в 1939 г. конституция 1930 г.* Под непосредственным влиянием событий в Ливане сирийский парламент 26 января 1944 г. окончательно отменил ст. 116 конституции, где говорилось о французском мандате. Это означало, что Сирия, как и Ливан, становилась юридически независимым государством.

22 декабря 1943 г. Сирия и Ливан, с одной стороны, и Франция, с другой — заключили соглашение, по которому Франция обязалась начиная с 1 января 1944 г. постепенно

* В 1930 г. правительство Третьей республики вынуждено было согласиться на предоставление конституций Сирии и Ливану, признававших определенные элементы внутренней автономии этих двух стран. В феврале 1939 г. верховный комиссар Франции в Леванте генерал М. Вейган в ответ на требования сирийского правительства отменить мандатный режим приостановил действие конституции Сирии.

передавать функции управления национальным правительством в Дамаске и Бейруте. Значение этого факта состояло в том, что отныне сирийское и ливанское правительства начали осуществлять реальную власть во всех областях, исключая, правда, национальную оборону. Решение данного вопроса было отложено Францией еще на год. Тем не менее Сирийская и Ливанская республики с этого времени становились полноправными членами международного содружества наций. В июле 1944 г. были установлены дипломатические отношения между Сирией и СССР, а в августе того же года — между Ливаном и СССР. Признание Советским Союзом Сирии и Ливана способствовало укреплению международных позиций двух молодых арабских государств. В марте 1945 г. Сирия и Ливан вступили в только что созданную Лигу арабских стран (ЛАС). Отныне их борьба за утверждение своей независимости становилась частью общей стратегии арабского освободительного движения.

27 февраля 1945 г. Сирия и Ливан объявили, что они находятся в состоянии войны с гитлеровской Германией, а 26 июня 1945 г. оба арабских государства поставили свои подписи под уставом ООН на конференции в Сан-Франциско, став таким образом одними из стран — учредителей Организации Объединенных Наций.

В феврале 1945 г. Дамаск и Бейрут потребовали от правительства Франции установления равноправных дипломатических отношений. Французские власти под разными предлогами откладывали полное и окончательное признание суверенитетов двух стран. Как реакция на тактику проволочек в январе—феврале 1945 г. по всей территории Сирии прокатилась волна забастовок и антифранцузских демонстраций.

Рост недовольства привел к возникновению в мае 1945 г. нового открытого конфликта в Сирии. Поводом к нему послужило необоснованное наращивание французского военного «присутствия» в Леванте в тот момент, когда со дня на день ожидалось подписание капитуляции Германии и прекращение войны в Европе. 30 апреля 1945 г. в бейрутском порту с бортов крейсеров «Мопкальм» и «Жанна д'Арк» высадились три батальона французских войск, прибывших из Франции. В мае 1945 г. в Дамаск и Бейрут прибыли еще 1500 французских солдат. Возмущенное население Дамаска вышло на улицы, и начались вооруженные столкновения, в которых на стороне восставших выступила

сирийская национальная жандармерия. Вооруженный конфликт достиг апогея в 20-х числах мая, когда французский командующий генерал Олива-Роже приказал подвергнуть Дамаск артиллерийскому обстрелу. 29 мая французская артиллерия обстреляла здание сирийского парламента и других государственных учреждений. По официальным данным, в Дамаске за одни только сутки было убито 400 и ранено 1500 человек. К вечеру 30 мая французы овладели положением и восстановили контроль над столицей Сирии. В тот же день французский посол в Лондоне Р. Массигли был вызван к У. Черчиллю, который предъявил ему ультимативное требование прекратить военные действия в Дамаске. В противном случае, пригрозил британский премьер, «вооруженные силы его величества не смогут остаться пассивными наблюдателями»²⁴. Одновременно из Палестины в Левант без согласования с правительством де Голля дополнительно была введена «для военных учений» английская пехотная дивизия. 1 июня советский посол вручил министру иностранных дел Франции ноту, в которой выражалось беспокойство СССР в связи с военным конфликтом в Леванте.

1 июня 1945 г. командование английскими войсками на Ближнем Востоке предъявило главе французской администрации в Леванте генералу Бейне ультиматум с требованием «прекратить огонь, вернуть солдат в казармы» и «выполнять все приказы, которые будут отдаваться» британским главнокомандующим²⁵. Тем временем части 9-й британской армии практически блокировали французские войска в различных районах Сирии и Ливана. Для Франции создавалась ситуация, чреватая военным конфликтом с Великобританией. 4 июня де Голль вызвал к себе английского посла Д. Купера и заявил ему: «Признаюсь, мы не в состоянии вести с вами войну. Но вы оскорбили Францию и предали Запад. Это не может быть забыто»²⁶. Французские войска в Сирии получили приказ прекратить военные действия и снять осадное положение в Дамаске.

В октябре 1944 г. сирийское и ливанское правительства официально потребовали от Парижа и Лондона вывода французских и английских войск с их территории сразу же после окончания войны и одновременно поставили вопрос о передаче им Францией полных прерогатив в области национальной обороны. Конкретно речь шла о передаче под национальное командование так называемых «специальных войск» — воинских контингентов численностью от 20

до 25 тыс. человек, составленных из сирийцев и ливанцев, по находившихся под французским командованием. 5 февраля 1945 г. ливанское и сирийское правительства потребовали передачи «специальных войск» под национальное командование. «Национальные вооруженные силы, — говорилось в ливано-сирийском заявлении, — должны подчиняться своим правительствам, а не иностранной державе»²⁷.

В результате майского кризиса в Сирии Франция вынуждена была удовлетворить законные требования Дамаска и Бейрута. 9 июля 1945 г. генеральный делегат и полномочный представитель Франции в Леванте генерал Бейне официально объявил, что в течение 45 дней «специальные войска» будут переданы под национальное командование сирийского и ливанского правительств. В августе того же года правительства Сирии и Ливана установили, наконец, свой контроль над национальными армиями. Это было крупным достижением в обеспечении подлинной независимости двух молодых государств.

Оставалось решить последнюю проблему — полную эвакуацию иностранных войск с территорий Сирии и Ливана.

В момент, когда открыто был поставлен вопрос об «уходе» Франции и Англии из Леванта, Лондон и Париж предприняли попытку договориться между собой о возможности сохранить в какой-либо форме свое военное «присутствие» в Сирии и Ливане. С этой целью 13 декабря 1945 г. представители Франции и Англии Р. Массигли и Э. Бевин подписали в Уайтхолле два соглашения относительно Леванта. В первом документе уточнялись детали перегруппировки французских и английских войск в этом районе; во втором речь шла о проведении консультаций между двумя правительствами с целью избежать новых инцидентов на Ближнем Востоке.

Однако, как только в Бейруте начались официальные переговоры генерала де Лармина с командующим 9-й британской армии генералом Пэллом о конкретном выполнении соглашений от 13 декабря, стало ясно, что каждая сторона надеется добиться эвакуации войск другой, сохранив при этом свое «присутствие». Уже 29 декабря 1945 г. де Голль дал указание генералу де Лармина прервать переговоры с англичанами. В январе 1946 г., покинув Париж для поездки в провинцию, де Голль в инструкции исполняющему обязанности министра иностранных дел Ф. Гэю писал: «Я требую, чтобы в мое отсутствие никакого нового

решения в этой важной области не принималось»²⁸. Это было одно из последних распоряжений главы Временного правительства Франции. 20 января он неожиданно для всех по собственной инициативе уйдет в отставку. Главой правительства стал Ф. Гуэн.

Франко-английское соглашение 13 декабря 1945 г. было грубым нарушением суверенитета Сирии и Ливана, типично империалистической попыткой решать вопросы, относящиеся к компетенции национальных правительств, за их спиной.

4 февраля 1946 г., исчерпав все возможности воздействовать на Францию и Англию, правительства Сирии и Ливана обратились к Генеральному секретарю ООН Трюгве Ли с просьбой поставить вопрос об эвакуации франко-английских войск на обсуждение Совета Безопасности. Обсуждение заявления Сирии и Ливана в Совете Безопасности состоялось 14—16 февраля 1946 г. Представитель Франции, министр иностранных дел Ж. Бидо выразил «удивление» своего правительства жалобой Сирии и Ливана и пытался оправдать его действия в Леванте. «В течение пяти лет,— говорил Бидо,— присутствие французских и английских войск ограждало Средний Восток от всех испытаний и ужасов войны... Кто может сказать, что эти войска внезапно сделались угрозой и что необходимо принять срочные меры, чтобы обеспечить мир наперекор им? Это было бы искажением фактов»²⁹. Однако факты искажал французский министр, и об этом говорили представители СССР, Польши, Мексики и Египта. Глава советской делегации заявил в своем выступлении 15 февраля 1946 г.: «Я думаю, что можно удовлетворить требование — я говорю не просьбу, ибо здесь нельзя просить, именно требование, которое справедливо предъявлено на основе государственного суверенитета независимой суверенной страной,— требование Сирии и Ливана о том, чтобы было вынесено решение Совета Безопасности об общей, немедленной и одновременной эвакуации французских и британских войск из Сирии и Ливана. Другого выхода из создавшегося здесь положения нет». «Единственное достойное нашей организации решение,— сказал в заключение советский представитель,— это удовлетворить требование сирийского и ливанского правительств, которое советская делегация здесь полностью поддерживает от имени Советского правительства»³⁰.

В защиту Франции и Англии выступили США, Австралия, Голландия и Бразилия. В конечном счете Совету

Безопасности не удалось принять удовлетворяющую всех его членов резолюцию, но моральное осуждение действий Франции и Англии в Леванте было налицо.

Под давлением международного общественного мнения Франции и Англии не оставалось ничего другого, как осуществить в апреле и декабре 1946 г. полную эвакуацию своих войск и военного оборудования с территорий Сирии и Ливана.

Так пришел конец 25-летнему господству Франции на Ближнем Востоке. Победа национально-освободительного движения народов Сирии и Ливана оказала огромное революционизирующее воздействие на развитие освободительной борьбы в других французских владениях, и прежде всего в Северной Африке.

Нарастание кризиса во французской колониальной империи ускорялось по мере приближения конца войны, в ходе которой народы многих французских владений непосредственно были вовлечены в борьбу против фашистских агрессоров. В ряде французских колоний возникло мощное движение Сопротивления японским оккупантам и германо-итальянским захватчикам, поднявшее национально-освободительное движение на новую, более высокую ступень. Там, где вишистская администрация встала на путь сотрудничества с агрессором, национально-освободительное движение уже в ходе войны приобрело антифранцузскую направленность. Это прежде всего относилось к Индокитаю.

Особенность ситуации, сложившейся в Индокитае, состояла в том, что его территория с согласия правительства Виши летом 1941 г. была оккупирована японской армией. При этом номинально власть в Индокитае до поры до времени сохранялась за французским генерал-губернатором адмиралом Деку.

Еще в сентябре 1940 г., когда началось японское проникновение в Индокитай, Коммунистическая партия Индокитая предложила адмиралу Деку совместно организовать оборону, однако колониальная администрация отклонила это предложение и предпочла капитуляцию. В 1940—1941 гг., когда по всему Вьетнаму прокатилась волна антияпонских восстаний, в их подавлении, наряду с оккупантами, приняли участие и французские войска.

В мае 1941 г. образовался демократический национально-освободительный фронт — Лига независимости Вьетна-

ма («Вьет-Мин»), в котором объединились все демократические партии, рабочие и крестьянские организации. В стране повсеместно стали создаваться партизанские отряды, которые в декабре 1944 г. были объединены в Народную армию Вьетнама.

В это же время в Лаосе возникла антияпонская националистическая организация «Лао Итсала» («Освобождение Лаоса»), включившая представителей средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, патриотически настроенных помещиков и местной аристократии. Активную роль в деятельности «Лао Итсала» играл принц Суфанувонг. Одновременно на территории Таиланда возникла другая националистическая организация, «Лао Пен Лао» («Лаос для лаосцев»). Обе организации, объединив усилия, начали подготовку к вооруженному антияпонскому восстанию.

В Камбодже освободительное движение в годы войны было направлено не столько против японцев, сколько против французских колонизаторов. 12 марта 1945 г. молодой король Камбоджи Народом Сианук провозгласил независимость страны.

К началу 1945 г., когда державы «оси» стояли на грани поражения, ситуация в Индокитае резко изменилась. В Индокитае, где, по выражению А. Верта, «деголизм долгое время не подавал признаков жизни»³¹, в среде французской администрации и армии начинает встречать понимание идея де Голля о том, что без участия в войне против Японии будет невозможно сохранить индокитайские владения.

Как только японцы почувствовали, что голлистские настроения все больше распространяются среди французов Индокитая, они резко изменили тактику. 9 марта 1945 г. японские власти предъявили адмиралу Деку ультимативное требование передать под их командование все французские вооруженные силы в Индокитае. Не дожидаясь ответа, 10 марта японские войска разоружили французские гарнизоны, арестовали представителей колониальной администрации и взяли на себя управление Индокитаем. Этот акт сопровождался демагогическим заявлением правительства Японии о «конце колониального статуса Французского Индокитая» и провозглашением «независимости Аннамской империи». На трон Аннама был посажен «император» Бао Дай. Однако японскому империализму не удалось обмануть народ Вьетнама, который под руководством коммунистической партии поднялся на борьбу с захватчиками.

Часть французских войск также выступила против японских оккупантов. 5 тыс. французских и 15 тыс. вьетнамских (колонизальных) солдат с боями отошли в горно-лесистые районы и развернули там партизанское движение в тылу японских войск. Руководство этими силами взяли на себя генералы Алессандри и Сабатъе. Цели французов только внешне совпадали с задачами освободительной борьбы вьетнамского народа. Если вьетнамские патриоты ставили конечной целью достижение полной национальной независимости, то французы боролись лишь за свои «права» на Индокитай, для того чтобы не допустить его выпадения из колониальной империи Франции. Характеризуя ситуацию в Индокитае весной 1945 г., генерал де Голль писал: «После ликвидации... нашей администрации японским противником... Франция не имела больше власти ни в Кохинхине, ни в Аннаме, ни в Тонкине, ни в Камбодже, ни в Лаосе»³².

Поражение японского милитаризма в войне ускорило развитие революционного процесса в Индокитае. Августовская революция во Вьетнаме заставила Бао Дая отречься от престола. 19 августа 1945 г. была провозглашена независимая Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ). 2 сентября того же года на площади Ба-Динь в Ханое на многотысячном митинге Хо Ши Мин зачитал Декларацию независимости. Он сказал: «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колониального рабства, сковывавшие его в течение почти столетия, и создал независимый Вьетнам... Отныне мы объявляем недействительными договоры, которые Франция подписала относительно Вьетнама, аннулируем все привилегии, присвоенные французами на нашей территории»³³.

Вся глубина и необратимость происшедших во Вьетнаме перемен не были осознаны в Париже, где склонны были считать, что в Ханое произошел «коммунистический бунт», который надлежит подавить. Даже такой трезвый политик, как де Голль, считал в то время: «Для того чтобы Франция вновь обрела шансы в Индокитае, там должны быть выполнены следующие условия: прибытие наших солдат, эвакуация японцев и вывод иностранных (китайских и английских.— П. Ч.) войск»³⁴.

Из Индокитая картина виделась не столь простой даже для таких ущемленных Августовской революцией деятелей, как бывший император Бао Дай, у которого хватило

здорового смысла не идти на конфликт с патриотическими силами. В письме к генералу де Голлю от 20 августа 1945 г. экс-император сообщал: «Я прошу Вас понять, что единственное средство сохранить французские интересы и духовное влияние Франции в Индокитае состоит в признании независимости Вьетнама и в отказе от всякой идеи восстановить здесь французский суверенитет или администрацию в какой бы то ни было форме»³⁵.

12 октября 1945 г. в результате вспыхнувшего в Лаосе восстания был низложен король, сотрудничавший с японцами. Народный комитет провозгласил независимость Лаоса.

Таким образом, национально-освободительное движение в Индокитае сразу после окончания войны одержало победу большого международно-исторического значения. В колониальной империи Франции образовалась значительная брешь. На протяжении восьми лет французский колониализм тщетно пытался заделать эту брешь, стремясь всеми силами сохранить свое господство в Индокитае.

В своей политике в Индокитае после поражения Японии Франция сочетала два метода — уступки либерального характера и военный нажим. Первая линия проистекала из Декларации Временного правительства по Индокитаю от 24 марта 1945 г., согласно которой три индокитайские страны должны были объединиться в федерацию в рамках Французского союза при главенствующей роли Франции. Данная декларация представляла серьезную уступку со стороны французского колониализма. «В ней,—как справедливо констатирует М. Девез,—давалось согласие на те реформы, которых индокитайцы добивались долгие годы: доступ ко всем профессиям на одних правах с европейцами, демократические свободы, широкая экономическая автономия»³⁶. Де Голль не учел только одного: то, что еще могло быть приемлемо для народов Индокитая до второй мировой войны, после ее окончания уже не соответствовало новым реальностям. Именно по этой причине попытка включить Вьетнам, Лаос и Камбоджу в тесные рамки Французского союза потерпела провал.

Главным фактором, воспрепятствовавшим реализации целей французского колониализма в Индокитае после окончания войны, явилось мощное сопротивление народов трех индокитайских стран, провозгласивших свою национальную независимость.

Другим немаловажным фактором, затруднявшим «воз-

вращение» Франции в бывшие индокитайские владения, было усилившееся за годы войны стремление США «занять место» Франции в Индокитае, не допустить ее возвращения в этот район. Это было проявлением как межимпериалистических противоречий, так и пробудившегося к концу войны в правящих кругах США стремления к глобальному «присутствию». Характерно, что американское проникновение в Индокитай осуществлялось под маской антиколониализма.

По условиям Потсдамского соглашения территория Индокитая подлежала оккупации чанкайшистскими (к северу от 16 параллели) и английскими войсками. Первоочередная задача Франции в тот момент состояла в том, чтобы получить согласие чанкайшистов и англичан на французское участие в разоружении японских войск и на военное «присутствие» Франции в этом районе. В своем стремлении «вернуть» Индокитай де Голль рассчитывал прежде всего на поддержку Англии. Эти расчеты не были лишены оснований. Правительство Великобритании с беспокойством следило за нарастанием национально-освободительного движения в Индокитае, у границ Британской империи, и было крайне заинтересовано в его подавлении. На это и сделали ставку французские правящие круги.

8 октября 1945 г. был подписан франко-английский меморандум, по которому Англия признавала французскую юрисдикцию на территории Индокитая. За месяц до этого, 6 сентября, батальон французских войск с санкции британского командования высадился вместе с английскими войсками в Сайгоне якобы «для разоружения японцев», а спустя две недели этот же батальон под командованием полковника Седия осуществил военный переворот в Сайгоне, ликвидировав на юге органы народной власти, созданные Августовской революцией. Как заявил на Женевском совещании 1954 г. глава вьетнамской делегации Фам Ван Донг: «23 сентября явилось началом захватнической войны, предпринятой французскими колонизаторами. Начав 23 сентября 1945 г. агрессию, французские колонизаторы взяли на себя, таким образом, ответственность за развязывание войны в Индокитае»³⁷.

Общие колонизаторские интересы Франции и Великобритании позволили французам «вернуться» в бывшую колонию и закрепиться на юге Вьетнама. Теперь предстояло добиться того же в Центральном и Северном Вьетнаме, оккупированном чанкайшистами.

В феврале 1946 г. после долгих и трудных переговоров Чан Кайши согласился признать «права» Франции во Вьетнаме в обмен на возвращение Китаю территории Гуанчжоувань и отмену прежних колониальных привилегий Франции в Китае. Французское правительство согласилось также предоставить китайским торговцам некоторые льготы в Северном Вьетнаме. Данное соглашение нельзя рассматривать иначе, как империалистическую сделку за счет вьетнамского народа.

В то время как с англичанами и чанкайшистами правящие круги Франции договаривались в основном за столом переговоров, в отношениях с Демократической Республикой Вьетнам они предпочитали угрожающий тон, а то и язык пушек. Глубоко прав бывший главнокомандующий французскими войсками в Индокитае генерал А. Наварр, который пишет в своей книге: «Возвратившись в Индокитай после войны, не осознав как следует всех изменений, которые произошли за наше отсутствие, мы попытались восстановить там если не колониальный режим, то по меньшей мере нечто его напоминающее...»³⁸.

Правительство ДРВ, руководствуясь желанием сотрудничать с Францией на равноправных началах, неоднократно предлагало французскому правительству обсудить спорные вопросы. В результате этих усилий 6 марта 1946 г. Франция и ДРВ подписали соглашение, общий смысл которого сводился к необходимости создать благоприятную обстановку для разрешения франко-вьетнамских проблем. По этому соглашению Франция признавала ДРВ как «свободное государство», входящее в состав Индокитайской федерации и Французского союза.

Однако, как вскоре показали события, со стороны Франции соглашения 6 марта были лишь маневром для того, чтобы проникнуть в Северный Вьетнам. Используя одну из статей соглашения, предусматривавшую замену чанкайшистских войск в Тонкине вьетнамскими и французскими частями, правительство Франции постоянно стремилось увеличить контингент своих войск на территории ДРВ. В Южном Вьетнаме французы в одностороннем порядке предприняли шаги по созданию сепаратистского государства в противовес ДРВ.

По инициативе правительства ДРВ 6 июля 1946 г. в предместье Парижа Фонтенбло начались переговоры между вьетнамской делегацией во главе с Хо Ши Мином и французской делегацией, возглавляемой одним из лидеров

клерикальной партии МРП («Народно-республиканское движение») М. Андре. В повестке дня конференции стояли вопросы о вхождении Вьетнама во Французский союз, о его внешнем представительстве, о будущем статусе Кохинхины и др. Конференция, длившаяся более трех месяцев, завершилась 14 сентября подписанием компромиссного соглашения о «модус вивенди». В соглашении предусматривалось продолжение переговоров в январе 1947 г. Французская сторона была вынуждена согласиться на консульское представительство ДРВ в соседних с нею странах. Самыми острыми были противоречия по вопросу о Кохинхине. Сторонам удалось договориться о проведении там референдума. Правда, французы добились того, чтобы сроки проведения референдума не были указаны в соглашении. Им был ясен неблагоприятный для Франции исход референдума, и они пытались выиграть время. Правительство ДРВ пошло на значительные уступки, согласившись предоставить всевозможные льготы французским предпринимателям и техническим специалистам во Вьетнаме.

Советский исследователь Г. Г. Кадымов отмечает: «Заключенные соглашения имели для ДРВ в целом невыгодный характер, но, несмотря на это, они сохраняли мир во Вьетнаме, продлевали мирную передышку, что давало возможность правительству ДРВ продолжить работу по укреплению народной власти, восстановлению экономики и усилению Народной армии. Подписание „модус вивенди“ показывало французскому народу стремление правительства ДРВ к миру, к решению всех спорных вопросов путем переговоров»³⁹.

Что касается французской стороны, то для нее соглашение о «модус вивенди», как и соглашение 6 марта, служило лишь ширмой, за которой готовилась военная интервенция против освободившихся от колониального гнета народов Индокитаея.

Позднее всплыли многочисленные факты заблаговременной подготовки французами интервенции в Индокитае. Выступая 9 октября 1945 г. перед офицерами французских войск в Индокитае, верховный комиссар Франции в Индокитае адмирал Т. д'Аржанлье категорично заявил: «Мы восстановим права Франции в Индокитае в их прежней форме... До конца года суверенитет Франции будет повсюду восстановлен»⁴⁰. Руководитель французской разведывательной службы в Северном Вьетнаме генерал А. Жа-

кэн, присутствовавший на выступлении адмирала, вспоминает, что оптимизм верховного комиссара был скептически встречен некоторыми из участников совещания. Отвечая одному из скептиков, полковник Килишини, командующий французскими войсками в Китае, в грубых выражениях дополнил адмирала: «Когда 2-я танковая дивизия высадится в Тонкине, все революционеры в собачьей шкуре исчезнут...»⁴¹. Подобная солдафонская прямота лучше всего характеризовала истинные намерения сторонников «силового» решения индокитайской проблемы.

18 марта 1947 г., выступая в Национальном собрании, депутат П. Кот огласил ставший известным текст секретной инструкции, которую 10 апреля 1946 г. французское командование направило начальникам гарнизонов и командирам частей, дислоцированных на территории Вьетнама. Инструкция прямо вменяла им в обязанность обеспечение организации военного переворота на местах. Министр по делам заморской Франции М. Мутэ был вынужден признать подлинность документа.

Подготовка к интервенции шла полным ходом. Прежде всего в нарушение соглашений 6 марта 1946 г. французы увеличили численность своих войск во Вьетнаме. С марта по ноябрь 1946 г. она возросла с 5 до 70 тыс. человек.

В середине ноября 1946 г. французское командование сочло, что подготовка к военным действиям в общем и целом завершена. Оставалось получить соответствующий приказ из Парижа. В ночь с 22 на 23 ноября 1946 г. временно исполняющий обязанности верховного комиссара Франции в Индокитае генерал Валлюи с ведома правительства Бидо телеграфировал начальнику французского гарнизона в Хайфоне полковнику Дебессу: «Настал момент дать вьетнамцам суровый урок. Всеми средствами, имеющимися в вашем распоряжении, Вы должны стать полным хозяином положения в Хайфоне и вынудить вьетнамское правительство и армию к раскаянию»⁴². Получив приказ, полковник Дебесс подверг Хайфон жестокому артиллерийскому обстрелу, в результате которого погибло более 6 тыс. мирных жителей. Подобные акции имели место и в других районах ДРВ.

Президент Хо Ши Мин по радио обратился с призывом к Национальному собранию Франции «восстановить в Хайфоне и Лангшоне положение, существовавшее там до 20 ноября»⁴³. Когда 18 декабря социалист Леон Блюм сфор-

мировал новый кабинет, президент ДРВ обратился к нему с личным посланием, в котором призывал прекратить интервенцию и соблюдать «модус вивенди». Все обращения Хо Ши Мина остались без ответа. Французская реакция избрала свой способ разрешения индокитайской проблемы — войну, типично колониальную, вскоре получившую название «грязная война». Со стороны народов Индокитая это была справедливая, освободительная война, вошедшая в историю как «война Сопротивления». Определяя задачи войны, президент Хо Ши Мин говорил: «Целью войны Сопротивления являлось отстоять и развить завоевания Августовской революции, то есть мир, единство, независимость и демократию»⁴⁴.

На долгих восемь лет затянулась индокитайская война, став одной из центральных проблем для правящих кругов Франции. «В краткой истории Четвертой республики, — пишет известный специалист по Дальнему Востоку профессор Ф. Девиллер, — было мало проблем столь тяжелых, как проблема войны в Индокитае. Порожденный в обстановке двусмысленности, этот конфликт развивался с 1946 г., как рак, постепенно подтачивая организм выздоравливающей Франции, затронув вначале армию и ее кадры, затем финансы и, наконец, всю внешнюю политику нашей страны»⁴⁵.

К 1950 г., после трех с лишним лет войны, для правящих кругов Франции стало совершенно очевидным, что без иностранной, прежде всего американской, помощи подавить национально-освободительное движение народов Индокитая не удастся. Разумеется, правительство Франции сознавало опасные последствия американской помощи, но явно их недооценивало. Соображения антикоммунизма, по которым США вмешались в индокитайский конфликт, отнюдь не делали их отношения с Францией «братскими», как того хотелось бы французскому правительству. Напротив, финансируя войну, американцы считали себя вправе давать «рекомендации», а то и прямые указания французам. Генерал А. Наварр справедливо отмечал: «Мы претендовали на то, чтобы запретить США вмешиваться в руководство войной и в наши отношения с индокитайскими государствами, но мы же умоляли их о помощи, которая автоматически давала им на это право»⁴⁶. Хозяиничание американцев в Индокитае стало в годы войны столь беззастенчивым, что даже такой известный американофил и правый политический деятель, как П. Рейно, заявил в 1950 г., выступая перед американской аудиторией: «Вы, американцы,

забираете из Индокитая 89% натурального каучука, 52% олова, которое вы потребляете. Таким образом, в плане материальных интересов мы защищаем в Индокитае скорее ваши, чем свои интересы»⁴⁷.

Помощь США с каждым годом становилась все более значительной. Если в 1951 г. она оценивалась в 137 млн. долл., то в 1954 г. составила уже около 1 млрд. долл. Без этих субсидий Франция не могла бы вести военные действия в Индокитае. Что касается американской помощи, то помимо задачи подавления национально-освободительного движения в Индокитае она служила орудием американского проникновения в этот район. «Принимая американскую помощь — писал впоследствии генерал Наварр, — мы почти теряли Индокитай. Это была подлинная драма нашей политики»⁴⁸. Чем глубже увязала Франция в Индокитае, тем сильнее становилась ее финансовая зависимость от Вашингтона и тем жестче становился контроль США над ходом войны в Индокитае.

Однако даже обильные долларовые вливания не могли изменить хода войны, которая, как это стало очевидным к концу 1953 г., для Франции была проиграна. В это время во Франции крепнут настроения в пользу окончания войны не только в левых, но и в центристских партиях. В период американо-корейских переговоров о перемирии в левоцентристских кругах во Франции возникла идея связать окончание войны в Корее с мирным урегулированием в Индокитае. Однако американский пажим не дал возможности осуществить эту идею. «Французы могут и должны одержать победу. Для этого нужно одно — чтобы они были менее скупы на свою кровь», — цинично заявляли американские представители⁴⁹.

На продолжении войны настаивали и хозяева Франции — крупные монополии, связанные с эксплуатацией природных богатств Индокитая. «Что касается утверждений, будто крупный капитал стремился продлить войну, а вместе с ней и все возможности для извлечения прибылей, которые создала эта война, то многие факты свидетельствуют о том, что эти утверждения имели под собой почву», — признавал А. Верт⁵⁰.

Во время дебатов в Национальном собрании по вопросу Индокитайской войны, состоявшихся 18 мая 1953 г., депутат-коммунист Ж. Коньо ознакомил членов парламента с данными, говорящими о заинтересованности представителей крупного капитала в продолжении войны. «Страпа все

больше убеждается, — заявил Ж. Коньо, — что эта война означает огненный и стальной ливень для одних и золотой дождь для других. Обратимся к следующим цифрам: Индокитайский банк исчислял свою прибыль в 1951 г. в 502 млн. фр. против 53 млн. фр. в 1947 г.; Камбоджийская компания — в 717 млн. фр. против 44; „Плантация красных земель” — в 1071 млн. фр. против 100; 45 капиталистических компаний, чьи балансы лежат сейчас передо мной, признают, что они положили себе в карман в 1951 г. 10101 млн. фр. против 1250 млн. фр. в 1947 г. А это только небольшая часть их действительных прибылей... Иными словами, крупный капитал хочет, чтобы война продолжалась»⁵¹.

Комплекс всех этих причин и предопределил тот, по меткому выражению А. Верта, «припадок умопомрачения», в котором стоявшие у власти лидеры МРП продолжали вести войну, отвергая всякую возможность мирного разрешения затянувшегося конфликта. Когда 26 ноября 1953 г. президент Хо Ши Мин заявил, что народ и правительство ДРВ готовы рассмотреть спорные вопросы за столом переговоров, Ж. Бидо, возглавлявший в то время Кэ д'Орсэ, говорил: «Хо Ши Мин на грани капитуляции, мы разобьем его»⁵². В действительности же на грани капитуляции в это время находилась французская армия в Индокитае.

В конце 1953— начале 1954 г. война достигла наивысшего накала. Французское командование, осуществляя так называемый план Наварра, суть которого сводилась к развертыванию широких наступательных операций, окружению и разгрому Вьетнамской Народной армии (ВНА) в районе Дьенбьенфу, было уверено в успехе. Однако с самого начала этот план обнаружил свою несостоятельность. Французские войска, перешедшие в ряде районов в широкое наступление, вскоре сами оказались в окружении. Наиболее значительные силы генерала Наварра были окружены в северо-западном районе Вьетнама у крепости Дьенбьенфу, где с марта 1954 г. развернулось самое крупное в истории индокитайской войны сражение. Главнокомандующий французскими войсками в Индокитае генерал Наварр придавал большое значение этой крепости. В приказе начальнику французского гарнизона Дьенбьенфу полковнику де Кастри он подчеркивал, что крепость «должна быть удержана любой ценой»⁵³. По замыслу Наварра, необходимо было притянуть к крепости как можно бóльшие силы ВНА, а затем окружить их и уничтожить. Со своей сторо-

ны, вьетнамское командование также придавало большое значение предстоящему сражению, в котором оно поставило целью взять крепость и сорвать замыслы противника. Командующий ВНА генерал Во Нгуен Зиап писал: «Только путем уничтожения Дьенбьенфу мы могли сорвать франко-американский план продолжения и расширения войны»⁵⁴. В середине марта 1954 г. части ВНА перешли в контрнаступление и плотным кольцом окружили Дьенбьенфу. Началась двухмесячная осада крепости.

Что происходит к этому времени во Франции и какова была международная ситуация?

Недовольство ходом «грязной войны» охватило к началу 1954 г. даже те общественные круги Франции, которые до этого выступали за ее продолжение. Оппозиция клерикальному правительству Ланьеля—Бидо, прозванного «кабинетом войны», росла из месяца в месяц. Индокитайская политика правительства подвергалась острой критике не только слева, но и справа, прежде всего со стороны голлистской партии РПФ («Объединение французского народа»), опасавшейся американского утверждения в Индокитае. В конце октября 1953 г. Национальное собрание высказывается за необходимость «умиротворения» в Индокитае.

Международная обстановка также благоприятствовала мирному урегулированию конфликта. В начале 1954 г. правительство СССР выступило с инициативой рассмотреть комплекс мероприятий по ослаблению международной напряженности, и в частности вопрос об Индокитае.

26 января 1954 г. в Берлине было созвано совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. На этой встрече было принято решение о созыве 26 апреля 1954 г. в Женеве международного совещания по мирному урегулированию в Корее и восстановлению мира в Индокитае.

В преддверии Женевского совещания французское правительство требовало от своего командования в Индокитае удержать Дьенбьенфу любой ценой для того, чтобы «создать как можно более благоприятные военные условия для политического разрешения конфликта»⁵⁵. Это означало, что французские войска в Индокитае должны во время женевских переговоров обеспечить своей дипломатии «сильные» позиции. Но данная задача была явно не по силам французскому экспедиционному корпусу. Кольцо окружения вокруг Дьенбьенфу становилось все уже. «Пятачок»,

заняемый французским гарнизоном, был настолько мал, что стало почти невозможно сбрасывать с самолетов осажденным снаряжение и продовольствие. Примером может служить следующий не лишенный курьеза факт: когда полковник де Кастри с целью поднятия его морального духа был произведен в бригадные генералы и генеральские погоны ему были сброшены на парашюте, то он так и не сумел их получить по той простой причине, что предназначенная ему посылка приземлилась на территории, занятой частями ВНА.

7 мая 1954 г. после почти двухмесячной осады Дьенбьенфу, сопровождавшейся ожесточенными боями, генерал де Кастри капитулировал. За период осады и боев гарнизон потерял убитыми и пленными 16 200 человек. Среди взятых в плен были один генерал, 16 полковников, 1749 офицеров и унтер-офицеров. Было уничтожено в воздухе и на земле 162 французских самолета. Все военное снаряжение французского гарнизона попало в руки ВНА. Под Дьенбьенфу были окончательно похоронены военно-политические планы французского империализма в Индокитае.

Падение крепости явилось тяжелым ударом по правительству Ланьеля—Бидо, которое 14 мая едва удержалось у власти мизерным количеством голосов. Ослабли и французские позиции на Женевском совещании. Попытка французской дипломатии проводить «твердую» собственную линию после сдачи Дьенбьенфу была сорвана. Уделом французской делегации в Женеве, возглавляемой Ж. Бидо, стало послушное следование «советам» Даллеса.

Линия на срыв договоренности о мирном урегулировании индокитайской проблемы встречала растущий протест во Франции. 12 июня 1954 г. «кабинет войны» пал.

18 июня 1954 г. новое правительство сформировал лидер радикал-социалистов, давний противник «грязной войны» Пьер Мендес-Франс, получивший при голосовании в Национальном собрании поддержку коммунистов. Мендес-Франс выражал мнение той части правящих кругов Франции, которая осуждала ультраколониализм и выступала с неоколониалистских позиций. В этом отношении П. Мендес-Франса можно считать одним из предтеч французского неоколониализма, наиболее ярким представителем которого уже в годы Пятой республики стал генерал де Голль.

При получении инвеституры Мендес-Франс торжественно обещал достигнуть соглашения по Индокитаю в месячный срок. Правительство Мендес-Франса получило во-

тум, какого давно не знало ни одно французское правительство. За него было подано 419 голосов, против — всего 47. Это было выражением настойчивого желания Франции положить конец «грязной войне» в Индокитае. Мендес-Франс, получивший также портфель министра иностранных дел, немедленно выехал в Женеву, где начался второй этап переговоров.

Уже первые заседания второго раунда переговоров показали, что цель нового главы французского правительства заключается в том, чтобы добиться раздела Вьетнама и попытаться сохранить позиции Франции на юге Аннама и в Кохинхине.

В отличие от Бидо, который всячески избегал встреч с главой делегации ДРВ Фам Ван Донгом, Мендес-Франс часто встречался и с ним, а также с советскими и китайскими представителями. В ходе этих встреч постепенно преодолевались существовавшие противоречия.

В работе совещания явно наметился сдвиг, что вызвало открытое недовольство Дж. Даллеса, демонстративно покинувшего Женеву и перепоручившего дела своему помощнику генералу У. Беделл-Смиту. 14 июля 1954 г., в день национального праздника Франции, Даллес под благовидным предлогом прибыл в Париж, где встретился с П. Мендес-Франсом и главой английского кабинета А. Иденом. Цель Даллеса заключалась в том, чтобы попытаться воспрепятствовать урегулированию в Индокитае. Что касается Мендес-Франса, то его задача состояла в том, чтобы уговорить Даллеса вернуться в Женеву для «поддержания духа» и позиций Франции. Французские историки Ж. Лактюр и Ф. Девиллер в книге, посвященной окончанию индокитайской войны, приводят любопытный диалог между Даллесом и Мендес-Франсом: «Даллес: „Как бы то ни было, но соглашение, которое вы подпишете в Женеве, будет вредным“. Мендес-Франс: „Именно потому, что мы не хотим, чтобы соглашение было вредным, мы и желаем вашего присутствия, которое поможет нам добиться от них (делегации ДРВ.— П. Ч.) лучших условий“»⁵⁶.

В конечном счете с помощью британского премьера Мендес-Франсу удалось уговорить Даллеса лично или через Беделл-Смита оказать поддержку Франции на завершающей стадии Женевского совещания. Со своей стороны Даллес добился от Мендес-Франса и Идена согласия на участие их стран в создаваемом по инициативе США военном блоке, предназначенном для «обороны Юго-Восточ-

ной Азии от коммунизма»*. К 20 июля в Женеве был разрешен последний спорный вопрос о линии разграничения французских и вьетнамских войск. Французские войска должны были быть отведены за демаркационную линию, проходящую южнее 17 параллели, а войска ДРВ — к северу от этой линии. На следующий день, 21 июля 1954 г., представители воюющих сторон подписали соглашение о прекращении военных действий в Индокитае. В заявлении французского правительства отмечалось, что в «урегулировании всех проблем, связанных с восстановлением и упрочением мира в Камбодже, Лаосе и Вьетнаме, правительство Французской республики будет исходить из уважения независимости и суверенитета, единства и территориальной целостности Камбоджи, Лаоса и Вьетнама»⁵⁷.

Так, благодаря активной деятельности миролюбивых сил был положен конец восьмилетней «грязной войне» французского империализма в Индокитае.

Война потребовала от Франции напряжения всех ее сил и возможностей. Военные расходы составляли ежегодно 10% всего государственного бюджета и достигли к моменту окончания войны 3 трилл. фр. Франция понесла в Индокитае значительные потери. Во время войны там находилось 26% офицерского и 37% унтер-офицерского корпуса французских вооруженных сил. К 1954 г. экспедиционный корпус в Индокитае был доведен до 216 тыс. человек, а марионеточная армия — до 207 тыс. человек. Долгое время французское правительство скрывало истинное число убитых, раненых и взятых в плен в Индокитае французских военнослужащих. Теперь уже известно, что более 20 тыс. французов нашли смерть в индокитайских джунглях, а 28 тыс. попали в плен. В Индокитае была уничтожена десятая часть офицерского корпуса французской армии — более 2 тыс. офицеров**. К этому можно добавить около 30 тыс. убитых солдат Иностранного легиона и 45 тыс. солдат марионеточной армии, павших за интересы французского капитализма⁵⁸. По данным ВНА, за годы войны было захвачено 255 французских орудий, более 130 тыс. винтовок, 504 грузовых автомобиля. За это же

* В сентябре 1954 г. такой блок с участием Франции и Англии был создан. Он получил название СЕАТО.

** Ежегодные потери во французском офицерском корпусе в Индокитае равнялись в среднем годовому выпуску главной кузницы командных кадров — Сен-Сирского военного училища (323 офицера).

время было уничтожено 344 орудия, 1478 железнодорожных вагонов, 9292 грузовых автомобиля и большое количество всевозможного военного снаряжения⁵⁹.

Такого крупного поражения Франция не знала со времён 1940 г. Главным итогом поражения французского империализма в Индокитае явилось международное признание национальной независимости и полного суверенитета индокитайских государств — вчерашних колоний Франции. Другим итогом этого поражения явилось вытеснение Франции из Индокитая американским империализмом, который, приняв эстафету от ослабевшего французского партнёра-соперника, продолжал до начала 70-х годов проводить в Юго-Восточной Азии политику империалистической экспансии.

1954 г. принес независимость и четырем французским владениям в Индии — Махе, Карикалу, Пондичери и Янаону, которые вошли в состав Республики Индия*. С утратой Индокитая и владений в Индии некогда обширная азиатская часть французской колониальной империи исчезла с политической карты мира.

Вторая половина 50-х годов во всемирной истории отмечена нарастанием национально-освободительного движения, ликвидировавшего колониальную систему мирового капитализма. Национально-освободительные революции выступили в качестве мощной силы, разрушающей фронт империализма, расшатывающей его устои. Крушение системы колониального рабства было важнейшим по своему историческому значению явлением после образования мировой социалистической системы. С ним связано начало и содержание третьего этапа общего кризиса капитализма.

Вслед за Азией на путь национального освобождения встали народы Африки. Одним из главных противников национально-освободительного движения африканских народов был французский колониализм. Крушение французского колониализма на Африканском континенте началось с утраты Марокко и Туниса в 1956 г.

Режим колониального угнетения и вопиющее неравенство в правах, политическое, экономическое и социальное, глубоко оскорбляли национальные чувства народов Марокко

* Пятое французское владение в этом районе — Чандернагор добился независимости от Франции и вошел в состав Индии несколько ранее, в 1951 г.

и Туниса. Они никогда не смирялись с французским господством и постоянно вели борьбу за его ликвидацию. Как и повсюду, мощным ускорителем национально-освободительного движения в Северной Африке явилась вторая мировая война. Важнейшим следствием войны было значительное ослабление политического влияния и экономических позиций Франции в Марокко и Тунисе и соответствующее укрепление национальной буржуазии, выдвинувшей лозунг политической независимости. После второй мировой войны освободительная борьба в Марокко и Тунисе вступила в свою завершающую стадию.

Правящие круги Франции пытались всеми средствами предотвратить неминуемое. Для французской политики в Марокко и Тунисе после окончания второй мировой войны характерным было сочетание репрессивных акций с отдельными уступками национально-освободительному движению.

Особо острые формы борьбы за национальное освобождение приобрела в Марокко. Установленный в 1912 г. режим протектората не мог скрыть откровенно колониалистской природы французского господства в этой древней стране, превращенной фактически в колонию Франции. В этой связи можно полностью согласиться с французским автором Р. де Монвалоном, который отмечал: «Фактически с самого начала Франция практиковала в Марокко политику прямого управления»⁶⁰.

Вторая мировая война, как уже отмечалось, стала отправным пунктом завершающего этапа длительной борьбы марокканского народа за национальную независимость. В этой борьбе народ Марокко использовал все имевшиеся возможности: и поддержку молодых арабских государств, объединившихся в Лигу арабских стран, и глубокие межимпериалистические противоречия, прежде всего франко-американские. Важным морально-политическим фактором явились успехи народов других стран французской колониальной империи в борьбе за свою национальную независимость — Сирии, Ливана, Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Большую роль в достижении политической независимости Марокко сыграл султан Мухаммед Бен Юсуф (после 1956 г. — король Мухаммед V), олицетворявший собой одновременно верховную светскую и духовную власть в Шерифской империи. «Этот государь, молодой, гордый, себялюбивый, не скрывал своего намерения возглавить страну в ее движении к прогрессу, а в один прекрасный день —

и к независимости», — пишет о Бен Юсуфе в своих воспоминаниях хорошо его знавший генерал де Голль⁶¹.

В декабре 1943 г. в Марокко возникла политическая партия «Истикляль» («Независимость»), объединившая буржуазно-националистические силы. Ей суждено было сыграть решающую роль в достижении Марокко политической независимости.

В 1946 г. с назначением нового генерального резидента — социалиста Э. Лабонна в Марокко период репрессий сменился временем либеральных реформ. Лабонн освободил из тюрем и вернул из ссылки руководителей «Истикляль», а также разрешил издавать ее печатные органы. Легализовала свою деятельность и запрещенная ранее Коммунистическая партия Марокко. Генеральный резидент наладил и провел также ряд мер по стимулированию марокканской экономики.

Все, казалось, предвещало наступление «новых счастливых времен». Окончилась вторая мировая война. Только что был провозглашен Французский союз, в рамках которого колониальные народы должны были обрести благоденствие и процветание. В царившей тогда победной эйфории, охватившей буквально все слои французского общества и элиты населения заморских владений Франции, редкие голоса скептиков и пессимистов, предрекавших неминуемый крах затеи с Французским союзом, не принимались в расчет. Поддался необоснованным надеждам и султан Марокко. 10 апреля 1947 г. он прибыл в Танжер, где произнес речь, в которой впервые открыто поставил вопрос о ликвидации режима протектората. Мухаммед Бен Юсуф провозгласил право марокканского народа на свободу, суверенитет и единство страны. Речь султана послужила своего рода сигналом к новой волне массовых выступлений за отмену протектората.

В правящих сферах Парижа она вызвала резкое недовольство. Французским войскам в Марокко был отдан категорический приказ немедленно подавить волнения. В течение апреля 1947 г. в рабочих кварталах Касабланки шли настоящие сражения между французскими войсками и марокканскими патриотами. К маю волнения были подавлены. Ответственность за беспорядки была возложена на генерального резидента Э. Лабонна, который был заменен генералом А. Жюэном.

Было бы не совсем верно объяснять отставку Лабонна только «танжерским инцидентом». Надо вспомнить, что в

самой Франции в это время произошли серьезные политические перемены, связанные с устранением 5 мая 1947 г. министров-коммунистов из правительства П. Рамадье и образованием коалиции «третьей силы». Четвертая республика совершила первый в своей истории поворот вправо, отразившийся на внутренней, внешней и колониальной политике Франции. В связи с этим замена в Марокко либерала Лабонпа убежденным сторонником жесткой линии генералом Жюэном представлялась вполне закономерной. Речь султана в Танжере и вызванная ею реакция были скорее предлогом, нежели подлинной причиной удаления Лабонпа из Марокко.

С этого времени во французской политике в Марокко начинается новая полоса репрессий и карательных акций, которые проводили сменявшие друг друга генеральные резиденты. Всего в 1945—1956 гг. в Марокко сменилось восемь французских резидентов. Вначале репрессии обрушились против компартии и профсоюзов, затем гонениям подверглась партия «Истикляль» и другие национально-патриотические организации, наконец, объектом преследований и травли стал султан Мухаммед Бен Юсуф, отказавшийся сотрудничать с колонизаторами.

14 августа 1953 г. заговорщики, возглавляемые давним пособником французского колониализма пашой Марракеша Тхами-аль-Глауи и поощряемые генеральным резидентом Франции, провозгласили султаном родственника Бен Юсуфа — Мухаммеда Бен Арафу. Оставалось арестовать самого Бен Юсуфа, и это взял на себя лично новый генеральный резидент О. Гийом, сменивший на этом посту Жюэна. В 3 часа пополудни 20 августа генерал Гийом поднялся по лестнице султанского дворца и вошел во внутренние покои Бен Юсуфа. Через 15 минут он вышел оттуда в сопровождении султана и его сыновей, которые были посажены в автомобили. Колонна автомашин в сопровождении танков направилась к аэродрому. В тот же день, в 22 часа, специальный самолет с султаном и его семьей, объявленными «гостями французского правительства», приземлился на Корсике. На следующий день великий везир объявил: «Его Величество султан Сиди Мухаммед Бен Юсуф выехал из Марокко. Его Величество султан Сиди Мухаммед Бен Арафа занял свой пост. Аллах да поможет ему и да будет с ним»⁶².

Так, при непосредственном участии французских властей в Марокко был осуществлен государственный пере-

ворот, что явилось грубейшим нарушением Фесского договора о протекторате 1912 г., оставлявшего за Марокко хотя бы декорум национального суверенитета⁶³.

Переворот 20 августа 1953 г. вызвал бурю возмущения по всей стране. Французские власти ответили волной террора. После низложения султана в Марокко было арестовано более 20 тыс. патриотов; 26 декабря 1953 г. генеральный резидент ввел в Марокко смертную казнь за «террористические акты» с немедленным исполнением приговора.

Политика репрессий тем не менее не сломила сопротивления марокканского народа. 30 марта 1954 г., в очередную годовщину договора о протекторате, несмотря на принятые генеральным резидентом меры по всем крупным городам Марокко прошли мощные демонстрации под лозунгами возвращения законного правителя и ликвидации протектората.

В это время во Франции происходили важные сдвиги в расстановке политических сил. Политика правоцентристского блока становилась все более непопулярной, особенно в отношении заморских владений. Война в Индокитае к весне 1954 г. была фактически проиграна, и только сопротивление кабинета Ланьеля—Бидо тормозило мирное урегулирование. Неотложной задачей становилась необходимость решения марокканской и тунисской проблем, которую осознавало пришедшее к власти правительство П. Мендес-Франса.

Новый глава правительства обещал предоставить Марокко и Тунису «подлинную внутреннюю автономию» с последующим достижением имп. национального суверенитета. Единственным же реальным изменением во французской политике в Марокко при Мендес-Франсе явилось прекращение репрессий. Обстоятельства сложились так, что Мендес-Франсу не хватило времени для реализации имевшихся у него планов в отношении североафриканских владений Франции. Уже 5 февраля 1955 г., т. е. всего через семь месяцев и 17 дней после получения инвентуры, правительство П. Мендес-Франса пало. Новый совет министров сформировал радикал Э. Фор.

В Марокко тем временем нарастали требования возвращения законного султана и устранения Бен Арафы. Французское правительство вынуждено было пойти на переговоры с представителями основных политических партий Марокко, завершившиеся на территории Франции 27 августа 1955 г. «компромиссом Экс-ле-Бен» (по месту

проведения переговоров). Стороны договорились предложить Бен Арафе отречься от престола и дать тем самым возможность сформировать представительное марокканское правительство.

В начале сентября на Мадагаскаре состоялись переговоры между правительственным эмиссаром генералом Ж. Катру и отбывавшим там ссылку султаном Бен Юсуфом, который одобрил соглашения, заключенные в Эксле-Бене, и дал согласие участвовать в урегулировании кризиса.

Под давлением внутренней оппозиции и французского правительства Бен Арафа 30 октября 1955 г. отрекся от престола в пользу Бен Юсуфа. 5 ноября правительство Франции приняло решение о восстановлении Бен Юсуфа на троне. На следующий день в результате встречи Э. Фора и вернувшегося из ссылки султана в местечке Сель-Сен-Клу была опубликована франко-марокканская декларация о предстоящих переговорах относительно предоставления Марокко статуса независимого государства. Это означало официальное признание Францией права марокканского народа на независимость. Правда, французское правительство попыталось сохранить контроль над Марокко, выдвинув концепцию так называемой взаимозависимости, предполагавшую всевозможные ограничения марокканского национального суверенитета. Однако подобные юридические уловки не имели под собой никакой реальной основы. Народ Марокко уверенно шел к полной политической независимости, где не могло быть места компромиссам, ущемлявшим его национальный суверенитет. В стране развертывалась широкая партизанская война.

16 ноября 1955 г. султан Мухаммед Бен Юсуф с триумфом вернулся в Марокко. Спустя два дня в тронной речи он объявил об отмене режима протектората и формировании нового национального правительства. В течение второй половины февраля 1956 г. в Париже проходили франко-марокканские переговоры на высшем уровне, в ходе которых французская сторона настаивала на тезисе о «взаимозависимости».

2 марта 1956 г. переговоры завершились подписанием совместного заявления и протокола. В заявлении отмечалось: «Вследствие происходящего в Марокко развития по пути прогресса Фесский договор от 30 марта 1912 г. более не соответствует реальностям современной жизни и не

может отныне регулировать франко-марокканские отношения»⁶⁴. В заявлении подчеркивалось, что «правительство Французской республики торжественно подтверждает признание независимости Марокко»⁶⁵. 28 мая 1956 г. в Рабате был подписан франко-марокканский договор, окончательно оформивший политическую независимость Марокко.

5 апреля 1956 г. испанский диктатор Франко вынужден был признать независимость испанской зоны Марокко, а 29 октября того же года специальная международная конференция представителей девяти стран — участниц создания особого статуса для Танжера (Англия, Бельгия, Испания, Италия, Марокко, Голландия, Португалия, США и Франция) приняла решение о ликвидации международного режима зоны Танжера. Таким образом, страна вновь обрела независимость и единство, утраченные в эпоху империалистического раздела мира. В ноябре 1956 г. XI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Марокко в члены этой организации.

Франция еще пыталась удержать свои политические и военные позиции в Марокко, однако в конечном счете вынуждена была смириться с исторической реальностью окончательной утраты бывшего протектората.

Кризис французской колониальной политики в Тунисе развивался в условиях, сходных с марокканскими. Вместе с тем здесь существовала своя специфика, объясняемая более высоким уровнем экономического и социально-политического развития Туниса. В этой стране туземная элита в гораздо большей степени была приобщена к управлению местными делами. Это, в свою очередь, определяло и несколько меньшую остроту франко-тунисского конфликта по сравнению с франко-марокканским. В отличие от Марокко, где лидером послевоенного национально-освободительного движения по существу стал султан, в Тунисе эту роль играла оппозиционная партия «Новый Дестур», а тунисский бей находился под полным контролем французских колониальных властей. Данное обстоятельство, наряду с прочими, определило большую степень гибкости французской политики в Тунисе по сравнению с Марокко.

Заключительный этап национально-освободительной борьбы тунисского народа начался в годы второй мировой войны. Воспользовавшись благоприятной военной ситуацией, бей Туниса Монсеф, вступивший на престол 12 июня

1942 г., попытался освободиться от французской опеки. При этом он сделал ставку на державы фашистской «оси» — Германию и Италию, войска которых в ноябре 1942 г. оккупировали территорию Туниса. При их поддержке бей Монсеф сформировал буржуазно-националистическое правительство во главе с Шеником и предпринял попытку добиться независимости от Франции. Поражение германо-итальянских оккупантов в Тунисе в мае 1943 г. имело следствием установление контроля над страной со стороны ФКНО. В мае того же года бей Монсеф был низложен и отправлен в ссылку, а правительство Шеника разогнано.

Осуществляя новый курс в заморских владениях, провозглашенный в Бразавиле в 1944 г., Временное правительство Франции начало проводить реформы и в Тунисе, содержание которых говорило о его намерении восстановить в несколько модернизированном виде режим протектората. Это, естественно, не могло устраивать национально-патриотические силы Туниса, требовавшие восстановления независимости своей страны.

На всякую попытку выражения протеста или недовольства со стороны местного населения французские власти отвечали террором. Так, в августе 1947 г. генеральный резидент Ж. Монс приказал войскам силой подавить забастовку железнодорожников в Сфаксе, в результате чего были убиты 27 и ранены 40 тунисских рабочих.

В конечном итоге политика мелких реформ, проводимая Монсом, потерпела провал, и с 1949 г. в стране начинается новый подъем национально-освободительного движения. В апреле 1949 г. был создан Тунисский комитет защиты свободы и мира, в который вошли многие прогрессивные организации, в том числе и Коммунистическая партия Туниса.

15 мая 1951 г. бей Сиди Ламин выступил в Карфагене с речью, в которой в осторожных выражениях высказался за расширение представительства коренного населения в исполнительных органах власти. 22 мая в письме к президенту Франции В. Ориолю бей выразил пожелание новых реформ в Тунисе. В ноте французского правительства от 15 декабря 1951 г. содержался категорический отказ удовлетворить просьбу тунисской стороны и давалось понять, что установленный 70 лет назад режим протектората не будет отменен.

Непримиримая позиция Франции вызвала бурю него-

дования в Тунисе, где состоялась трехдневная всеобщая забастовка. На этот раз единым фронтом выступили все тунисские национальные партии и организации. В интервью газете «Тунис-суар» в январе 1952 г. лидер тунисского освободительного движения Хабиб Бургиба, находившийся в изгнании, говорил: «Нота от 15 декабря показала, что французское правительство не в состоянии более играть роль арбитра между тунисским народом и кланом французских колониалистов»⁶⁶. Х. Бургиба объявил, что тунисская проблема будет передана на рассмотрение ООН. 14 января 1952 г., в день подачи жалобы в ООН, в городах Тунис и Бизерта произошли кровавые столкновения, в ходе которых французские войска расстреляли мирные демонстрации. Был запрещен съезд «Нового Дестура», а 150 его делегатов были арестованы. Действия французских властей вызвали новую всеобщую забастовку и многочисленные демонстрации в Тунисе. Началась вооруженная борьба против французских колонизаторов.

Под растущим напором национально-освободительного движения и морального осуждения со стороны французской и международной общественности правящие круги Четвертой республики вынуждены были маневрировать и идти на мелкие уступки. В 1952 г. впервые была выдвинута идея «внутренней автономии» Туниса в рамках Французского союза. Правда, ни правительство А. Пинэ, выдвинувшее эту идею, ни два последовавших за ним правительства Р. Мейера и Ж. Ланьеля не предприняли никаких конкретных шагов в реализации плана «внутренней автономии».

1953 год прошел под знаком обостряющейся франко-тунисской конфронтации. Попытки колониальной администрации расколоть национально-освободительное движение успеха не имели.

Приход к власти в середине 1954 г. правительства П. Мендес-Франса привел к определенным изменениям во французской политике в отношении Туниса. 31 июля 1954 г. П. Мендес-Франс прибыл в Карфаген для встречи с беом. Там он произнес ставшую знаменитой речь, положившую начало новому этапу в решении тунисской проблемы. Глава французского правительства официально объявил о предоставлении Тунису режима внутренней автономии, оставив за Францией внешнее представительство и обеспечение безопасности и порядка в стране.

Предоставление внутренней автономии Тунису, конеч-

но, не решало проблему восстановления его национального суверенитета, но тем не менее являлось значительным шагом вперед в этом направлении. Именно так интерпретировали «карфагенскую речь» Мендес-Франса руководители национально-патриотических сил Туниса.

В сентябре 1954 г. в Париже открылись франко-тунисские переговоры об условиях предоставления Тунису внутренней автономии, которые завершились подписанием 3 июня 1955 г. соответствующей конвенции. Франко-тунисская конвенция не отменяла режим протектората и не ликвидировала основ французского господства в Тунисе. В то же время Тунис получал право самостоятельно определять свое политическое и административное устройство. Местная администрация освобождалась от французского контроля. Это был значительный прогресс на пути к достижению полной независимости Туниса. Но пока Франция оставалась гарантом монархического режима Туниса, который был включен в сферу действия Североатлантического договора.

14 сентября 1955 г. было сформировано первое национальное правительство Туниса без участия французов.

Национально-патриотические силы Туниса одобрили конвенцию 3 июня 1955 г., но подчеркнули, что достижение полной независимости продолжает оставаться главной целью освободительной борьбы. В авангарде этой борьбы шла партия «Новый Дестур», потребовавшая в январе 1956 г. признания независимости Туниса.

В самой Франции в это время на парламентских выборах правые партии потерпели серьезное поражение, а победу одержали левые и левоцентристские партии, входившие в так называемый Республиканский фронт, поддерживаемый Французской коммунистической партией. Новое правительство сформировал лидер социалистической партии (СФИО) Ги Молле, а министром иностранных дел стал тоже социалист К. Пино. Победа Республиканского фронта в значительной степени облегчила и ускорила окончательное решение тунисской проблемы: 29 февраля 1956 г. правительство Ги Молле начало переговоры с Тунисом о предоставлении ему права на национальную оборону и внешнюю политику. Таким образом, речь шла об отмене двух основных ограничений, установленных конвенцией 3 июня 1955 г., что означало фактическое признание полной независимости Туниса.

20 марта 1956 г. состоялось подписание франко-тунис-

ского протокола о предоставлении независимости Тунису. В протоколе говорилось: «Франция торжественно признает независимость Туниса. Из этого вытекает: а) что договор, заключенный между Францией и Тунисом 12 мая 1881 г., не может более регулировать франко-тунисские отношения; б) что те из положений соглашения от 3 июня 1955 г., которые будут противоречить новому статусу Туниса как независимого и суверенного государства, будут изменены или аннулированы. Из этого следует осуществление Тунисом ответственности в области внешней политики, безопасности и обороны, а также создание национальной тунисской армии.

Уважая суверенитет друг друга, Франция и Тунис соглашаются определить или завершить выработку условий взаимозависимости, свободно осуществляемой двумя странами, организуя сотрудничество в тех областях, где у них имеются общие интересы, в частности в области обороны и внешних отношений. Соглашения между Францией и Тунисом установят условия помощи, которую Франция окажет Тунису в деле создания национальной тунисской армии»⁶⁷.

Таким образом, 75-летнему периоду французского господства в Тунисе был положен конец. В конце 1956 г. XI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Тунис в члены этой организации, а в июле 1957 г., после изложения бея, была провозглашена Тунисская республика, президентом которой стал признанный лидер национально-освободительного движения Хабиб Бургиба.

Победа освободительного движения народов Туниса и Марокко оказала огромное революционизирующее влияние на весь арабский мир, и прежде всего на Алжир, развернувший активную борьбу за свою национальную независимость. Не осталась безучастной к этому событию и французская Черная Африка, где росли антиколониалистские настроения.

Долгое время Черная Африка считалась в руководящих кругах Парижа единственно «благополучным» районом колониальной империи Франции. Однако после второй мировой войны и там начала складываться опасная для французского колониализма ситуация. Политика экономического «освоения» африканских колоний не могла не изменить их социально-экономическую структуру: возникла и набирала силу национальная буржуазия,

появился рабочий класс, расширялся состав местной интеллигенции, многие представители которой получили образование во Франции. В Черной Африке стали возникать профсоюзные центры и политические партии. Уже на первой Всеафриканской конференции профсоюзов в Дакаре (1947 г.) присутствовали делегаты от 21 профсоюзной организации, представлявшие почти 800 тыс. человек. В январе 1957 г. был создан один из крупнейших профсоюзных центров — Всеобщее объединение трудящихся Черной Африки, территориальные организации которого были образованы почти во всех французских владениях. Африканские профсоюзы развернули активную борьбу за права трудящихся, используя испытанное средство классовой борьбы — забастовки. Наиболее крупным выступлением такого рода явилась всеобщая забастовка трудящихся Тропической Африки в ноябре 1952 г. в поддержку требования о введении в действие трудового законодательства.

В октябре 1946 г. было основано Африканское демократическое объединение (РДА), превратившееся в самую крупную политическую партию в Западной и Экваториальной Африке. Уже к 1948 г. численность РДА достигла 1 млн. человек. Своей целью РДА провозгласило достижение политического, экономического и социального освобождения африканских народов. Именно поэтому партия подвергалась постоянным преследованиям и притеснениям со стороны французских властей, которым удалось в 1951 г. склонить к сотрудничеству тогдашнего руководителя РДА Ф. Уфуэ-Буауни, представителя владельцев плантаций и национальной буржуазии Берега Слоновой Кости. Курс на сотрудничество с колониальными властями привел к ослаблению позиций партии в массах.

В 1953 г. представитель умеренных буржуазно-националистических кругов Леопольд Седар Сенгор (Сенегал), возглавлявший в Национальном собрании Франции фракцию «Независимых заморских территорий», выдвинул идею создания Африканской Федеративной Республики, объединяющей в рамках Французского союза страны Западной и Экваториальной Африки.

Особой остроты национально-освободительное движение достигло на Мадагаскаре, где еще в ходе второй мировой войны было выдвинуто требование ликвидации французского колониального господства на острове. Когда 19 мая 1946 г. в Тананариве прибыл новый верховный комиссар Франции М. де Коппе, его встретили демонстрации

протеста и антифранцузские выступления. Перед резиденцией верховного комиссара появились лозунги: «Долой закон об аннексии 1896 г.!\», «Да здравствует свободный Мадагаскар!\», «Долой французов!»⁶⁸. Во главе антифранцузских выступлений стояла массовая партия Демократическое движение за мальгашское возрождение (МДРМ). 1 июня 1946 г. по призыву МДРМ все крупные города Мадагаскара были охвачены всеобщей забастовкой, проходившей под политическими лозунгами.

Включение Мадагаскара в состав Французского союза в качестве заморской территории вызвало бурные протесты на острове. Крайние националисты требовали полной независимости, а более умеренные высказывались за предоставление Мадагаскару статуса присоединившегося государства наравне с Марокко, Тунисом и странами Индокитая. Как первое, так и второе требования были решительно отклонены правительством метрополии. Положение на острове достигло крайнего напряжения в начале 1947 г.

29 марта 1947 г. по сигналу МДРМ в центральных и восточных районах острова вспыхнуло восстание против французских колонизаторов. В этот же день де Коппе издал распоряжение о запрещении МДРМ и аресте его руководителей и активистов. В Париже Национальное собрание большинством голосов проголосовало за лишение мальгашских депутатов от МДРМ парламентской неприкосновенности, что вызвало протесты депутатов от Черной Африки.

Несмотря на карательные меры, восстание распространилось на всю территорию острова. Верховный комиссар де Коппе заявил 28 мая 1947 г.: «Если мальгашский народ хочет войны, он ее получит»⁶⁹. Летом 1947 г. на Мадагаскар были переброшены значительные французские воинские контингенты, которым в августе удалось блокировать восставших в прибрежных районах острова. К осени восстание было подавлено. По официальным данным, с французской стороны было убито 140 человек, с мальгашской — 11 тыс. человек. По мальгашским же данным, от рук французских карателей пало 80 тыс. мальгашей.

Однако французские колонизаторы так и не почувствовали себя достаточно прочно на непокорном острове. Характерно, что осадное положение, введенное на Мадагаскаре в марте 1947 г., было отменено лишь в марте 1956 г., незадолго до предоставления независимости Малагасийской республике.

Неспокойно было и в других африканских владениях Франции. В 1950 г. против безоружного населения Берега Слоновой Кости, отстаивавшего свои права, были брошены французские парашютно-десантные и танковые части.

В мае 1955 г. французские войска подавили народное восстание в Камеруне, подготовленное Союзом народов Камеруна (ЮПК) — антиколониалистской организацией, объединявшей крестьянство, рабочих, интеллигенцию и мелкую буржуазию. В результате карательных действий было убито 5 тыс. камерунцев. Однако поражение восстания не означало прекращения борьбы за ликвидацию режима «опеки», навязанного Францией Камеруну после окончания второй мировой войны. Результатом этой настойчивой борьбы явилось получение Камеруном в январе 1957 г. статуса самоуправляющейся подопечной территории. Согласно декрету Национального собрания Франции от 16 апреля 1957 г. государство Камерун не считалось более частью французской национальной территории, хотя и продолжало входить во Французский союз.

Такого же статуса добилась в феврале 1958 г. и другая подопечная территория — Того.

Обострение кризиса французской колониальной системы в Черной Африке становилось все более очевидным. Наиболее дальновидные представители правящих кругов Франции сознавали необходимость глубоких реформ с целью смягчения колониального режима. Результатом реформаторских поисков, осуществлявшихся под растущим давлением национально-освободительного движения, явилось принятие парламентом Четвертой республики 23 июня 1956 г. так называемого общего закона, или закона-рамки (lois cadre). Один из авторов этого закона, министр по делам заморской Франции, социалист Г. Деффер говорил незадолго до его принятия: «Действуя быстро, мы не окажемся в хвосте событий. В настоящее время заморские территории охвачены определенной тревогой, и важно развеять ее эффективными действиями для того, чтобы восстановить доверие (к Франции. — П. Ч.)»⁷⁰.

Закон от 23 июня 1956 г. санкционировал четыре важных изменения в политическом механизме Французского союза. Во-первых, в заморских территориях учреждалась единая избирательная курия и вводилось всеобщее голосование для мужчин и женщин, достигших 21 года. Во-вторых, расширились полномочия местных ассамблей, которые получали определенные прерогативы законодатель-

ной власти в заморских территориях. В-третьих, предусматривалось создание во всех территориях правительственных советов с широким представительством местных элит. В-четвертых, предполагалось осуществить реформу среднего и низового административного звена в заморских территориях в плане большего привлечения в административный аппарат коренного населения.

Принятие закона от 23 июня 1956 г. явилось самой серьезной структурной реформой Французского союза после 1946 г. Оно означало явную уступку настойчивым требованиям народов французских владений об изменении откровенно колониального статуса. В то же время конкретная реализация закона 1956 г. свидетельствовала о намерении колониалистских кругов свести к минимуму либеральные уступки. Верховный комиссар и глава территории, как после реформы 1956 г. стали называть генерал-губернатора и губернатора, сохраняли решающее влияние в заморских территориях, а французское правительство располагало правом роспуска правительственных советов в этих территориях. Характеризуя реформу 1956 г., видный политический деятель Гвинеи Секу Туре подчеркивал тогда же: «Мы говорили сотню раз и никогда не устанем повторять, что закон-рамка не только не способствует освобождению Африки, но и рассчитан на то, чтобы затянуть сроки этого процесса и даже остановить его окончательно. Закон-рамка лишь использовал стремление народов Африки к развитию, так как они уже не были в состоянии выносить французскую систему прямого администрирования — этот синоним недостойности и неспособности»⁷¹.

Оценивая с исторической дистанции закон 1956 г. и связанную с ним организационную перестройку внутри Французского союза⁷², необходимо отметить две стороны этих мероприятий: реформы 1956—1957 гг. явились вынужденной мерой, одной из последних попыток спасения разваливавшейся французской колониальной империи, и в этом отношении они заранее были обречены на провал; с другой стороны, закон-рамка, несомненно, способствовал пробуждению политического сознания и оживлению политической жизни у народов заморских территорий, ускорив тем самым, вопреки желанию его авторов, процесс национального освобождения африканских народов.

В мае 1958 г. в результате военно-колониалистского путча в Алжире пала Четвертая республика. К власти пришел генерал Ш. де Голль, ставший первым президентом

основанной им Пятой республики. Взгляды де Голля на колониальную политику Франции претерпели со времени второй мировой войны существенную эволюцию. Для де Голля 40-х годов сохранение колониальной империи являлось важнейшим средством сохранения за Францией ранга великой державы. Однако уже и в тот период он не мог не видеть мощи освободительного движения и не сделать соответствующих выводов. Именно де Голль стоял у истоков первой глубокой реформы империи, превращенной во Французский союз. Опыт 50-х годов окончательно убедил де Голля в неизбежности полного краха колониализма. Но де Голль — человек своего класса. Примириться с неизбежностью конца колониализма ни в коей мере не означало для него добровольно отказаться от колониального «наследства». Являясь выразителем передовых по тому времени тенденций французской буржуазной политической мысли, де Голль видел только один путь сохранения влияния и позиций Франции в ее владениях — отказ от прежних военно-административных методов их эксплуатации и переход к более современной, утонченной неоколониалистской стратегии. А это предполагало прежде всего признание независимости или права на самоопределение этих владений. «Взяв на себя руководство Францией,— пишет де Голль в мемуарах,— я был твердо убежден в необходимости освободить ее от обязанностей, отныне неэквивалентных (получаемым преимуществам.— П. Ч.), которые ей навязывала ее империя»⁷³. Имея перед собой печальный опыт Индокитая, Марокко, Туниса и Алжира, де Голль решил избежать его повторения во французских африканских владениях, где ситуация достигла крайней степени напряженности; он пришел к необходимости «добровольно» предоставить Черной Африке независимость, не дожидаясь насильственного изгнания Франции из этого района.

В своих мемуарах, опубликованных за месяц до смерти, де Голль отмечает, что пойти на этот шаг было нелегко «для человека моего возраста и формации», воспитанного на «подвигах» Бижо, де Бразза, Галлиени, Лиотэ и других «героев» французской колониальной истории. «Каким же моральным испытанием,— пишет де Голль,— было для меня отказать от нашей власти, свернуть наши знамена, закрыть большую книгу нашей истории»⁷⁴. Тем не менее основным жизненным правилом генерала всегда было «видеть мир таким, как он есть», а реальность диктовала необходимость превентивной деколонизации; в противном

случае Франция рисковала полностью и окончательно утратить свои позиции в бывших владениях. Де Голль был убежден, что действует во имя подлинных интересов Франции.

Забегая вперед, можно отметить, что один из важных мотивов деколонизации, проводившейся правительством де Голля, был, несомненно, связан с его последующей политикой противодействия «гегемонии сверхдержав». У де Голля были далеко идущие намерения в отношении развивающихся стран, лидером и «защитником» которых от «посягательств сверхдержав» он пытался сделать Францию. Ближайший сотрудник де Голля — министр иностранных дел М. Кув де Мюрвиль отмечает в своих воспоминаниях: «Мир, в котором колониальная эпоха ушла в прошлое и где только подлинная независимость всех наций могла составить противовес мощи сверхдержав,— ее (Франции.— П. Ч.) ясное призвание»⁷⁵. Провозгласив принцип независимости в качестве основы внешней политики Пятой республики, де Голль не мог не признать и за другими права на такую же независимость. Все эти соображения, на наш взгляд, лежали в основе курса на деколонизацию, который генерал де Голль проводил после 1958 г. в Черной Африке.

Вторично после 1945—1946 гг. де Голль стал инициатором новой глубокой реформы «заморской Франции». На этот раз речь шла о замене изжившего себя Французского союза Французским сообществом.

Концепция Французского сообщества подробно была сформулирована в конституции Пятой республики, одобренной на референдуме 28 сентября 1958 г.⁷⁶ Согласно новой конституции заморские и присоединившиеся территории Французского союза объявлялись соответственно заморскими и присоединившимися территориями Французского сообщества. При этом конституция предоставляла территориям, одобрившим конституцию, право «либо сохранить свой прежний статус, либо стать заморским департаментом, либо — государством — членом сообщества». Члены сообщества «пользуются автономией; они самоуправляются и демократически и свободно ведут свои собственные дела», — говорилось в ст. 77 новой конституции⁷⁷.

Предоставление заморским территориям права на государственность явилось, конечно, вынужденной, но объективно прогрессивной мерой. И все же государства — члены сообщества лишались основных суверенных прав, а их автономия в рамках сообщества была существенно урезана.

Используя юридическую формулу о «компетенции сообщества», метрополия сохранила за собой исключительные прерогативы в области обороны, внешней политики, а также экономики и финансов. «В компетенцию сообщества, — гласила ст. 78 конституции, — входят внешняя политика, оборона, денежная система, совместная экономическая и финансовая политика, а также политика по использованию стратегического сырья. В компетенцию сообщества входит также, при отсутствии особых соглашений, контроль над органами правосудия, высшим образованием, общей организацией внешних и совместных перевозок и связи»⁷⁸.

Франция обеспечила за собой все руководящие посты в структуре сообщества. Президент Французской республики одновременно являлся президентом сообщества, а основные министры — иностранных дел, обороны, внутренних дел, экономики и финансов руководили соответствующими направлениями деятельности сообщества. Верховная законодательная власть формально принадлежала сенату сообщества, где Франция была представлена 186 сенаторами, а африканские государства — лишь 98 сенаторами. Но даже при таком очевидном преобладании метрополии прерогативы сената были скорее номинальными, чем реальными. Вся фактическая власть находилась в руках президента сообщества, т. е. главы французского государства.

Новая конституция и создание сообщества должны были получить одобрение не только метрополии, но и государств — членов сообщества. С целью добиться удовлетворительного результата на референдуме генерал де Голль в конце августа 1958 г. отправился в поездку по странам Африки, в ходе которой была развернута широкая пропагандистская кампания в пользу новой конституции. Эта кампания сочеталась с активными мерами давления на избирателей африканских владений Франции.

В результате 28 сентября 1958 г. 9,9 млн. африканских избирателей ответили утвердительно на проект конституции и Французского сообщества. «Нет» сказали 630 тыс. человек. Таким образом, идея де Голля была одобрена подавляющим большинством стран французской Западной и Экваториальной Африки. Исключение составила Гвинея, где 97% избирателей отвергли участие своей страны во Французском сообществе и выбрали путь независимого развития. Еще в августе 1958 г., во время посещения де Голлем Гвинеи, лидер национально-освободительного движения в этой стране Секу Туре публично заявил, что гви-

нейский народ предпочитает «бедность в свободе богатству в рабстве»⁷⁹.

В течение октября—декабря 1958 г. территориальные собрания 12 бывших французских владений в Африке объявили о превращении этих владений в государства — члены Французского сообщества: Исламская Республика Мавритания, Республика Сенегал, Республика Берег Слоновой Кости, Республика Дагомея, Республика Судан (Мали), Республика Верхняя Вольта, Республика Нигер, Габонская Республика, Республика Чад, Центральноафриканская Республика (бывш. Убанги-Шари), Республика Конго и Малагасийская республика. Каждая из республик приняла свою конституцию, исходящую из основных положений конституции Французской республики и Французского сообщества.

Достижение государственности и самостоятельности в рамках Французского сообщества было лишь первым шагом на пути к полной национальной независимости 12 африканских стран, а также Камеруна и Того. Пример независимой Гвинеи поощрял эти страны требовать предоставления им подлинной независимости. В странах — членах сообщества развернулось мощное массовое движение за достижение неограниченного государственного суверенитета. В декабре 1958 г. в Бамако состоялось совещание правительств Судана, Сенегала, Верхней Вольты и Дагомеи, на котором было принято решение о создании Федерации Мали и поставлен вопрос о предоставлении ей независимости. Французским властям удалось склонить лишь Дагомею и Верхнюю Вольту отказаться от участия в федерации, но предотвратить ее создание они не сумели. Федерация в составе Судана и Сенегала была создана, и правительство Пятой республики вынуждено было в июне 1960 г. признать независимость Федерации Мали*. Тогда же Франция признала независимость Малагасийской республики (Мадагаскара).

Эти два акта предопределили быстрый развал всего Французского сообщества. Опасаясь полной утраты своих позиций в странах Тропической Африки, Французское правительство пошло на дальнейшие уступки требованиям национально-освободительного движения. В мае 1960 г. в конституцию сообщества была внесена поправка (ст. 86),

* В августе 1960 г. Федерация Мали распалась на два государства — Республику Сенегал и Республику Мали.

предусматривавшая возможность пребывания в сообществе стран, получивших политическую независимость. Уже в августе того же года Франция признала независимость Чада, Центральноафриканской республики, Конго (Браззавиль), Габона, Дагомеи, Нигера, Верхней Вольты, Берега Слоновой Кости; в ноябре 1960 г. независимость получила Мавритания.

Таким образом, французская колониальная империя в Тропической Африке фактически прекратила свое существование. Франция сохранила за собой лишь Французский Берег Сомали, Коморские о-ва и о-в Реюньон.

Обновленное Французское сообщество после 1960 г. стало функционировать по типу Британского содружества. Сами собой отмерли органы сообщества, оказавшиеся ненужными, — исполнительный совет, сенат, арбитражный суд и т. д. Однако Франции удалось сохранить в странах сообщества довольно прочные позиции в области политики, экономики и культуры. Это было достигнуто путем заключения двусторонних договоров о «дружбе и сотрудничестве» с каждым из членов сообщества. Те страны, которые избежали юридического оформления своего членства в сообществе (Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Нигер и Дагомея), тем не менее также оказались в достаточно сильной зависимости от Франции. Эта зависимость более всего проявлялась в экономической сфере. Большинство вчерашних французских владений в Тропической Африке вошли в возглавляемую Францией валютно-финансовую систему «зоны франка»: французский франк имел свободное хождение в африканских государствах сообщества наряду с их национальными валютами. Руководящие органы «зоны франка», находящиеся в Париже, получили контроль над финансами, кредитом и торговлей государств-членов сообщества. Другим средством сохранения французских позиций в Черной Африке стала государственная экономическая и техническая «помощь» Франции молодым государствам этого района.

Франции удалось даже в ряде случаев удержать военно-стратегические позиции на Африканском континенте путем заключения с отдельными странами неравноправных договоров о «взаимном обеспечении обороны», предлагавших как сохранение в этих странах французских военных контингентов, так и возможность французского военного вмешательства «по просьбе» соответствующего правительства. Эта лазейка неоднократно использовалась

французским правительством в 60—70-х годах в тех случаях, когда возникала угроза позициям Франции в той или иной африканской франкоязычной стране.

В целом, французское правительство и при де Голле, и позднее всегда рассматривало Тропическую Африку как зону исключительно «французского влияния» и внимательно следило за развитием событий в этом районе, стремясь не допустить здесь «опасных» социально-политических сдвигов. Определяющим в африканской политике Франции с начала 60-х годов становится курс на поддержку консервативных режимов и противодействие дальнейшему развитию национально-освободительного движения в Тропической Африке.

Последним актом крушения французской колониальной империи стало достижение политической независимости Алжиром в 1962 г.⁸⁰ 130 лет продолжалось господство Франции над Алжиром. За это время французский капитализм пустил глубокие корни на алжирской земле. Все лучшие земли в наиболее плодородных районах были отобраны у коренного арабо-берберского населения и переданы устремившимся в Алжир многочисленным искателям легкой наживы, спекулянтам, разорившимся фермерам, авантюристам всех мастей. Их называли «*pieds-noirs*» («черноногими») за то, что, в отличие от местных жителей, первые французские поселенцы носили кожаную обувь. Европейская колонизация развивалась быстрыми темпами: в 1954 г. в Алжире проживали уже 1 млн. 42 тыс. европейцев (из них собственно французов — 983 100 человек). Это было самое крупное французское поселение за пределами метрополии. Французы, составлявшие десятую часть населения Алжира, держали в своих руках все ключевые позиции в экономике и общественно-политической жизни страны. Процесс «освоения» Алжира зашел так далеко, что страна была объявлена по конституции 1946 г. частью Французской республики.

Обладание Алжиром имело для капиталистической Франции первостепенное политическое, экономическое и военно-стратегическое значение, несравнимое со значением любой другой ее колонии. Алжир был крупнейшим французским колониальным рынком. На его долю в середине 50-х годов приходилось более половины французского экспорта в «зону франка» и треть импорта оттуда. Особую ценность для французских монополий и всей эко-

гомики Франции представляли обнаруженные в 50-х годах в Сахаре нефть и газ. Сахарская нефть и газ считались в экономических кругах Парижа действенным средством ликвидации хронического дефицита платежного баланса Франции. В Париже уже лелеяли мечты о превращении Франции в великую нефтяную державу.

Не менее важным для правящих кругов Франции Алжир считался и в военно-стратегическом отношении. Его географическое положение и наличие на его территории многочисленных военных и военно-морских баз Франции, в частности крупнейшей базы Мерс-эль-Кэбир, превращало Алжир в важнейший бастион французского колониализма в Африке и ключевой плацдарм в Средиземноморье.

Почти полтора века французской колонизации Алжира не могли не отразиться на сознании, психологии и настроениях французов, как алжирских, так и проживающих в метрополии. Многие десятилетия нескольким поколениям французов с детских лет внушалось, что Алжир столь же неотъемлемая часть Франции, как Бретань или Корсика, Нормандия или Прованс. Все это в сочетании с миллионным французским населением Алжира, пустившим там глубокие корни и кровно заинтересованным в сохранении существующего положения вещей, обеспечивавшего ему полный контроль над страной и ее богатствами, крайне осложняло алжирскую проблему. Алжирские «ультра», покровительствуемые крупными земельными магнатами и другими «сеньорами», постоянно оказывали сильное влияние на правительство, которое, в свою очередь, ориентировалось на них в своей алжирской политике.

Война в Алжире, вспыхнувшая в ноябре 1954 г., привела к оживлению реакционных, правоэкстремистских сил, которые попытались перейти в открытое наступление против демократии и республики во Франции. За период алжирской войны (1954—1962 гг.) Франция пережила более десяти открытых схваток с реакцией. В ходе одной из них, в мае 1958 г., погибла Четвертая республика. Для французских ультраколониалистов удержание Алжира — последней крупной колонии Франции — стало своего рода «делом чести». Все это, вместе взятое, и определило ту глубину и остроту алжирской проблемы, которая на протяжении семи с лишним лет была не только важной международной, но и центральной внутривнутриполитической проблемой Франции.

Вторая мировая война положила начало новому этапу в развитии национально-освободительного движения в Алжире. В первые послевоенные годы там, как и во Франции, происходил демократический подъем, расширяли свое влияние буржуазно-националистические организации. В 1946 г. создается Движение за триумф демократических свобод (МТЛД) во главе с Мессали Хаджем. Ферхат Аббас создает Демократический союз алжирского манифеста (ЮДМА). В мае 1951 г. МТЛД, ЮДМА и Ассоциация улемов объединяются в **Общий фронт за защиту и уважение свободы**, выступивший с требованием предоставления Алжиру автономии. Однако разнородность этого объединения, различие целей его участников предопределили вскоре его распад.

Наиболее решительные сторонники национальной независимости Алжира из руководства мессалистского МТЛД в марте 1954 г. порвали с этой партией и в конце апреля создали самостоятельный **Революционный комитет за единство и действие (РКЕД)**, начавший подготовку вооруженного восстания против колониального гнета.

Деятельность РКЕД опиралась на массовое антиколониальное движение, не затихавшее в Алжире со времени стихийного восстания в Сетифе (департамент Константина) в мае 1945 г., когда от рук карателей погибло свыше 40 тыс. алжирцев. Во главе РКЕД встали Дидуш, Бен Булайд, Бен Мхиди, Битат, Бен Белла, Аит Ахмед, Кидер, Будиаф, Белькасем Крим. 25 июля 1954 г. в г. Алжире состоялось секретное заседание руководства РКЕД, на котором было принято решение готовить вооруженное восстание. Для руководства восстанием была избрана «директория» в составе шести человек, которая должна была разработать план выступления и определить его дату. Территория Алжира была разбита на шесть зон («вилай»), внутри которых формировались повстанческие отряды для ведения партизанской войны.

10 октября 1954 г. в кафе «Эль Камаль» в Баб-эль-Уэде состоялось совещание «шестерки», на котором была определена дата восстания — 0 часов 1 ноября 1954 г. Об этом решении была информирована часть руководства РКЕД, вынужденная скрываться в Египте — Бен Белла, Кидер, Аит Ахмед. Они, в свою очередь, поставили в известность об этом президента Египта Г. А. Насера и руководителей ряда других арабских государств.

Накануне восстания было принято решение учредить политический орган алжирской революции — Фронт национального освобождения (ФНО), который был призван объединить все национально-патриотические силы Алжира.

Надо сказать, что часть буржуазных националистов до определенного времени пыталась мирным путем добиться от Франции автономии Алжира, не ставя даже вопроса о его полной независимости. 30 августа 1954 г. лидер ЮДМА Ферхат Аббас встретился с главой французского правительства П. Мендес-Франсом и министром внутренних дел Ф. Миттераном и предупредил их о возможности взрыва в Алжире, если французские власти будут продолжать отказывать ему в предоставлении определенной автономии. Однако руководители Четвертой республики ничем не обладали Аббаса и стоявшие за ним умеренные буржуазно-националистические круги, склонные к компромиссу. 8 октября того же года Аббас вновь предупреждал Париж, что «Алжир встревожен и разрыв очень быстро может стать окончательным»⁸¹. Но и это предупреждение не произвело впечатления на правящие круги Четвертой республики.

23 октября министр внутренних дел Ф. Миттеран получил секретное донесение из алжирской столицы, в котором говорилось: «Мы, несомненно, находимся накануне восстания в Алжире... Бен Белла дал команду приступить к действиям...»⁸². На этот раз правительство всерьез обеспокоилось: 1 ноября в Алжир в дополнение к размещенному там 50-тысячному французскому корпусу направляются три батальона парашютистов, 600 республиканских гвардейцев и 300 солдат мобильной жандармерии.

В ночь с 31 октября на 1 ноября 1954 г. в горном массиве Орес в восточной части департамента Константина и в ряде других районов Алжира отряды РКЕД атаковали гарнизоны, комендатуры и посты французской армии. 1 ноября по всей территории страны распространилась прокламация «Новая хартия алжирского народа», в которой излагались цели революции — национальная независимость, создание демократического алжирского государства, уважение всех основных свобод без различия рас и вероисповеданий. Прокламация завершалась призывом: «Алжирец! Мы приглашаем тебя поразмыслить над нашей хартией. Твой долг — присоединиться к ней для спасения нашей страны и завоевания ее свободы»⁸³.

1 ноября 1954 г. явилось началом алжирской революции. «Являясь логическим продолжением борьбы, которая велась со времен далекого прошлого...— говорил секретарь ЦК Алжирской Коммунистической партии Башир Хафи Али,— современная алжирская революция качественно отличается от предшествовавшей борьбы тем, что стоит выше в политическом и военном отношениях. Это не бунт и не восстание одной провинции, одной области или части населения. Алжирская революция — дело всего народа и разворачивается на всей территории Алжира»⁸⁴.

Буржуазная пропаганда с самого начала попыталась представить алжирскую революцию как мятеж кучки религиозных фанатиков, оторванных от массы алжирского народа. При этом она не жалела черной краски, живописуя «зверства» повстанцев. Мотивы этой тактики были очевидны уже тогда — исказить подлинный национальный и социально-классовый характер революции в Алжире. Особый акцент буржуазная пропаганда делала на «трагедии» европейского населения Алжира, которому, по ее утверждениям, грозило уничтожение. Руководство ФНО решительно отвергло подобные домыслы. В программном документе ФНО («Платформа») подчеркивалось: «Алжирская революция не имеет целью „сбросить в море“ алжирцев европейского происхождения; она стремится разрушить бесчеловечное колониальное ярмо. Алжирская революция не является ни гражданской войной, ни войной религиозной. Алжирская революция призвана завоевать национальную независимость для того, чтобы учредить демократическую и социальную республику, гарантирующую действительное равенство между всеми гражданами одной и той же родины без всякой дискриминации»⁸⁵. «Алжирский народ,— отмечалось, в свою очередь, в печатном органе ФНО,— хочет освободиться от колониализма, но это освобождение может быть достигнуто только революционной перспективой, означающей ликвидацию пережитков феодализма и разрушение всех экономических колониальных структур»⁸⁶.

Борьба алжирского народа за свое освобождение являлась составной частью национально-освободительного движения; именно поэтому она опиралась на широкую интернациональную поддержку всех молодых освободившихся государств, и прежде всего государств Северной Африки. В этом, несомненно, заключалась одна из причин успешной победы алжирской революции. «1954 год,— отмечал Пер-

вый секретарь Алжирской коммунистической партии Ларби Бухали,— был отмечен важными событиями: укреплением национальной независимости Египта в результате изгнания английских империалистов, Женевской конференцией, закрепившей победу Демократической Республики Вьетнам, признанием национальных чаяний тунисского народа и расширением освободительной борьбы марокканского народа. Эти события, в свою очередь, побуждали алжирский народ пойти по тому же пути, что он и сделал 1 ноября 1954 г.»⁸⁷

С принципиально иных позиций оценивало алжирскую революцию французское правительство. Для него события в Алжире представлялись исключительно внутрифранцузским конфликтом на том основании, что формально Алжир представлял собой три департамента, входящие в состав Французской республики. Именно под этим углом зрения все сменявшие друг друга с калейдоскопической быстротой правительства Четвертой республики предпочитали рассматривать алжирскую проблему. Именно поэтому с самого начала была избрана тактика вооруженного подавления восстания.

1 ноября 1954 г. министерство внутренних дел Франции опубликовало коммюнике следующего содержания: «В течение последней ночи в Алжире имели место несколько террористических акций. Они совершены отдельными лицами и мелкими изолированными группами. Генерал-губернатор Алжира и министр внутренних дел с помощью имеющихся в их распоряжении сил полиции приняли немедленные меры»⁸⁸. Спустя неделю министр внутренних дел, выступая по радио, недвусмысленно заявил: «Алжир — это Франция, которая не признает у себя никакой иной власти кроме собственной»⁸⁹.

В тех же тонах было выдержано и выступление 12 ноября в Национальном собрании главы французского правительства П. Мендес-Франса. «Департаменты Алжира,— говорил он,— составляют часть республики; они являются французскими с давних пор. Их население, которое пользуется французским гражданством и представлено в парламенте, дало доказательство своей привязанности к Франции... Никогда во Франции ни один парламент и ни одно правительство не отступят от этого основополагающего принципа...»⁹⁰

На начальном этапе алжирской войны французское командование избрало тактику неотступного преследования

отрядов только что созданной Армии национального освобождения Алжира (АНО) с целью их выявления и уничтожения. Однако эта тактика не увенчалась успехом. Хорошее знание местности, тесный контакт с населением и всевозможная помощь с его стороны позволили АНО не только выстоять, но и взять инициативу в свои руки. Всенародный характер алжирской революции проявился и в том, что численность АНО с ноября 1954 г. по август 1955 г. возросла с 3 до 20 тыс. человек. Численность французских войск на всем протяжении войны всегда значительно превышала силы АНО. Уже в первые дни восстания 3 тыс. алжирских патриотов противостояла 50-тысячная французская армия. К маю 1955 г. ее численность возросла до 100 тыс. человек, а летом того же года превысила 150 тыс. человек. Вооружение французской армии и ее оснащение также находились на несравненно более высоком уровне. Необходимо добавить к этому богатый (хотя и печальный) опыт многолетних боевых действий в Индокитае. Тем не менее широкое использование артиллерии, танков, авиации и военно-морского флота не принесло успеха. В Алжире, как до этого в Индокитае, французское военное командование столкнулось с принципиально новым типом войны — партизанской, всенародной войны. Широкая поддержка населения позволила Армии национального освобождения уже к апрелю 1956 г. взять под свой контроль треть всей территории Алжира. Французские войска никогда не чувствовали себя хозяевами положения в сельской местности. До определенного времени им удавалось контролировать лишь города и прилегающие к ним районы.

Уже в 1956 г. французское военное командование было вынуждено признать провал тактики «прочесывания» и перейти к тактике «шахматного расположения» на территории Алжира стратегических постов. Эта тактика призвана была, по мысли ее авторов, сковать активность АНО. Однако на практике она привела к рассеиванию огромной французской армии по обширной территории и ограничению ее мобильности. Отряды АНО без особого труда проходили сквозь слабые французские заслоны, базирясь в лесных горных районах.

12 ноября 1954 г., в день, когда были осуществлены первые воздушные бомбардировки в районе Ореса, в Бурбонском дворце начались парламентские дебаты по алжирскому вопросу. Представители правительства твердо и недвусмысленно заявили о решимости подавить воору-

жепное восстание в Алжире. Одновременно было подчеркнуто, что речь идет исключительно о «внутреннем конфликте», что означало недопущение какого-либо международного вмешательства или посредничества в алжирском вопросе. «Не может быть колебаний, — заявил П. Мендес-Франс, — когда речь идет о защите внутреннего мира нации, единства и целостности республики. Алжирские департаменты являются частью Французской республики. Они уже давно самым бесспорным образом французские... Отторжение их от метрополии немислимо. Это должно быть ясно раз и навсегда как в метрополии, так и за границей... Некоторые депутаты сравнивают французскую политику в Алжире и Тунисе. Я утверждаю, что нет ничего более ошибочного и более угрожающего, чем это сравнение»⁹¹. Ему вторил министр внутренних дел: «Единственные возможные переговоры — это война... Алжир — это Франция»⁹².

В те первые дни войны, в период повиннистического угара, охватившего большинство политических партий и деятелей, лишь Французская коммунистическая партия открыто выступила с осуждением колониалистской политики правительства и потребовала «положить конец колониальному режиму в Алжире»; 8 ноября 1954 г. было опубликовано заявление Политбюро ФКП, в котором давалась оценка событиям в Алжире. «Отрицая существование в Алжире политических проблем национального характера, — говорилось в заявлении, — упорно отстаивая под прикрытием термина „три французских департамента“ сохранение колониального режима, правительство поворачивается спиной к алжирской реальности, и прежде всего к всенародному желанию жить свободно и демократически управлять своими собственными делами»⁹³. ФКП осудила репрессивные меры, принятые правительством в Алжире, и призвала трудящихся Франции проявить действенную солидарность с народом Алжира. Депутат-коммунист Р. Балланже 12 ноября предложил начать немедленные переговоры с подлинными представителями алжирского народа с целью мирного и справедливого решения алжирской проблемы⁹⁴. Однако предложения ФКП были отвергнуты, а правительство получило от парламента свободу рук для «восстановления порядка» в Алжире.

В ноябре 1954 г. французскими властями были закрыты все печатные органы Компартии Алжира, было распу-

щено Движение за триумф демократических свобод, руководители которого 22 декабря были арестованы. В январе 1955 г. было осуществлено подержанное танками и авиацией прочесывание горного массива Орес, в котором приняло участие 5 тыс. солдат и офицеров.

Война в Алжире вступила в свою активную стадию, затянувшуюся на семь долгих лет.

«Наша страна расколота надвое. Алжирские события пробили трагическую брешь в нашем национальном сообществе»⁹⁵ — эти слова, принадлежащие парижскому кардиналу Фельтэну, очень удачно определяют то значение, которое война в Алжире имела для всей политической жизни Франции второй половины 50-х годов. Не было ни одной сферы социально-экономической жизни страны, которая не испытала бы губительного воздействия и последствий алжирской войны. Усиление политической нестабильности и общая деградация буржуазно-парламентского режима Четвертой республики, резкая активизация правых и ультраправых сил, крайнее обострение экономического положения и международно-политическая изоляция Франции — таковы лишь некоторые и самые общие итоги алжирской войны.

Глубокие разногласия между политическими партиями по алжирской проблеме, обострившиеся по мере того, как желанное «умиротворение» становилось все более проблематичным, а экономическое и международное положение Франции — все более сложным, во многом стимулировали ставшую хронической правительственную нестабильность. С ноября 1954 г. по июнь 1958 г., т. е. менее чем за четыре года, в отеле Матиньон — резиденции главы французского правительства — сменилось шесть председателей совета министров.

Война в Алжире день ото дня становилась все более непопулярной во Франции. 11 сентября 1955 г. 400 солдат контингента (так во Франции называют армейские подразделения, укомплектованные призывниками, в отличие от кадровых профессиональных частей, например, парашютистов), направляемых в Алжир, отказались туда ехать. Это было начало принявшей впоследствии широкие масштабы практики «отказа» от участия в войне. 29 сентября того же года около 200 солдат, собравшись у церкви Сен-Северэн, распространили листовку, в которой подчеркивалось: «Наша совесть говорит нам, что эта война, которую мы ведем против наших братьев-мусульман,

противоречит принципам французской конституции, праву народов на самоопределение, на все ценности цивилизации, которыми наша страна гордится»⁹⁶. Из 60 тыс. призывников 40 тыс. высказались против войны в Алжире и отказались в ней участвовать.

Тем временем французские войска в Алжире никак не могли овладеть положением. Повстанцы, казалось, были всюду. В каждом феллахе французам виделся боец АНО. На вооружение была взята тактика тотального террора, достигшая апогея в 1957 г. В это время по инициативе нового французского главнокомандующего генерала Р. Салана началось так называемое «сражение за г. Алжир». Дело в том, что в алжирской столице активно и эффективно действовали отряды АНО общей численностью 5 тыс. человек, причинявшие французам немалое беспокойство.

Ответственность за «восстановление порядка» в г. Алжире была возложена на бригадного генерала Ж. Массю, командира 10-й парашютно-десантной дивизии, только что вернувшейся из Египта, где она участвовала в Суэцкой операции. В карательных акциях приняли участие пять парашютно-десантных полков, десять эскадронов полиции и жандармерии. Военное командование привлекло к участию в операции 7500 добровольцев из числа «черноногих» ультра*. Операции по «очистке» города проводились фактически против всего арабского населения.

Особую жестокость каратели проявили 27 января 1957 г., когда по призыву ФНО была объявлена 8-дневная забастовка. Генерал Салан приказал «всеми силами сорвать эту акцию». Тем не менее 27 января большинство торговых предприятий, принадлежащих арабам, были закрыты. «Я отдал приказ, — вспоминает бывший главнокомандующий в своих мемуарах, — заставить открыть их, даже если потребуется применить силу». Он лично при-

* В конце 1955 г. для борьбы с «террором» ФНО власти создали военизированные подразделения милицейского типа — «отряды территориальной обороны», в которые набирались мужчины-европейцы до 45-летнего возраста, не мобилизованные по тем или иным причинам во французскую армию. В обязанности этих подразделений входило несение патрульной службы и оказание помощи полиции и органам безопасности. Общая численность «отрядов территориальной обороны» составляла к началу 60-х годов примерно 120 тыс. человек, в том числе в столице Алжира — 20 тыс., из которых 3 тыс. были постоянно вооружены.

существовал при том, как вооруженные парашютисты заставили хозяина бакалейной лавки пачать работу. Одновременно со взрослыми бастовали и дети. Из 35 тыс. школьников-арабов лишь 70 пошли в этот день на занятия. По приказу Салана парашютисты с автоматами в руках врвались в дома и буквально силой отводили детей в школы. Это делалось под предлогом их «защиты от террористов ФНО». «Результат был блестящий,— с гордостью пишет в мемуарах генерал Салан.— Из 35 тыс. учеников 28 февраля школы приняли 30 тыс.»⁹⁷. «Сражение за г. Алжир» продолжалось несколько месяцев. За это время в результате карательных акций погибли тысячи ни в чем не повинных алжирцев из числа коренного населения. Ценой тотального террора и большой крови карателям удалось стабилизировать положение в городе. Именно в это время у алжирских ультра появляются новые кумиры — генерал Жак Массю и полковник Ив Годар, непосредственно руководившие карательными действиями.

Однако, несмотря на ограниченный успех в алжирской столице, положение французской армии было далеко не блестящим. Несмотря на постоянное увеличение численности войск (370 тыс. в январе, 382 тыс. в июле и 425 тыс. человек в октябре 1957 г.) и насыщение ее новыми видами вооружений, как отмечает французский историк И. Курьер, «Салан не имел средств вести наступательную войну, так как армия была слишком тяжелой»⁹⁸. Деятельность отрядов АНО была столь широкой и активной по всей территории Алжира, что почти полумиллионной французской армии едва хватало на осуществление оккупационных функций.

В то время как война приняла хронически затяжной характер, экономическое положение Франции становилось все более угрожающим. Дефицит платежного баланса составил в 1956 г. около 1 млрд. фр. Запасы иностранных девиз уменьшились только за один год на 175 млрд. фр. Война в Алжире ежедневно обходилась Франции в 1 млрд. фр. в 1956 г., а в 1957 г.— уже около 2 млрд. фр. в день. Общие расходы на войну только за три первых года (1955—1957) превысили 1400 млрд. фр. Для сравнения укажем, что индокитайская война, длившаяся восемь лет, обошлась казне в 3 тыс. млрд. фр. Доля государственных финансов в бюджете Алжира возросла с 53% в 1952 г. до 80% в 1956 г., что вызывалось резко возросшими расходами колониальной администрации.

Война заставляла Францию держать под ружьем армию в 1 млн. 200 тыс. человек (6% самодеятельного населения). Именно это объясняло острую нехватку рабочей силы и рост военных расходов. В 1956 г. последние увеличились по сравнению с предыдущим годом на 30%. Закупка военных материалов за границей лишь в 1956 г. увеличила дефицит внешнеторгового баланса Франции на 20%.

Все эти обстоятельства определили высокий накал политической и межпартийной борьбы по алжирской проблеме. Единственной партией, последовательно и недвусмысленно отстаивавшей независимость Алжира, была ФКП. На противоположном политическом полюсе находился крайне правый Союз защиты торговцев и ремесленников (ЮДКА), возглавлявшийся П. Пужадом. Пужадисты требовали «разгрома мятежа» и не допускали даже малейших уступок повстанцам.

В позициях других политических партий по алжирской проблеме уже в середине 1956 г. произошли определенные сдвиги в плане поисков ее мирного решения. Стоявшее в это время у власти правительство Ги Молле предприняло попытку установить контакты с руководством ФНО. Первая неофициальная встреча представителей двух сторон имела место 12 апреля 1956 г. в Каире. В июле и сентябре 1956 г. состоялись новые переговоры в Белграде и Риме. Однако после захвата французской разведкой 22 октября 1956 г. марокканского самолета, на борту которого находился Бен Белла и несколько других руководителей ФНО, они были прерваны. Срыву переговоров способствовала также непримиримая позиция французской стороны в отношении права алжирского народа на независимость.

Правительство Ги Молле попыталось было осуществить ряд либеральных реформ в Алжире, но натолкнулось здесь на решительное сопротивление «черноногих» экстремистов, объединенных в многочисленные шовинистические, нередко военизированные, организации. Характеризуя психологию среднего «черноногого», французский исследователь Р. де Монвалон отмечал: «У него доминирует привязанность к прошлому, постоянная необходимость утвердить свое превосходство, опасная неспособность понять „другого“». Все это не что иное, как бегство от реальности. Для среднего колонниста негр или араб — это козел отпущения, на котором он вымещает свои собственные невзгоды»⁹⁹. Демократические настроения значительной части французов метрополии были несвойственны

«черноногим», среди которых было немало вчерашних коллаборационистов, вишистов, лиц, открыто симпатизировавших профашистским идеям. Не случайно, что именно «черноногие» организовали серию антиправительственных вооруженных выступлений. Именно они в значительной мере несут ответственность за падение Четвертой республики в майские дни 1958 г.

1958 г. начался для Четвертой республики серией военных и дипломатических неудач, сопровождавшихся резким обострением внутривосточной обстановки. Еще в середине 1957 г. французское военное командование разработало очередной план разгрома Армии национального освобождения Алжира. На этот раз новый главнокомандующий генерал Салан задумал отрезать АНО от баз снабжения, расположенных в Тунисе и Марокко. Для этой цели вдоль алжиро-марокканской и алжиро-тунисской границ были поставлены многочисленные заграждения из нескольких рядов проволочных заграждений шириной от 6 до 30 м, по которым был пропущен электрический ток. Через каждые 3—4 км находился крупный военный пост, было установлено круглосуточное патрулирование 600-километровой линии с использованием танков и авиации. Все это тяжеловесное и дорогостоящее сооружение было претенциозно, с явным намеком на «линию Мажино», названо «линией Мориса» (по имени тогдашнего министра национальной обороны). «Линия Мориса» начала функционировать 12 сентября 1957 г. Однако ее неэффективность обнаружилась гораздо ранее, чем это случилось с ее известной предшественницей в 1940 г. Армия национального освобождения могла успешно прорывать французские заграждения и практически беспрепятственно получать боеприпасы и другое необходимое снаряжение. В то же самое время «линия Мориса» превратилась в очаг постоянных вооруженных конфликтов между Францией, с одной стороны, и Тунисом и Марокко — с другой. С 12 сентября 1957 г. по 8 февраля 1958 г. только на алжиро-тунисской границе имело место 30 вооруженных инцидентов.

11 января 1958 г. во время одного из таких столкновений в районе деревни Сакиет-Сиди-Юсеф французский патруль потерял 14 человек убитыми, четверо были взяты в плен. Французская разведка доносила, что в этом районе якобы сосредоточены значительные запасы вооружения АНО. 29 января совет министров под председательством Ф. Гайяра принял предложение военного командова-

ния в Алжире о проведении военной карательной операции на территории суверенного государства Тунис.

8 февраля 1958 г. по приказу командующего ВВС в Алжире генерала Э. Жуо группа бомбардировщиков B-26, истребителей-бомбардировщиков «Корсар» и истребителей «Мистраль» совершила воздушный балет на тунисскую деревню Сакьет-Сиди-Юсеф. В результате этой акции погибло 70 тунисских крестьян и 80 человек получили ранения. Среди жертв этой преступной бомбардировки было 20 детей.

Преступление французской военщины вызвало бурную реакцию во всем мире. По требованию правительства Туниса был созван Совет Безопасности ООН, заседание которого должно было открыться 18 февраля. При содействии США и Англии правительству Ф. Гайяра удалось добиться перенесения обсуждения. Американская и английская дипломатии предложили Франции и Тунису свои «добрые услуги» для урегулирования конфликта и уже 17 февраля получили их согласие. Миссия «добрых услуг» была доверена американскому дипломату Р. Мэрфи, ведавшему в госдепартаменте североафриканскими делами, и представителю «Форин оффис» Г. Били. Посредническая деятельность Мэрфи и Били продолжалась почти два месяца. За это время они многократно вели переговоры в столицах двух государств. Президент Туниса Х. Бургиба предложил Ф. Гайяру связать франко-тунисский конфликт с алжирской проблемой. «Сакьет является результатом войны в Алжире», — говорил он¹⁰⁰. Однако французское правительство категорически отказалось от того, чтобы в решении алжирской проблемы принимали участие «посторонние», т. е. США и Англия. Когда же Ф. Гайяр под давлением США начал высказывать идеи создания в Северной Африке, на манер Багдадского пакта, так называемого Средиземноморского пакта с участием США и Англии, он был подвергнут резкой критике со стороны правонационалистических кругов. Лидер социальных республиканцев бывший генерал-губернатор Алжира Ж. Сустель кричал с трибуны Национального собрания: «Готовится полная ликвидация наших позиций в Северной Африке... Я принял решение не отступать больше ни на шаг. Франция исчерпала лимит уступок. Отныне она должна сказать «нет» унижениям и капитуляциям»¹⁰¹. С осуждением «капитулянтской» линии Гайяра, согласившегося на американско-английское посредничество, высту-

пили другие правые лидеры — Р. Дюше, А. Пипо, Ж. Бидо, А. Морис.

15 апреля 1958 г. созванное по требованию правых Национальное собрание 321 голосом против 255 заставило правительство Ф. Гайяра уйти в отставку. Падение правительства с ликованием было встречено в европейских кругах Алжира и было оценено «черноногими» как «отказ от продолжения политики сдачи Алжира».

В это время растет оппозиция войне среди общественности Франции, возмущенной жестокой акцией в Сакрет-Сиди-Юсеф: 18 апреля 1958 г. 174 деятеля науки и высшего образования направил письмо президенту республики Р. Коти с требованием публично осудить это злодеяние; 27 апреля за немедленный мир в Алжире высказались 17 студенческих федераций Франции; 3 мая с осуждением действий военщины выступили 123 представителя лионской общественности. Церковь, обеспокоенная будущим католицизма в Алжире и во всей Северной Африке, также выразила свое недовольство жестким курсом правительства. С резкой критикой алжирской политики весной 1958 г. выступили такие центральные печатные органы Франции, как «Юманите», «Монд», «Экспресс», «Франс обсерватёр» и др. Власти привлекли даже к ответственности директора журнала «Экспресс» за «попытку деморализации армии», выражавшуюся в осуждении ее действий в Алжире и Тунисе.

С призывом к правительству Франции прекратить войну и предоставить Алжиру независимость обратилась конференция независимых стран Африки, собравшаяся 20 апреля в Акре и конференция по объединению Арабского Магриба, созванная в конце апреля 1958 г. в Танжере.

А в это время Четвертая республика доживала свои последние дни. Правительственный кризис, разразившийся с уходом кабинета Гайяра, на глазах перерастал в глубокий и необратимый кризис всей изжившей себя буржуазно-парламентской системы Четвертой республики.

Военно-колониалистский путч, вспыхнувший 13 мая 1958 г. в Алжире, в течение двух недель покончил с дышавшей на ладан Четвертой республикой¹⁰².

Гибель Четвертой республики объяснялась множеством причин и факторов. Важнейшим из них, ускорившим преждевременную кончину Четвертой республики, несомненно, явились затяжные и неудачные колониальные войны в Индокитае и Алжире. Эти войны крайне пагубно

отражались на экономике, внутривполитическом и международном положении Франции, всем моральном духе французского буржуазного общества. В целом же крушение Четвертой республики было показателем слабости французской буржуазии и отражало глубокие внутренние изменения в характере французского империализма. Старый государственный механизм оказался недееспособным перед новыми проблемами, вставшими перед Францией в 50-е годы.

1 июня 1958 г. после 12-летнего перерыва правительство вновь сформировал «пожилой господин из Коломбэ» — генерал Шарль де Голль, кандидатура которого была одобрена, хотя и не без колебаний, организаторами государственного переворота 13 мая.

Начинается новая глава в истории Франции, получившей пятую по счету буржуазно-демократическую конституцию, давшую соответствующее название и новой республике. Новый этап начинается и в развитии алжирской проблемы, которой суждено было найти свое единственно возможное решение спустя четыре года.

Выше уже говорилось о том, каких взглядов придерживался генерал де Голль в области колониальной политики Франции после своего возвращения к власти. Общий подход де Голля к вопросам взаимоотношений с французскими владениями распространялся им в целом и на алжирскую проблему. «Не было иного выхода, — пишет он в мемуарах, — кроме предоставления Алжиру права на самоопределение»¹⁰³. Тем не менее слово «самоопределение» он впервые произнес только в сентябре 1959 г. Причина этого, как мы уже говорили, кроется в том особом для Франции значении, которое имела алжирская проблема. «В нашей национальной жизни, — отмечает де Голль, — Алжир значил для нас несравнимо больше, чем все другие наши владения»¹⁰⁴. В своей алжирской политике основатель Пятой республики вынужден был, особенно первое время, учитывать три важных фактора: воинственную позицию армии, шовинистические настроения миллиона алжирских французов и наличие мощного «алжирского лобби» в основных буржуазных партиях, в том числе и в новой голлистской партии — Союзе за новую республику (ЮНР), объединившей осенью 1958 г. все голлистские организации. Армия, «черноногие» и их союзники в метрополии, совершившие государственный переворот 13 мая, не желали и слышать о каких-либо измене-

ниях статуса Алжира. Сделав ставку на де Голля, мятежники надеялись с его помощью не только нанести удар по демократии в метрополии, но и решить наконец алжирскую проблему. «Армия,— пишет де Голль,— многого ожидала от моего возвращения к власти, особенно в высших кругах генералитета... Она верила, что восстановление национальной власти дало бы ей время и средства победить и обескуражило бы противника»¹⁰⁵. Иными словами, военщина надеялась, что генерал де Голль осуществит реализацию лозунга «французского Алжира». С первых же дней пребывания на посту главы правительства, а затем государства де Голль подвергался усиленному нажиму как со стороны армии и «черноногих», так и со стороны сустелевской фракции внутри ЮНР, в которую вступили многие руководители путча 13 мая. Они всеми силами пытались внушить де Голлю идею интеграции Алжира с Францией, требуя, чтобы он открыто провозгласил ее как основу своей алжирской политики. Генерал скептически относился к идее Сустеля, считая ее абсолютно нереальной. Сделав решительный выбор в пользу самоопределения Алжира, де Голль вовсе не имел в виду перспективу его разрыва с Францией. Он стремился к тому, чтобы 10-миллионное население Алжира «само» высказалось за сохранение формально независимого Алжира в рамках Французского сообщества. Генерал смотрел в будущее и хотел обеспечить за Францией преобладающее военно-политическое, экономическое и культурное влияние в Алжире.

Генерал де Голль внимательно следил за развитием конфликта в Алжире с самого его начала. Еще в 1956 г. один из сотрудников де Голля Г. Палевский установил через австрийского журналиста А. Розенберга конфиденциальные контакты с нелегальным руководителем федерации ФНО в метрополии — адвокатом А. Бумеджелем. После каждой встречи Г. Палевский направлял письменный отчет в секретариат де Голля. А. Бумеджел, в свою очередь, регулярно встречался в Берне с Ф. Аббасом. Шла подготовка к организации непосредственной встречи де Голля с одним из руководителей ФНО, но она была сорвана суэцким кризисом. После некоторой паузы ФНО вновь решил воспользоваться услугами А. Розенберга, 30 лет прожившего в Париже и имевшего там широкие связи в политических кругах, для выяснения позиции де Голля в алжирском вопросе.

Встреча состоялась в одну из апрельских сред 1958 г. в отеле «Лаперуз», в парижской резиденции де Голля. В самом начале встречи де Голль дал понять, что хорошо информирован о связях Розенберга с руководителями алжирских повстанцев. Затем Розенберг в течение 25 минут рассказывал генералу о содержании своих встреч с Аббасом, Бумеджелем и другими руководителями ФНО, считавшими, что только путем переговоров можно достичь компромисса в Алжире. «Ваши наблюдения, господин Розенберг, полностью соответствуют моим сведениям. Благодарю вас», — резюмировал де Голль. Розенберг, думая, что встреча окончена, собирался откланяться, но в это время генерал, как бы для самого себя, задумчиво произнес: «Разумеется, Алжир будет независимым...». Розенберг не поверил своим ушам. «Но, — продолжал де Голль, обращаясь уже к гостю, — необходимо знать, что понимать под независимостью. Было бы предпочтительнее говорить о сотрудничестве и об ассоциации с Алжиром... Французы очень суровы к алжирцам», — неодобрительным тоном заключил генерал¹⁰⁶. На этот раз встреча закончена; де Голль благодарит журналиста за информацию и выражает надежду вскоре вновь увидеться. Розенберг покидает резиденцию де Голля, а в его ушах все еще звучит твердый голос генерала: «Алжир будет независимым». Это было ровно за три недели до путча 13 мая.

Итак, можно сделать вывод, что де Голль вернулся к власти с твердым убеждением в необходимости предоставления Алжиру права на самоопределение. Естественно, раскрывать свои планы в момент, когда страсти, вызванные путчем 13 мая, еще не улеглись, а вчерашние мятежники продолжали оставаться хозяевами положения, де Голль первое время не мог. Позднее он признавался известному французскому социологу Ф. Гогелю: «Если бы в июне 1958 г. я сказал, что намереваюсь предоставить Алжиру независимость, я был бы свергнут в тот же самый день и ничего не смог бы с этим поделать. Но я всегда знал, чего хотел»¹⁰⁷.

Главной задачей де Голля сразу же после прихода к власти было успокоить разгоревшиеся страсти и овладеть положением. Для этого он сразу же после утверждения полномочий его правительства направляется в поездку по Алжиру.

4 июня де Голль в сопровождении министров Л. Жакино, П. Гийома и М. Лежена, а также начальника генштаба

генерала П. Эли прибыл в аэропорт «Мэзон-Бланш», где его встречали генерал Салан и другие представители военной администрации. На всем пути следования в алжирскую столицу де Голль встречали толпы «черноногих», выкрикивавших лозунг: «Французский Алжир!» Руководители ультра организовали подлинную психологическую кампанию, имевшую целью «внушить» новому главе правительства соответствующие мысли.

В этот же день в 15 часов де Голль принимает в Летнем дворце депутацию путчистского Комитета общественного спасения (КОС). Генерал Массю от имени комитета зачитал требования «черноногих» и особо подчеркнул главное из них — «осуществление интеграции всех жителей Алжира во французскую нацию». Де Голль говорит в ответ несколько общих фраз и выпроваживает комитетчиков.

В 19 часов де Голль выступает с балкона генерал-губернаторства перед 100-тысячной толпой «черноногих». «Я вас понял! — кричит в микрофон глава правительства. — Я знаю, что здесь произошло. Я вижу, что вы хотели сделать. Я вижу, что дорога, которую вы открыли в Алжире, это дорога обновления и братства. Я говорю — обновление во всех отношениях... в том числе и обновление наших институтов»¹⁰⁸. Затем де Голль остановился на роли армии: «Французская армия, сплоченная, пламенная, дисциплинированная, подчиняющаяся приказам своих командиров, испытанная в стольких обстоятельствах, совершила здесь великолепное дело взаимопонимания и умиротворения. Французская армия... остается гарантом развившегося здесь движения. Она сумела овладеть потоком и использовать его энергию. Я воздаю ей должное, выражаю ей свое доверие и рассчитываю на нее и сегодня, и завтра»¹⁰⁹. Несмотря на комплиментарный характер речи де Голля, в ней ни слова не говорилось ни об интеграции, ни о «французском Алжире». Лишь один раз в Мостаганеме 7 июня де Голль в первый и последний раз произнес слова «французский Алжир».

После г. Алжира де Голль посетил Константину, Бон, Оран, Мостаганем. Время радикальных перемен еще не настало; вначале нужно окончательно погасить очаг майского путча. Именно поэтому де Голль осыпает мятежных генералов звездами и новыми должностями. Салан назначается генеральным делегатом правительства в Алжире. Массю получает третью звезду дивизионного генерала и

становится префектом «большого Алжира», т. е. столицы и ее окрестностей; генерал А. Зеллер, уволенный Четвертой республикой за подрывную деятельность в запас, вновь занимает пост начальника штаба сухопутных вооруженных сил. «После отъезда де Голля,— вспоминает Салам,— мы все верили, что были поняты, что отныне судьба Алжира связана с судьбой матери-родины»¹¹⁰.

Ровно через месяц, в начале июля, де Голль вновь прибывает в Алжир. На этот раз его сопровождает в качестве министра Ги Молле. В ходе этой поездки характер поведения главы правительства заметно меняется. Де Голль отказывается принять депутацию КОС Алжира и в короткой речи по радио объявляет о предстоящем создании в Алжире единой для алжирцев и французов избирательной курии и предоставлении права голоса женщинам-мусульманкам.

27—29 августа де Голль в третий раз посещает Алжир. Цель его поездки — проверка хода подготовки к референдуму об утверждении новой конституции. В результате проведения комплекса пропагандистско-устрашительных мер 96% алжирцев, принявших участие в голосовании, одобрили конституцию Пятой республики. Правая печать немедленно сделала из этого вывод об «искреннем» стремлении всего населения Алжира навсегда остаться под французским суверенитетом. Правобуржуазная «Фигаро» поместила в те дни статью под многозначительным заголовком «Алжир проголосовал „нет“ ФНО».

2 октября де Голль вновь прибыл в Алжир и сообщил удивленному Саламу о своем намерении перевести его в Париж, где для него учреждалась специальная, доселе не существовавшая должность генерального инспектора национальной обороны. Одновременно ближайший помощник Салама генерал Э. Жуо также узнал о переводе в метрополию. Салам и его окружение отметили резкое изменение характера и тона выступлений де Голля по алжирскому вопросу. «Я не слышу больше от него призыва „Да здравствует французский Алжир!“, зато постоянно слышу „Да здравствует Алжир и да здравствует Франция!“»¹¹¹.

Укрепив свои позиции, добившись принятия новой конституции, де Голль приступил к реформам в области внутренней и внешней политики Франции. Главнейшим вопросом для него в то время, безусловно, являлась алжирская проблема. Устранение из Алжира наиболее горячих и потому опасных сторонников «интеграции», пола-

гавших, что правительство в Париже должно выполнять их требования, было первым практическим шагом в новой алжирской политике де Голля. Правительство отдало 14 октября 1958 г. приказ всем военнослужащим в Алжире немедленно покинуть «комитеты общественного спасения».

Военно-колониалистские круги были не на шутку встревожены таким неожиданным для них поворотом. В октябре 1958 г. в Алжире распространяются листовки антиправительственного содержания и призывы к всеобщей забастовке «черноногих». Салан убеждает руководителей ультра отказаться от намеченных акций. Он хочет думать, что эти новые веяния — лишь результат случайного стечения обстоятельств, что де Голль не посмеет обмануть возлагавшихся на него путчистами надежд.

Однако поворот в алжирской политике действительно происходил. 3 октября 1958 г., выступая в Константине, де Голль призвал к прекращению «абсурдной борьбы» и дал обещание провести широкие социально-экономические реформы в Алжире, получившие название «план Константины». Его общее содержание сводилось к принятию в Алжире целого ряда мер политического, социально-экономического и культурно-просветительского характера, которые должны были существенно улучшить положение коренного населения страны, а в конечном итоге — обеспечить «тесную солидарность Алжира с Францией», т. е. сохранение Алжира под французским контролем.

Эту же цель преследовало предложение де Голля о «мире храбрых», сделанное на пресс-конференции 23 октября 1958 г. «Те, кто открыл огонь (т. е. ФНО Алжира.— П. Ч.), — заявил де Голль, — должны его прекратить и вернуться к своим семьям и к своей работе»¹¹². Призыв к миру, больше похожее на капитуляцию без каких-либо политических гарантий для ФНО, мог иметь лишь один ответ со стороны алжирских патриотов — отрицательный. Поэтому определяющим для положения в Алжире и после 1958 г. продолжала оставаться вооруженная борьба. Еще весной 1958 г. было объявлено о создании «запретной зоны» между «линией Мориса» и тунисской границей общей площадью более 10 тыс. км². На основании этого около 360 тыс. алжирцев были выселены из «запретного» района и переселены в так называемые центры перегруппировки.

В декабре 1958 г. армейский генерал авиации М. Шалль

сменил генерала Салана на посту главнокомандующего в Алжире. По сложившейся традиции новый главнокомандующий в своем портфеле собственный план военных действий, казавшийся его автору (впрочем, как и всем предыдущим) единственно правильным и обнадеживающим. «План Шалля» предусматривал усиление блокады тунисской и марокканской границ, захват опорных зон ФНО и их разгром. «Проблема состоит в том,— говорил новый главнокомандующий,— чтобы искать повстанцев там, где они есть... Я отправлю в горы резервы, чтобы уничтожить повстанческую структуру, а затем отряды командос займутся остальным и продолжат борьбу вплоть до ликвидации противника»¹¹³. Французское командование разработало и осуществило в течение 1959 г. три военные операции под кодовыми названиями «Корона», «Бинокль» и «Искра». К операции «Бинокль», имевшей целью восстановить контроль над Кабилией, утраченный еще в начальный период восстания, было привлечено 30 тыс. солдат и офицеров, авиация, артиллерия и саперные подразделения. Она длилась почти четыре месяца (с июля до ноября 1959 г.) и не привела к ожидаемым результатам. Еще в ходе ее осуществления генерал Шалль признавал: «Операция „Бинокль“ очень трудна; противник неуловим, он быстро рассеивается». Ответственный за операцию «Корона» генерал Ф. Гамбьез впоследствии также признавал: «Население им (повстанцам.— П. Ч.) помогает, и в этих условиях год или десять лет прочесывания не дадут никаких результатов»¹¹⁴.

В целом военные действия второй половины 1958—1959 г. были для французской армии столь же неудачными, что и все предыдущие. Данное обстоятельство являлось одним из важных факторов, определявших эволюцию алжирской политики де Голля, в которой все определеннее начала вырисовываться тенденция к мирному разрешению конфликта.

Как уже отмечалось, в декабре 1958 г. были произведены важные перемещения во французской администрации в Алжире. Генерал Салан лишился обоих постов и, получив в утешение Военную медаль, переместился в один из кабинетов парижского Дворца Инвалидов, откуда имел возможность любоваться прекрасным видом на мост Александра III — самого красивого моста Парижа. На пост генерального делегата был назначен протеже М^{сье} Помпиду и М. Дебре 44-летний Поль Делуврие, крупный финансо-

вый чиновник, имевший репутацию опытного экономиста. Именно ему было поручено реализовать «план Константины». Главнокомандующим, как уже говорилось, был назначен генерал М. Шалль.

Итак, трезвый анализ положения: постепенное осознание невозможности военной победы в Алжире, непосильное бремя расходов на войну, растущая морально-политическая изоляция Франции на международной арене, враждебность широкой французской общественности продолжению войны, а также стремление ликвидировать очаг постоянной смуты в Алжире, представлявшей серьезную угрозу режиму, — все это привело де Голля к выводу о необходимости мирного решения затянувшегося конфликта. К этому его подталкивали и интересы крупного французского капитала, переходившего с устаревших колониалистских на современные неоколониалистские методы эксплуатации бывших колоний.

26 августа 1959 г. де Голль на заседании совета министров впервые открыто поставил вопрос о праве алжирцев на самоопределение; 16 сентября того же года де Голль выступил по радио и телевидению с речью, в которой во всеуслышание заявил о намерении предоставить населению Алжира право самостоятельно решить свою судьбу. «На основании учета всех данных, алжирских, национальных и международных, — заявил президент, — я считаю необходимым провозгласить с сегодняшнего дня курс на самоопределение». «Кровавая алжирская проблема, — сказал он далее, — должна быть решена путем свободного выбора»¹¹⁵. Впервые за 130 лет французского господства в Алжире глава государства высказывал подобные мысли; уже поэтому речь 16 сентября немедленно получила глубокий отклик по всей стране и за рубежом. Прогрессивные силы положительно оценили сдвиг в алжирской политике правительства. Генеральный секретарь ФКП Морис Торез писал по этому поводу в «Юманите»: «В политике наших властей произошло, во всяком случае на словах, важное изменение. Конституируя в целом провал политики умиротворения, генерал де Голль признал право алжирского народа на самоопределение... Главное заключается в его согласии с тем, что Алжир — это не Франция, поскольку алжирский народ может и должен сам определить собственное будущее»¹¹⁶.

В лагере реакции речь де Голля 16 сентября вызвала приступ ярости. В этот же день вице-председатель Нацио-

нального собрания Франции, один из лидеров ультра Ш. Буалем демонстративно сорвал с себя орден командора Почетного легиона и швырнул его на стол председателя Национального собрания Ж. Шабан-Дельмаса, одного из ближайших соратников генерала де Голля. 50 депутатов с крайне правых скамей покинули зал заседаний с криками: «Измена!» В Париже и г. Алжире состоялись манифестации, организованные националистическими организациями.

Именно 16 сентября 1959 г. коалиция, совершившая 13 мая государственный переворот (алжирские ультра, реакционный генералитет, голлисты), дала первую и глубокую трещину, предрешившую вскоре ее окончательный распад. С этого времени зреет новый заговор, направленный на этот раз на устранение де Голля, «не оправдавшего» надежд ультраколонистов. Первый бой заговорщики дали де Голлю в январе 1960 г., когда в столице Алжира вспыхнул антиправительственный мятеж (так называемая неделя баррикад)¹¹⁷. Однако попытка повторить путч 13 мая на этот раз потерпела полный провал. Уже на седьмой день правительство восстановило контроль над алжирской столицей, а организаторы мятежа были отданы под суд.

«Неделя баррикад» укрепила де Голля в его убеждении как можно скорее решить наболевшую алжирскую проблему. Этого требовали интересы Франции, ее внешняя политика, экономика и финансы, в полной мере испытывавшие губительное воздействие войны; этого требовали, наконец, интересы голлизма, утвердившегося у власти после 1958 г. До тех пор пока продолжалась алжирская война, продолжал тлеть и постоянно давал знать о себе очаг смуты и антиправительственного брожения ультраправых, представлявший в тот период серьезную угрозу для еще неокрепшей Пятой республики.

Надежды на военное решение вопроса в пользу Франции таяли буквально на глазах. С начала 1960 г. стратегическая инициатива полностью и окончательно перешла к Армии национального освобождения Алжира, которая активизировала свои действия не только вдоль тунисской и марокканской границ, в районах Сиди-бель-Аббес, Маскара и Тлемсен, но и в считавшихся до сих пор «благополучными» департаментах Оран, Константина и даже Алжир. Попытка французского командования вернуть утраченную инициативу летом 1960 г. (операция «Цикада») успеха не имела.

Ответственность за неудачи была возложена на генерала Шалля, которого президент де Голль решил устранить из Алжира еще во время «недели баррикад». В глазах Елисейского дворца он вышел из этого дела «верным, но опасным». 5 марта 1960 г. де Голль объявил Шаллю о его новом назначении.

Международная ситуация также толкала де Голля к решению алжирской проблемы. Теперь даже союзники Франции по НАТО и ЕЭС все более открыто высказывали раздражение по поводу ее «дорогостоящего упрямства» в Алжире. Они, правда, еще поддерживали ее в ООН, но делали это все менее охотно. Возросшая изоляция Франции наглядно была продемонстрирована на зимней сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1960 г. Представители 24 государств Азии и Африки внесли проект резолюции, осуждавшей продолжение войны в Алжире и требовавшей предоставления Алжиру полной независимости. За эту резолюцию, поддержанную социалистическими, нейтральными и неприсоединившимися государствами, проголосовало 47 стран, против — 20, 28 — воздержались. В ходе дискуссии по проекту резолюции представитель США ясно дал понять, что его правительство будет голосовать «против» главным образом из тех соображений, «чтобы не мешать усилиям генерала де Голля» достичь урегулирования алжирской проблемы. Это был очевидный сигнал, который в Париже не могли не принять к сведению.

Еще 14 февраля 1960 г., вскоре после «недели баррикад», был создан Комитет по алжирским делам под председательством президента де Голля. Это означало, что отныне де Голль непосредственно брал в свои руки руководство алжирской политикой.

3 марта того же года президент отправился в очередную инспекционную поездку по Алжиру, в ходе которой он, наряду с призывами «закончить умиротворение» и «отобрать оружие у мятежников (ФНО.— П. Ч.)», впервые произнес фразу «алжирский Алжир»¹¹⁸. Спустя три месяца, 14 июня, выступая по национальному радио, президент не без грусти констатировал, что всеильное время «меняет условия нашей заморской политики и ведет нас к необходимости покончить с колонизацией...». «Самоопределение алжирцев,— продолжал он,— единственно возможный выход из этой сложной и мучительной драмы». Адресуясь к руководителям ФНО, де Голль заявил: «Мы ожидаем их у себя с тем, чтобы совместно найти путь к достойному прекращению продолжающихся сражений»¹¹⁹.

Инициатива де Голля была с интересом встречена Временным правительством Алжирской республики (ВПАР)*, которое 20 июня дало согласие направить своих представителей во Францию для соответствующих контактов. 25—29 июня в местечке Мелюн близ Парижа представители ВПАР вели переговоры с генеральным секретарем по алжирским делам Р. Морисом и генералом де Гастине. Однако эти переговоры завершились неудачей в связи с отказом французских представителей согласиться на официальное признание ВПАР и освободить содержавшихся в заключении руководителей ФНО во главе с Бен Беллой.

Первая неудача в ведении переговоров с ВПАР показала де Голлю, что алжирские руководители не пойдут ни на какие уступки в том, что касается независимости Алжира, что они готовы вести борьбу до победного конца.

После четырехмесячных раздумий де Голль принял решение сделать еще один шаг навстречу мирному разрешению конфликта. 4 ноября он выступил по радио и телевидению с речью, посвященной алжирской проблеме, в которой сказал: «Взяв на себя вновь руководство Францией, я решил от ее имени следовать по пути, который отныне ведет не к Алжиру, управляемому французской метрополией, а к алжирскому Алжиру... эмансипированному... имеющему свое собственное правительство, свои институты и свои законы»¹²⁰. Де Голль обещал оказать Алжиру «щедрую и братскую помощь», если он выберет тесный союз с Францией.

16 ноября 1960 г. представитель Елисейского дворца объявил о предстоящем в самом начале будущего года референдуме о самоопределении Алжира. А спустя неделю де Голль произвел замену не оправдавшего надежд генерального делегата П. Делуврие, которому вменялся в вину фактический провал «плана Константины», на мало кому известного префекта департамента Верхняя Гаронна Ж. Морэна.

Вскоре последовала и очередная перетряска высшего командования в Алжире. Вместо генерала Крепэна, получившего назначение командующим французскими войсками в ФРГ, главнокомандующим в Алжире был назначен генерал Ф. Гамбьез. Генерал Олье был переведен из Алжи-

* Временное правительство Алжирской республики во главе с Ф. Аббасом было образовано ФНО в эмиграции 19 сентября 1958 г.

ра, где он командовал оранским армейским корпусом, на место начальника генерального штаба Эли, ушедшего в отставку.

Главной проблемой для де Голля в декабре 1960 — начале января 1961 г. было обеспечение победы на референдуме о самоопределении Алжира. Именно в это время ультраправые силы предпринимают попытку объединиться и сорвать новый алжирский курс главы государства. В апреле 1961 г. в Алжире вспыхнул очередной военный путч, во главе которого встали четыре генерала — М. Шалль, А. Зеллер, Р. Салан и Э. Жуо¹²¹. Полная моральная изоляция, оторванность и враждебность планов мятежников национальным интересам французского народа предопределили их быстрое поражение. Одним из важнейших последствий апрельского путча была морально-политическая дискредитация военщины, надеявшейся навязать свою волю свободолюбивой Франции.

«Кризис миновал, теперь необходимо устранить причины, которые его вызвали», — заявил министр информации Л. Терренуар после подавления военного путча¹²². Речь шла об окончательном решении алжирской проблемы.

Еще в январе 1961 г. де Голль поставил на всенародное обсуждение вопрос о предоставлении Алжиру права на самоопределение; 75,2% голосовавших одобрили самоопределение, что означало поддержку курса, взятого де Голлем в алжирской проблеме. Непосредственным результатом референдума явились новые неофициальные контакты представителей Франции и ВПАР. 20 февраля и 5 марта 1961 г. в Швейцарии состоялись встречи Ж. Помпиду, в то время генерального директора банка Ротшильда, и дипломата Б. де Лёсса с представителями ВПАР А. Бумеджелем и Т. Буларуфом. Алжирская сторона дала согласие на предложение де Голля начать на территории Франции официальные переговоры о прекращении огня в Алжире. Эти переговоры открылись 7 апреля того же года в Эвиане. 11 апреля президент де Голль на пресс-конференции подтвердил намерение Франции после благополучного завершения переговоров признать независимый и суверенный Алжир.

Ликвидация апрельского путча имела следствием ускорение хода этих трудных переговоров, проходивших в обстановке строгой секретности. Французское правительство ощущало растущее давление общественности, требовавшей скорейшего завершения переговоров. С другой стороны, на

него оказывалось давление со стороны возникшей весной 1961 г. правоэкстремистской Секретной вооруженной организации (ОАС), попытавшейся сорвать Эвианские переговоры созданием во Франции и Алжире обстановки террора и страха. Террористы из ОАС совершали покушения на активистов компартии, Движения сторонников мира, профсоюзов, деятелей буржуазных партий, требовавших покончить с войной в Алжире. Было предпринято несколько попыток покушения на жизнь президента де Голля.

Активизация профашистских сил вызвала решительный отпор со стороны демократической общественности Франции. 19 декабря 1961 г. по призыву профсоюзов, ФКП и других демократических организаций по всей Франции был проведен Национальный день борьбы против фашизма. 11 млн. трудящихся устроили в этот день кратковременные забастовки. Несмотря на запрещение министра внутренних дел, в Париже и других городах Франции состоялись массовые демонстрации. Полиция разогнала демонстрацию в Париже, в результате чего свыше 100 человек получили ранения.

4 февраля 1962 г. по призыву ФКП, Объединенной социалистической партии, Национального союза студентов и левых профсоюзов началась Национальная неделя борьбы против ОАС. 8 февраля в Париже была проведена мирная демонстрация, которая вновь была разогнана полицией, применившей оружие. На этот раз погибло восемь демонстрантов, из них семь коммунистов.

Действия властей вызвали мощный взрыв возмущения общественности. 13 февраля около миллиона парижан пришли к кладбищу Пер-Лашез проводить погибших и потребовать немедленного прекращения войны в Алжире.

Встревоженное широким подъемом демократического движения правительство вынуждено было изменить тактику. С целью успокоить общественное мнение оно рассекретило содержание франко-алжирских переговоров, а 7 марта 1962 г. начало завершающий тур теперь уже открытых переговоров в Эвиане. Уже 18 марта были подписаны Эвианские соглашения, положившие конец восьмилетней войне и означавшие окончание 130-летнего колониального господства Франции в Алжире. Франция признала полную независимость Алжирской республики, хотя и сумела на первых порах оговорить себе определенные «преимущества» экономического и культурного характера в этой стране. Подавляющее большинство французов

с облегчением встретили долгожданное прекращение алжирской войны. На референдуме об одобрении Эвианских соглашений, проведенном во Франции 8 апреля 1962 г., 90,6% голосовавших сказали «да» прекращению войны и только 9,3% высказались «против». Твердая решимость алжирского народа идти по пути национальной независимости была продемонстрирована на референдуме 1 июля 1962 г. о самоопределении Алжира, в котором приняли участие 6 017 680 алжирцев: 99,72% принявших участие в голосовании высказались за независимый путь развития и только 0,28% избирателей (остававшиеся еще в Алжире «черноногие» и местные коллаборационисты) проголосовали против.

В июле же завершился массовый «исход» алжирских французов в метрополию. Алжир, освободившись от пут колониальной зависимости, стал на путь независимого развития.

Окончание восьмилетней войны в Алжире имело важные последствия и для Франции, ее внутреннего положения и внешней политики. Это значение президент де Голль кратко определил следующим образом: «У Франции отныне свободные руки»¹²³. Эта формула может быть применена в целом к освобождению Франции от ее колониальной империи, ставшей к середине 50-х годов непосильным бременем для ее хозяйственно-политического организма.

После утраты Алжира Франция сохранила за собой лишь одну сотую часть по площади и одну семидесятую часть по населению прежней французской колониальной империи. Она удерживала под своим господством несколько островов, разбросанных в обоих полушариях, и два континентальных владения — Французскую Гвиану (Южная Америка) и Французский Берег Сомали (Восточная Африка).

В 60—70-х годах продолжался процесс размытия остатков бывшей колониальной империи Франции. Народы многих французских заморских департаментов и территорий поставали вопрос о независимости от Франции. Этому способствовали два основных фактора — крайняя социально-экономическая отсталость заморских владений и нежелание метрополии принять действенные меры для ее преодоления. После утраты Алжира правительство Франции и даже общественное мнение как будто забыли о «заморских проблемах», которые отошли на задний план

политической жизни. За малым исключением оставшиеся владения не представляли серьезного экономического интереса для метрополии, и по этой причине она фактически предала забвению их нужды и потребности. Между тем в подавляющем большинстве французских владений в результате десятилетиями и даже столетиями проводившейся линии на насаждение монокультурной экономики создалась кризисная экономическая и напряженная социальная обстановка. Многие заморские департаменты и территории вынуждены были импортировать жизненно важную продукцию. Новая Каледония, где вплоть до начала 80-х годов сохранялось исключительно отсталое сельское хозяйство, закупала мясо в соседних Австралии и Новой Зеландии. Реюньон вынужден был импортировать основной продукт питания — рис, а также картофель и кукурузу. Французская Полинезия в середине 70-х годов импортировала 95% потребляемой ее населением продукции. Даже в последние годы французского управления в Джибути мясо для европейской колонии доставлялось туда самолетами из метрополии, а богатый рыбой прибрежный район совершенно не осваивался. Дело доходило до абсурда. Гвиана, с ее 9 млн. га лесов, на протяжении всех 70-х годов ввозила морем из метрополии телеграфные столбы. Следствием монокультурной экономики в заморских департаментах и территориях являлся хронический дефицит их торгового баланса. На Мартинике он увеличился в 1966—1973 гг. на 250%, а на Коморах — в 1961—1972 гг. — на 600%.

Застой в развитии производительных сил заморских департаментов и территорий в сочетании с ростом населения вызвал рост безработицы, принявшей угрожающие масштабы. На Антильских о-вах в 1975 г. безработицей было охвачено 40% самодеятельного населения (в 1950 г. — 10%). На Реюньоне число безработных возросло с 9 тыс. человек в 1961 г. до 50 тыс. человек в 1972 г. С целью разрядить обостряющуюся социально-политическую обстановку в заморских департаментах и территориях французское правительство вынуждено было поощрять эмиграцию оттуда части незанятого коренного населения в метрополию, где положение «заморских французов» было немногим лучше, чем у иностранных трудящихся-иммигрантов.

Политика всех французских правительств в отношении заморских департаментов и территорий на протяже-

нии 60—70-х годов характеризовалась настойчивыми ассимиляторскими усилиями, имевшими целью представить все проживавшее там население не только французскими гражданами, но и фактическими французами. Это было прямым посягательством на национальные права подавляющей части населения большинства заморских территорий, таких, например, как Гвиана, Гваделупа или Мартиника, где преобладают негры, мулаты и метисы, а собственно французы — белые — составляют меньшинство. В 1969 г. во время подготовки ассимиляторской реформы в Гвиане, по которой все гвианцы объявлялись французами, два известных французских этнографа Ж. Юроль и Р. Жолен, привлеченные в качестве консультантов, убеждали правительство отказаться от этой затеи. Советы французских этнографов не были приняты правительством Франции, осуществившим задуманную реформу. Реформа, однако, не решала серьезных проблем, существовавших в Гвиане. Когда в ноябре 1974 г. президент В. Жискар д'Эстен прибыл в этот департамент, то Кайенна встретила его баррикадами. В последующие годы напряженность в Гвиане сохранялась, давая время от времени новые вспышки антифранцузских выступлений. Сходная ситуация наблюдалась и в других заморских департаментах западного полушария¹²⁴.

После 15-летнего периода относительного затишья в оставшихся под французским управлением заморских департаментах и территориях поднялась новая волна национально-освободительного движения, приведшая к ликвидации колониального режима в трех французских владениях.

Первой территорией, добившейся независимости в 70-х годах, были Коморские о-ва.

Положение на Коморах характеризовалось крайне низким уровнем экономического и социального развития. Франция мало интересовалась этими островами, лишенными каких-либо минеральных ресурсов и находившимися на периферии ее стратегических интересов. Долгое время Коморы рассматривались лишь как скромный придаток к Мадагаскару и лишь в 1961 г. получили статус самостоятельной заморской территории. На Коморах не было не только собственной промышленности, но и организованного сельского хозяйства. В результате овощи ввозились на острова с Мадагаскара, а мясо закупалось в Танзании. Лишь 30% детей на Коморах было охвачено начальным образованием и только 8% — средним.

Отсутствие на Коморах развитых производительных сил вынуждало метрополию держать эту территорию на фактическом довольствии. Так, если собственный бюджет Комор составлял в 1974 г. 1,6 млрд. фр., то помощь метрополии в том же году оценивалась в 7,2 млрд. фр.

Низкий уровень социально-экономического развития, слабый интерес метрополии к нуждам и потребностям 300-тысячного коморского народа явились главной причиной развития национально-освободительного движения на Коморах, выдвинувшего лозунг национальной независимости.

В 1972 г. французское правительство вынуждено было официально обещать провести на Коморах референдум по вопросу о будущем статусе островов. В то же время правительство Франции всячески поощряло профранцузское Народное движение Майотты, возникшее на одном из четырех главных островов архипелага — Майотте и выступавшее за сохранение Комор под французским управлением. Обещание французского правительства провести на Коморах не позднее конца 1974 г. референдум было оплачено поддержкой большинством коморских избирателей кандидатов от правоцентристских партий на президентских выборах 1974 г. во Франции — в первом туре Ж. Шабан-Дельмаса, а во втором — В. Жискар д'Эстена. После победы последнего новое французское правительство дало официальное согласие признать независимость Комор, если большинство населения островов выскажется за это на референдуме, намеченном на декабрь 1974 г. В то же время президент В. Жискар д'Эстен подтвердил притязания Франции на Майотту, население которой якобы «не желало» выходить из состава Французской республики.

22 декабря 1974 г. 94,56% коморских избирателей, принявших участие в референдуме, проголосовали за независимость. Лишь 5,44% (8853 человека) высказались за сохранение статуса французской заморской территории. Под давлением Народного движения Майотты 63,82% жителей этого острова (8783 человека) проголосовали за сохранение режима французского управления. В пользу независимости высказались 36,18% населения, или 5110 человек¹²⁵.

Правящие круги Франции, обеспокоенные поворотом событий на Коморах, попытались предотвратить неминуемую утрату архипелага. В конце июня 1975 г. Нацио-

нальное собрание Франции приняло решение, ущемлявшее суверенитет Комор. В решении говорилось, что будущая конституция Комор должна предварительно, до ее утверждения коморским парламентом, быть одобрена каждым из четырех островов архипелага отдельно. Это вызвало взрыв возмущения на Коморах, где опасались повторения прецедента Майотты.

6 июля 1975 г. глава коморского правительства Ахмед Абдаллах в одностороннем порядке провозгласил независимость Коморского государства. В ответ профранцузские круги на Майотте потребовали от Парижа «защиты».

Французское правительство не признало новое государство. Игнорируя мнение коморского правительства, Франция организовала на Майотте новый референдум, после которого 8 февраля 1976 г., невзирая на протесты ряда африканских стран и негативную позицию Совета Безопасности ООН, объявила Майотту «территориальной единицей Французской республики». Спустя два года, в мае 1978 г., на Коморах произошел государственный переворот, осуществленный французскими наемниками во главе с Б. Денаром, после чего Париж признал новое профранцузское правительство и установил с ним дипломатические отношения.

В июне 1977 г. добилась независимости другая заморская территория Франции — Французский Берег Сомали, или, как ее официально именовали с 1967 г., Французская территория афаров и исса. Эта территория имела для Франции важное стратегическое значение, так как через Аденский залив и Красное море, где расположен Берег Сомали, транспортировалось до 80% потребляемой Францией, да и всей Западной Европой, нефти.

Французские колонизаторы издавна ради укрепления своих позиций в этом районе играли на противоречиях между коренными жителями страны — кочевникамг-скоговодами народностей афара, родственных эфиопам, и исса, близким к сомалийцам, которые с давних пор боролись между собой за обладание скудными пастбищами и редкими колодцами. Сохранению французского господства здесь способствовали и острые противоречия между двумя соседями — Эфиопией и Сомали. Претензии и непрекращавшиеся попытки сомалийских националистов включить Берег Сомали в «Великое Сомали» позволяли Франции выступать в качестве «защитницы» самобытности и самостоятельности Джибути (административный центр Фран-

цузского Берега Сомали, по имени которого часто называли и всю территорию).

Революция в Эфиопии и перемены в Сомали имели значительные последствия и для Джибути, побудив местных умеренных националистов, тесно связанных с французским капиталом, заменить лозунг внутренней автономии требованием независимости в рамках тесного сотрудничества с Францией. Последнее обстоятельство оправдывалось тогдашним главой правительственного совета территории Али Арефом ссылками на угрозу со стороны Сомали. Франко-джибутийские переговоры о предоставлении независимости Французской территории афаров и исса затягивались французским правительством в течение двух лет, но все же 27 июня 1977 г. они завершились провозглашением независимой Республики Джибути. Французская марионетка Али Ареф вынужден был уйти с политической сцены, и президентом страны был избран Хасан Гулед Антидон — лидер оппозиционной партии Африканская лига за независимость.

Новое правительство взяло курс на преодоление межнациональной розни и на политическую консолидацию страны. «У нас нет больше ни афаров, ни исса, — заявил президент Хасан Гулед. — Отныне все мы джибутийцы, решившие забыть то, что могло бы нас разделить, а следовательно, наносить ущерб нашей стране»¹²⁶.

Франции удалось тем не менее опутать молодую республику сетью соглашений, предусматривающих «уважение» французских «интересов», в частности сохранение на территории Джибути пятитысячного французского воинского контингента (13-я полубригада Иностранного легиона) и предоставление права кораблям французской военной эскадры, постоянно находящейся в северо-западной части Индийского океана, использовать порт Джибути. К началу 80-х годов Франции удалось в значительной степени сохранить контроль над экономикой и финансами молодой республики.

30 июля 1980 г. прекратил свое существование франко-британский кондоминиум Новые Гебриды, установленный в 1906 г. На его месте возникло независимое государство Вануату.

Новый этап освободительного движения на Новых Гебридах начался в 70-х годах, после того как в 1971 г. возникла Национальная партия Новых Гебрид, выдвинувшая лозунг предоставления независимости кондоминиуму.

Управление Новыми Гебридами осуществлялось франко-британской администрацией, возглавлявшейся двумя комиссарами-резидентами — англичанином и французом. Вплоть до 1975 г. представители коренного меланезийского населения Новых Гебрид не играли никакой роли в политической жизни архипелага. Меланезийцы даже не имели права голоса.

Экономика Новых Гебрид находилась в плачевном состоянии. Единственной ее отраслью было производство копры. В 70-х годах постепенно стало развиваться животноводство. Еще в начале XX в. французам удалось сосредоточить в своих руках большую часть земельных угодий. «Сосьете франсез де Нувель-Гебрид» владело от 300 до 400 тыс. га земель, «купленных» в свое время у вождей племен за несколько бутылок алкогольных напитков. Что касается англичан, то они совместно с австралийцами контролировали практически всю торговлю Новых Гебрид. Важно отметить, что подавляющая часть туземной элиты была англоязычной.

Между французской и английской администрацией Новых Гебрид существовали постоянные противоречия, особенно обострившиеся в 70-е годы, когда усилились требования национальных движений о ликвидации кондоминиума и предоставлении независимости стране. Англия, располагая прочными позициями и влиянием на верхушку меланезийской общины, составлявшей 92% всего населения Новых Гебрид, считала возможным и даже необходимым удовлетворить требования местных националистов. Она была уверена, что сумеет сохранить свое влияние и после признания независимости Новых Гебрид. Франция упорно цеплялась за сохранение своего «присутствия» в этом районе, находящемся в непосредственной близости от ее владений в Полинезии, но ей перед лицом двойного давления — со стороны национальных сил и Великобритании — приходилось идти на уступки. В начале 1975 г. были предоставлены все гражданские права меланезийцам и была создана представительная ассамблея в составе 36 членов с расширенными полномочиями. В ноябре того же года состоялись первые выборы в Ассамблею Новых Гебрид, в результате которых победу одержала покровительствуемая англичанами Национальная партия („Партия Вануаку“), выступавшая за полную национальную независимость.

С этого времени обстановка на Новых Гебридах стала еще более напряженной. Наряду с профранцузскими автономистскими движениями, не имевшими, впрочем, достаточно массовой базы, активизировались местные сепаратисты, поднявшие в мае 1980 г. на о-ве Эспириту-Санто путч против центрального правительства У. Ливи. Премьер-министр Новых Гебрид обратился к Франции и Англии с просьбой оказать военную помощь в ликвидации мятежа сепаратистов. Роты французских десантников и английских морских пехотинцев было достаточно для того, чтобы сепаратисты, не оказав никакого сопротивления, капитулировали. Спустя шесть дней после ликвидации мятежа, 30 июля 1980 г., в Виле, столице Новых Гебрид, были спущены флаги двух колониальных держав, в течение 74 лет осуществлявших совместное управление островами, и был поднят красно-зелено-черно-желтый флаг нового государства, получившего имя Республика Вануату, что в переводе с местного языка означает «страна, которая есть и будет самостоятельной»¹²⁷.

Приход к власти во Франции летом 1981 г. правительства левых сил повлек за собой определенные перемены в «заморской» политике Пятой республики. Находясь до мая 1981 г. в оппозиции, французские социалисты подвергали резкой критике правительственную политику в заморских департаментах и территориях. Еще в начале 70-х годов Французская социалистическая партия (ФСП) выдвинула лозунг самоопределения для всех оставшихся под управлением Франции территорий. Это положение было включено в совместную правительственную программу Союза левых сил, подписанную в июне 1972 г. ФСП, ФКП и Движением левых радикалов.

После прихода к власти в 1981 г. ФСП не отказалась от лозунга самоопределения народов заморских департаментов и территорий, хотя и утратила тональность обещаний, данных этим народам в годы пребывания в оппозиции. Главное, что определяет «заморскую» политику нового левого правительства Франции, состоит в попытке распространить на заморские департаменты и территории те демократические социально-экономические и административные реформы, которые оно осуществляет в метрополии. Путем существенного улучшения положения в заморских владениях и частичного удовлетворения требований местных националистов правительство левых сил надеется добиться сохранения оставшихся заморских де-

партаментов и территорий (возможно, с другим статусом) под управлением Франции. В интервью газете «Монд» государственный секретарь по делам заморских департаментов и территорий А. Эмманюэли подчеркивал, что политика левого правительства «даст возможность заморским департаментам остаться в составе французского ансамбля, в то время как политика наших предшественников вела к катастрофе»¹²⁸.

Первые мероприятия, осуществленные левым правительством в 1981—1982 гг., уже привели к увеличению минимальной заработной платы и некоторому улучшению материального положения населения заморских департаментов и территорий. Правительство планирует создание новых рабочих мест в этих территориях. Признавая крайне плачевное состояние экономики подавляющего большинства заморских департаментов и территорий, правительство левых сил принимает меры по привлечению туда инвестиций, как государственных, так и частных, которые должны содействовать развитию местных производительных сил и тем самым уменьшить их полную зависимость от снабжения из метрополии. В январе 1982 г. президент Ф. Миттеран объявил о подготовке институциональной реформы, имеющей целью децентрализовать административное управление и всю политическую жизнь в заморских департаментах и территориях в соответствии с предвыборными программными установками ФСП. Прежде всего речь идет о замене мажоритарной системы голосования, действовавшей с 1958 г., пропорциональной системой. Затем предполагается вместо двух существующих органов внутреннего самоуправления с ограниченными полномочиями (Генеральный и региональный советы) учредить в каждом заморском департаменте или территории одну ассамблею, располагающую правом решения всех местных проблем. Подготовленная весной 1982 г. реформа управления заморскими департаментами и территориями предполагает более внимательное отношение к культурной и вообще национальной самобытности проживающих там народностей, что является первым анти-ассимиляторским шагом французского правительства. Перечисленные выше мероприятия и составляют суть подхода нового руководства Пятой республики к проблемам французских заморских департаментов и территорий. Кратко этот подход можно сформулировать следующим образом — самоопределение в рамках «французского ансамбля».

Противоречивость современной французской политики в отношении заморских департаментов и территорий особенно наглядно видна на примере Новой Каледонии, где к началу 80-х годов сложилась кризисная ситуация, чреватая возникновением открытого политического конфликта между метрополией и местным национально-освободительным движением.

Открытая знаменитым английским мореплавателем Куком Новая Каледония в 1853 г. была захвачена французами, сломившими упорное сопротивление коренного меланезийского населения (канаков). В 1863—1896 гг. Новая Каледония служила каторжной тюрьмой, куда направлялись из метрополии уголовные и политические преступники. Ссыльные и каторжники (около 45 тыс. человек) составили первую европейскую колонию на Новой Каледонии. «Свободное» заселение острова началось лишь с 1902 г. В 1981 г. население Новой Каледонии достигло 140 тыс. человек. Коренные жители составляют 43% от общей численности населения (60 500 человек); 35% населения (49 700 человек) составляют потомки белых колонистов — каледоки; остальные 22% — вьетнамцы, индонезийцы, яванцы и другие более мелкие национальные и этнические группы¹²⁹.

До недавнего времени французское правительство категорически отказывалось расширять внутреннюю автономию Новой Каледонии. Вся фактическая власть на острове принадлежала представителю метрополии — верховному комиссару. Вплоть до прихода к власти во Франции правительства левых сил на Новой Каледонии сохранялся режим жесткого администрирования, сурово пресекавший все попытки даже автономистских выступлений. Подобная непримиримость объяснялась тем, что Новая Каледония, единственное, пожалуй, из всех оставшихся французских владений, имеет важное экономическое и стратегическое значение. На этом маленьком острове сосредоточено до 50% всех мировых запасов никелевой руды. «В Новой Каледонии, — отмечает французский журналист Ж.-К. Гиллебо, — твердость метрополии и отказ от всякой автономии объясняется прежде всего заботой сохранить за Францией никелевые месторождения, которые разрабатывает вездесущее „Сосьете ле Никель“, входящее в группу Ротшильда»¹³⁰. Со времени обнаружения на Новой Каледонии никеля экономика страны была принесена в жертву интересам акционеров «Сосьете ле

Никель». Ради никеля пожертвовали всем, даже жизненно необходимым сельским хозяйством, посадив страну на продовольственное снабжение из-за границы. В стране обрабатывается только 2% земельных площадей, из которых 340 тыс. га лучших земель принадлежат 2500 крупным фермерам-кальдокам. В то же время 24 тыс. местных крестьян владеют лишь 163 тыс. га.

Робкие попытки разнообразить каледонскую экономику, преодолеть ее монокультурный характер не имели успеха из-за недостаточности инвестиций. В целом до прихода к власти во Франции летом 1981 г. правительства левых сил экономика Новой Каледонии носила уродливый, типично колониальный, монокультурный характер, а положение коренного населения отличалось крайне низким жизненным уровнем. Это и явилось главной причиной глубокого политического кризиса, охватившего остров на рубеже 70—80-х годов.

Руководство национально-освободительным движением на Новой Каледонии осуществляет партия Каледонский союз, действующая с 1956 г. и объединившая вокруг себя во второй половине 70-х годов другие национальные партии и группировки во Фронте независимости. Французские социалисты еще в 1979 г. поддержали законные требования предоставления независимости, выдвинутые Фронтом независимости. Это определило поддержку канакским населением Новой Каледонии кандидатов ФСП на президентских и парламентских выборах во Франции в 1981 г.

Как уже говорилось, после прихода к власти французские социалисты значительно умили тональность своих антиколониалистских выступлений, хотя и сохранили предвыборный лозунг самоопределения народов заморских департаментов и территорий. Что касается Новой Каледонии, то новые французские руководители «вспомнили» о 50 тыс. кальдоков, проживающих на острове, и стали ссылаться на необходимость «уважения» их интересов.

Обстановка на Новой Каледонии резко обострилась в результате убийства 19 сентября 1981 г. генерального секретаря Каледонского союза и одного из руководителей Фронта независимости Пьера Деклерка, осуществленного молодым террористом-кальдоком, у которого при обыске обнаружили список других лидеров Фронта независимости, подлежащих уничтожению. Убийство П. Деклерка,

организованное правыми кругами из европейской общины, вызвало волну возмущения на острове, который несколько месяцев был охвачен массовыми антифранцузскими демонстрациями, сопровождавшимися вооруженными столкновениями с полицией и жандармерией. Французская печать подчеркивала в те дни, что убийство Деклерка, кстати, первое политическое убийство в истории Новой Каледонии, имело целью осложнить политику самоопределения и реформ на острове, провозглашенную правительством левых сил.

Обострение кризиса на Новой Каледонии ускорило подготовку правительством специального законопроекта, имеющего целью глубокие структурные социально-экономические и административные реформы на острове. Одной из первоочередных проблем являлась земельная реформа, на чем настаивал Фронт независимости. Летом 1982 г. такая реформа была подготовлена и передана на рассмотрение Территориальной ассамблеи Новой Каледонии. В этот момент правоэкстремистские группы европейских поселенцев организовали новые беспорядки в столице территории г. Нумеа. Вооруженные экстремисты напали на помещение, где заседала Территориальная ассамблея, и ранили семь депутатов. Характерно, что в этот момент ассамблея обсуждала законопроект аграрной реформы, предполагающей перераспределение обрабатываемых земель. Одновременно кальдокские шовинистические организации потребовали от Парижа отказаться от политики реформ на острове. Проблема этой французской заморской территории остается до сих пор нерешенной, что чревато новыми вспышками конфликта, разрешение которого может быть достигнуто только на пути подлинного признания за Новой Каледонией права на самоопределение.

Сложная, напряженная обстановка сохраняется и в большинстве других заморских департаментов и территорий Франции, число которых постоянно сокращается. По существу есть все основания говорить о полном крушении колониальной империи Франции, которая на наших глазах из недавней политической реальности превратилась в достойные истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти половину тысячелетия насчитывает французская колониальная история. В этом отрезке времени уместилась вся «биография» французской колониальной империи — от ее рождения в эпоху первоначального накопления и Великих географических открытий до смертного часа на третьем этапе общего кризиса капитализма. В истории французской колониальной империи, во многом типичной для всех колониальных империй, были свои подъемы и спады. Была и своя специфика, связанная с особенностями экономического и политического развития самой Франции.

История распорядилась так, что Франции дважды пришлось создавать свою колониальную империю. Первые попытки колониальных захватов со стороны Франции были осуществлены в XVI—XVII вв. Французские короли и политические деятели — Франциск I, Генрих IV, Людовик XIV, Ришелье, Кольбер — всячески поощряли колониальную экспансию, видя в ней одно из средств повышения международного престижа французской монархии. В приобретении колоний была заинтересована и зарождавшаяся буржуазия Франции. Первая колониальная империя Франции, созданная в эпоху первоначального накопления, включала в себя Канаду, Луизиану, Английские о-ва, владения в Индии и опорные пункты на побережье Африканского континента. Острая конкурентная борьба между Францией и другими европейскими державами, прежде всего Великобританией, за господство на континенте и на морях завершилась поражением французской абсолютной монархии. По Утрехтскому (1713 г.) и Парижскому (1763 г.) мирным договорам Франция лишилась большей части своих колониальных владений, отошедших к Англии.

Второй период колониальной экспансии Франции приходится на эпоху бурного развития капитализма после завершения наполеоновских войн. В XIX в. Франция подчинила Северную, Западную и Экваториальную Африку, Индокитай, укрепилась в бассейнах Тихого, Атлантического и Индийского океанов и превратилась во вторую после Великобритании колониальную державу мира.

На бойне первой мировой войны буржуазная Франция в составе Антанты сумела не только сохранить свою ко-

лониальную империю от притязаний держав Тройственного союза, но и присовокупила к ней часть владений, принадлежавших прежде Германской и Османской империям.

Эпоху колониальных захватов и передела мира сменило время «освоения» заморских владений. Первая мировая война, потребовавшая от Франции максимального напряжения сил и повлекшая огромные людские и материальные затраты, заставила правящие круги Третьей республики по-новому взглянуть на колониальную империю, все значение которой для метрополии было, пожалуй, впервые действительно осознано в парижских «коридорах власти» лишь в 20-е годы. Ухудшение международной экономической конъюнктуры, завершившееся певиданным мировым экономическим кризисом 1929 г., особенно болезненно ударило по ослабленной войной Франции. Именно в этот момент она обращается лицом к своей колониальной империи, стремясь найти там спасение от обрушившихся на нее экономических потрясений. Один за другим появляются на свет планы «освоения» колоний, рецепты более тесного привязывания колониальной экономики к экономике метрополии. 20—30-е годы — это время наиболее интенсивной и по существу грабительской эксплуатации колониальных владений. Буржуазия Франции попыталась переложить на колонии большую часть тягот, вызванных последствиями войны и экономического кризиса.

Как подчеркивал В. И. Ленин, империализм создал «...всемирную систему колониального угнетения и фипансового удушения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли»¹. Колониализм, в том числе и французский, несет историческую ответственность за нынешнюю отсталость молодых освободившихся стран, подвергавшихся в течение многих десятилетий и даже столетий беззастенчивому грабежу. О подлинном значении «цивилизаторской» миссии буржуазии в колониях говорят такие данные: в 1770 г. производство валового продукта на душу населения составляло в Европе 210 долл., а в странах, ныне называемых развивающимися, — 170, в 1870 г. — соответственно — 560 и 160 долл., в 1970 г. — 2500 и 340 долл., т. е. в 7 раз меньше! «Такова чудовищная цена капиталистического „цивилизаторства“, подлинную суть которого точно выражает понятие „колониальный разбой...“ Именно ограбление колониальных и зави-

симых стран было и является основной причиной отсталости молодых государств, которая продолжает увеличиваться и в наши дни»².

Это положение можно с полным правом отнести и к французскому колониализму, в течение длительного исторического периода извлекавшего огромные прибыли из своих владений. По подсчетам французских экономистов, в середине 50-х годов XX в. прибыль, получаемая буржуазией Франции от эксплуатации колоний, составляла ежегодно 100—120 млрд. фр. Она примерно в 2,5 раза превышала колониальные инвестиции³.

Первая мировая война и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция оказали глубокое воздействие на все колониальные страны. Эти события послужили мощным толчком для пробуждения национального самосознания колониальных и зависимых народов. 1917 год стал исходной точкой глубокого общего кризиса капитализма, охватившего и колониальную систему французского империализма.

Этот кризис достиг наибольшей остроты под воздействием второй мировой войны, с которой начинается крушение французской колониальной империи. Более чем 20-летний период ее распада характеризовался крайне болезненными формами. С 1946 по 1962 г. Франция вела непрерывные колониальные войны. Это объяснялось множеством причин — отсутствием у Франции после окончания войны иных «козырей» кроме колониальной империи, колониально-ростовщической природой французского капитализма, крайней заинтересованностью представителей капитала в эксплуатации колоний, отсутствием реализма и политической гибкости в правящих кругах Четвертой республики.

Распад колониальной империи оказал серьезное влияние на формирование современного французского государственно-монополистического капитализма. Он наложил тяжелый отпечаток на всю экономическую и социальную жизнь, на внешнюю политику послевоенной Франции. С полным основанием можно утверждать, что вся послевоенная история Франции вплоть до середины 60-х годов была отмечена глубоким воздействием фактора развала французской колониальной империи и вызванных им социально-экономических последствий.

Установление во Франции в 1958 г. Пятой республики имело серьезные последствия для ее колониальной поли-

тики. Генерал де Голль сумел понять неизбежность окончательного краха старого колониализма, его историческую обреченность. Первым из французских государственных деятелей он увидел «убыточность» империи, проистекавшую из тех огромных расходов, которые метрополия несла в колониях ради сохранения своего политического господства над ними. Главной статьёй непроизводительных расходов являлись дорогостоящие колониальные войны в Индокитае и Алжире, тяжелым бременем лежавшие на французской экономике. Уроки Индокитая и Алжира убедили президента де Голля в необходимости радикального пересмотра колониальной политики Франции. Превентивная деколонизация 13 африканских владений в 1958—1960 гг. позволила Франции, используя методы и средства неоколониализма, сохранить свое «присутствие» в Тропической Африке, в определенной мере ощущаемое до сих пор.

Ликвидация колониальной империи ускорила переход французского капитализма на путь форсированного промышленного развития, в результате которого он окончательно утратил прежний колониально-ростовщический характер и превратился в одну из разновидностей современного государственно-монополистического капитализма.

Завершение в целом распада французской колониальной империи к середине 60-х годов оказало глубокое позитивное воздействие на всю внутреннюю и внешнюю политику Франции. Именно с этого времени начинается подъем демократического движения в стране, а внешняя политика Пятой республики все в большей степени ориентируется на разрядку и сотрудничество с Советским Союзом, социалистическими и развивающимися странами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Колониальная империя Франции

Территория	Дата установления французского господства (год)	Дата достижения независимости (год) или нынешний статус
Магриб		
Алжир	1830	1962
Марокко	1912	1956
Тунис	1881-1883	1956
Французский Берег Сомали (Республика Джибути)	1862-1888	1977
Французская Экваториальная Африка		
Габон	1878	1960
Среднее Конго (Народная Республика Конго)	1880	1960
Убанги-Шари (Центрально-африканская Республика)	1910	1960
Чад	1900-1904	1960
Камерун	1922	1960
Французская Западная Африка		
Берег Слоновой Кости	1842-1893	1960
Сенегал	1854-1865	1960
Французский Судан (Мали)	1898-1902	1960
Верхняя Вольта	1902	1960
Мавритания	1898-1904	1960
Нигер	1898-1900	1960
Гвинея	1895	1958
Дагомея (Бенин)	1894	1960
Того	1922	1960
О-в Мадагаскар	1895-1898	1960
Коморские о-ва	1841	1975 *
О-в Реюньон	1638	заморский департамент Франции
Французская Индия		
Пондишери	1701	1954
Карикал	1739	1954
Махе	1726	1954
Янаон	1751	1954
Чандернагор	1688	1951
Французский Индокитай		
Камбоджа (Кампучия)	1863-1867	1954
Лаос	1885-1893	1954
Кохинхина	1863-1867	
Аннам	1883	1954
Тонкин	1883-1884	
Территория и бухта Гуанчжоувань	1898	1946

Приложение (окончание)

Территория	Дата установления Французского господства (год)	Дата достижения независимости (год) или нынешний статус
Левант		
Сирия	1919	1944—1945
Ливан	1919	1944—1945
Антильские о-ва и Америка		
О-в Гваделупа	1674	заморский департамент Франции
О-в Мартиника	1635	заморский департамент Франции
О-ва Сен-Пьер и Микелоп	1670	заморский департамент Франции
Французская Гвиана	1677	заморский департамент Франции
Тихоокеанские владения		
О-в Клиппертон	1711—1931	владение Франции
Новая Каледония и прилегающие о-ва	1853	заморская территория Франции
Новые Гебриды (Франко-британский кондоминиум, ныне Республика Вануату)	1906—1914	1980
Французская Полинезия		
Маркизские о-ва	1842	заморская территория Франции
О-ва Общества	1843	
О-ва Гамбье	1881	
архипелаг Туамоту	1880	
О-в Таити	1847—1880	
О-ва Тубуай	1880	
о-ва Уоллис и Футуна	1886	заморская территория Франции
Южные и Антарктические земли		
О-в Кергелен	1772	
О-ва Крозе	1771	
О-ва Сен-Поль и Амстердам	1843	
Земля Адели	1840	

* О-в Майотта, входящий в Коморский архипелаг, в феврале 1976 г. объявлен «территориальной единицей Французской республики».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- ¹ Guizot M. L'Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789. P., 1872, v. 1, p. 361—362.
- ² Цит. по: Hardy G. Histoire de la colonisation française. P., 1928, p. 7; Всемирная история. М., 1957, т. 3, с. 331.
- ³ Рассмотрение истории крестовых походов не входит в задачу автора. См. по этому вопросу: Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956; Он же. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 501.
- ⁵ Hardy G. Op. cit., p. 11.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 346.
- ⁷ Там же, т. 10, с. 431.
- ⁸ Там же, т. 23, с. 763.
- ⁹ Там же, т. 4, с. 135.
- ¹⁰ Цит. по: Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств: (конец XIV — начало XIX вв.). М.; Л., 1965, с. 182.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Blet H. Histoire de la Colonisation Française. Grenoble; Paris 1946. Т. 1. Naissance et déclin d'un empire. Des origines à 1815 p. 56—58.
- ¹³ Hanotaux G., Martineau A. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde. P., 1928, t. 1, p. 20—25.
- ¹⁴ Цит. по: Тарле Е. В. Указ. соч., с. 185.
- ¹⁵ Delavignette R., Julien Ch.-A. Les Constructeurs de la France d'outre-mer. P., 1946, p. 90.
- ¹⁶ Цит. по: Hardy G. Op. cit., p. 35—36.
- ¹⁷ Blet H. Op. cit., t. 1, p. 116.
- ¹⁸ Ibid., p. 120.
- ¹⁹ Подробно о французском проникновении в Индию см.: Канлан А. Б. Путешествие в историю: французы в Индии. 2-е изд., доп. М., 1979.
- ²⁰ Hanotaux G., Martineau A. Op. cit., t. 1, p. 267; Hardy G. Op. cit., p. 56.
- ²¹ История Франции: В 3-х т. М., 1972, т. 1, с. 272.
- ²² Там же, с. 304.
- ²³ Blet H. Op. cit., t. 1, p. 220.
- ²⁴ Ibid., t. 2. Les étapes d'une renaissance coloniale 1789—1870, p. 10
- ²⁵ Цит. по: Hardy G. Op. cit., p. 120.
- ²⁶ Ibid., p. 133.
- ²⁷ См. подробно: Трухановский В. Г. Адмирал Нельсон, М., 1980, с. 151—173.
- ²⁸ Delavignette R., Julien Ch.-A. Op. cit., p. 12—13.
- ²⁹ Цит. по: Hardy G. Op. cit., p. 166.
- ³⁰ Стендаль. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1978, т. 3, с. 272.

- ³¹ Там же, с. 303.
- ³² Цит. по: *Blet H.* Op. cit., t. 2, p. 162.
- ³³ *Ibid.*, p. 169.
- ³⁴ Цит. по: *Hardy G.* Op. cit., p. 198.
- ³⁵ *Blet H.* Op. cit., t. 2, p. 176.
- ³⁶ Цит. по: *Ganiage J.* L'Expansion de la France sous la Troisième République. P., 1968, p. 22.
- ³⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 374—375.
- ³⁸ Там же, с. 375.
- ³⁹ Там же, т. 4, с. 379.
- ⁴⁰ Там же, т. 27, с. 389.
- ⁴¹ Цит. по: *Vast H.* La plus grande France: Bilan de la France coloniale. P., 1909, p. 551.
- ⁴² *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции 1871—1891. М., 1952, с. 337—338.
- ⁴³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 384.
- ⁴⁴ Цит. по: *Ferry J.* Le Tonkin et la mère-patrie: Témoignages et documents. P., 1890, p. 105.
- ⁴⁵ *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1869—1895). М., 1956, с. 299.
- ⁴⁶ Цит. по: *Voûinats A., Paulus A.* L'Indochine française contemporaine. P., 1885, t. 2, p. 152.
- ⁴⁷ *Ferry J.* Op. cit., p. 36.
- ⁴⁸ История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1939, т. 8, с. 267.
- ⁴⁹ Подробно о французских захватах в Тропической Африке см.: *Субботин В. А.* Колонии Франции в 1870—1918 гг.: Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973.
- ⁵⁰ Цит. по: *Субботин В. А.* Указ. соч., с. 97.
- ⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 374.
- ⁵² Цит. по: *Hardy G.* Op. cit., p. 282.

Глава 2

- ¹ *Allain M.* Encyclopédie pratique illustrée des colonies françaises. P., 1931, t. 1, p. 1.
- ² *Поповкина Р. А.* Французские монополии в Индокитае: (накапуне второй мировой войны). М., 1960, с. 13, 16.
- ³ *La France d'outre-mer. Sa situation actuelle.* P., 1953, p. 167; *Поповкина Р. А.* Указ. соч., с. 19.
- ⁴ *Поповкина Р. А.* Указ. соч., с. 26—27; *Callis H. C.* Foreign capital in Southeast Asia. N. Y., 1942, p. 77.
- ⁵ *Поповкина Р. А.* Указ. соч., с. 30, 28.
- ⁶ В 1919 г. вывоз из Индокитая составлял 1050 млн. фр., в то время как импорт не превысил 752 млн. фр. См.: *Doucet R.* Les colonies françaises. Leur avenir économique, leur mise en valeur. P., 1921, с. 100.
- ⁷ *La France d'outre-mer,* p. 168.
- ⁸ *Callis H. C.* Op. cit., p. 82.
- ⁹ *Поповкина Р. А.* Указ. соч., с. 84—85.
- ¹⁰ *Deschamps H.* Les méthodes et les doctrines coloniales de la France (du XVI^e siècle à nos jours). P., 1953, p. 173.
- ¹¹ *Энтин Л. М.* Крушение империи. М., 1965, с. 35.
- ¹² *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, с. 447.

- ¹³ *Sarraut A.* La mise en valeur des colonies françaises. P., 1923, p. 276.
- ¹⁴ *Allain M.* Encyclopédie pratique illustrée des colonies françaises. P., 1931, t. 1, p. 2.
- ¹⁵ В том числе 92 батальона из Черной Африки; 17 — из Индокитая; 10 — из Мадагаскара и по одному батальону из Французского Сомали и Океании.
- ¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 177.
- ¹⁷ *Sarraut A.* Op. cit., p. 17—18.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 112.
- ¹⁹ *Roblin J.* L'approvisionnement de la France par ses Colonies. P., 1928, p. 264.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 163.
- ²¹ *Robequain Ch.* Les richesses de la France d'outre-mer. Structure économique et problèmes humains. P., 1949, p. 189.
- ²² *Cartier H.* Comment la France «civilise» ses colonies. P., 1932, p. 3—4.
- ²³ *Devèze M.* La France d'outre-mer: De l'Empire colonial à l'Union française 1938—1947. P., 1948, p. 18.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 20—21.
- ²⁵ *Yacono X.* Les étapes de décolonisation française. 2^{me} éd. P., 1975, p. 34.
- ²⁶ *Cartier H.* Op. cit., p. 58.
- ²⁷ Annuaire statistique de l'Union Française 1949—1954. P., 1956, p. 48.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 26.
- ²⁹ *Hardy H.* Op. cit., p. 255.
- ³⁰ Essai de démographie des colonies françaises. P., 1938, p. 6—7.
- ³¹ По материалам переписи 1951 г. профессиональный состав европейского населения французских владений выглядел следующим образом: администрация — 13%, армия — 21, торговля — 23, промышленность — 17, сельское хозяйство — 6, транспорт — 6, здравоохранение — 1, религия — 3, образование — 2, без занятий — 8%. (См.: Le Recensement de la population non originaire des Territoires d'outre-mer en 1951. P., 1956, p. 43).
- ³² *Hardy H.* Op. cit., p. 7.
- ³³ *Doucet R.* Commentaires sur la Colonisation. P., 1926, p. 42.
- ³⁴ Цит. по: *Yacono X.* Op. cit., p. 18.
- ³⁵ *Doucet R.* Op. cit., 1921, p. 1.
- ³⁶ *Roblin J.* Op. cit., p. 272, 273.
- ³⁷ *Allain M.* Op. cit., t. 1, p. 2.
- ³⁸ *Cartier H.* Op. cit., p. 3.
- ³⁹ *Doucet R.* Commentaires sur la colonisation, p. 15.
- ⁴⁰ *Devèze M.* Op. cit., p. 21.
- ⁴¹ *Ibid.*

Глава 3

- ¹ *Laurentie H.* L'Empire au secours de la Métropole. P., 1945, p. 28.
- ² *Голль Ш., де.* Военные мемуары. М., 1960, т. 2. Единство 1942—1944, с. 213.
- ³ Там же. М., 1957, т. 1. Призыв 1940—1942, с. 814.
- ⁴ Там же, с. 331.
- ⁵ См.: *Dehon E.* La Nouvelle politique coloniale de la France. P., 1945, p. 5.

- 6 *Gaulle Ch., de. Discours et messages 1940—1946. P., p. 457.*
- 7 *Stern J. Les colonies françaises: Passé et avenir. N. Y., 1943, p. 346.*
- 8 *Голль Ш., де. Указ. соч., т. 2, с. 42.*
- 9 Там же, с. 217.
- 10 *Annales de L'Assemblée Consultative Provisoire. Documents. P., 1951, Ann. N 246, p. 199.*
- 11 *Yacono X. Op. cit., p. 46.*
- 12 *Débats de L'Assemblée Consultative Provisoire. Paris, 1945, t. 2, séance du 20 mars 1945, p. 591.*
- 13 *Annales de L'Assemblée Consultative Provisoire: Documents, p. 372.*
- 14 *Débats de L'Assemblée Consultative Provisoire, t. 2, séance du 2 mars 1945, p. 266.*
- 15 *Ibid., seance du 19 mars 1945, p. 561.*
- 16 *Stern J. Op. cit., p. 41—42.*
- 17 *Annuaire statistique de l'Union Française outre-mer 1939—1940 (3^{me} éd.). P., 1951, t. 1, p. 232, 326, 329.*
- 18 *О конституции 1946 г. см. в кн.: Крутоголов М. А. Государственный строй современной Франции: (Четвертая республика). М., 1958.*
- 19 *Энгин Л. М. Указ. соч., с. 54—55.*
- 20 *Конституция и законодательные акты Французской республики (по состоянию на январь 1958 г.). М., 1958, с. 21.*
- 21 *Outre-mer 1958. Tableau économique et social des Etats et Territoires d'outre-mer à la veille de la mise en place des nouvelles institutions. P., 1960, p. 26—27.*
- 22 *Голль Ш., де. Указ. соч., т. 1, с. 210.*
- 23 Там же, т. 2, с. 28.
- 24 *Gaulle Ch., de. Mémoires de guerre. P., 1959, t. 3, Le Salut 1944—1946, p. 190.*
- 25 *Ibid., p. 193.*
- 26 *Ibid., p. 194.*
- 27 *L'Année politique 1944—1945. P., 1946, p. 133.*
- 28 *Gaulle Ch., de. Mémoires de guerre, p. 645.*
- 29 *Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Сер. 1, № 1. Нью-Йорк, 1946, с. 154—155.*
- 30 Там же, с. 163.
- 31 *Верг А. Франция 1940—1955 / Пер. с англ. М., 1959, с. 286—287.*
- 32 *Gaulle Ch., de. Mémoires de guerre, p. 226.*
- 33 *Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 164.*
- 34 *Gaulle Ch., de. Mémoires de guerre, p. 230.*
- 35 *Цит. по: Devillers Ph., Lacouture J. Vietnam de la guerre française à la guerre américaine. P., 1969, p. 18.*
- 36 *Devèze M. Op. cit., p. 211.*
- 37 *Правда, 1954, 11 мая.*
- 38 *Navarre H. Agonie de l'Indochine (1953—1954). P., 1958, p. 33.*
- 39 *Кадымов Г. Г. Путь к независимости (антиимпериалистическая борьба народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи 1945—1965). М., 1966, с. 53.*
- 40 *Jacquin H. La guerre secrète en Indochine. P., 1979, p. 169.*
- 41 *Ibid.*
- 42 *Цит. по: Débats de l'Assemblée Nationale, Séance du 23 oct. 1953. P., 1954, p. 4542.*
- 43 *Devillers Ph. Histoire du Viet-Nam de 1940 à 1952. P., 1952, p. 349.*
- 44 *Хо Ши Мин. Указ. соч., с. 497.*
- 45 *Devillers Ph. Op. cit., p. 7.*

- ⁴⁶ *Navarre H.* Op. cit., p. 70.
- ⁴⁷ Цит. по: *Débats de L'Assemblée Nationale, Séance du 23 oct. 1953*, p. 4543.
- ⁴⁸ *Navarre H.* Op. cit., p. 28.
- ⁴⁹ Цит. по: *Grosser A.* La IV^e République et sa politique extérieure. P., 1961, p. 292.
- ⁵⁰ *Верг А.* Указ. соч., с. 394.
- ⁵¹ *Débats de L'Assemblée Nationale, Séance du 18 mai 1953*, p. 2718—2719.
- ⁵² Цит. по: *Lacouture J., Dévillers Ph.* La fin d'une guerre. Indochine 1954. P., 1960, p. 47.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 45.
- ⁵⁴ *Vo Nguen Giap.* Dien Bien Phu. Hanoi, 1959, p. 29.
- ⁵⁵ *Lacouture J., Devillers Ph.* Op. cit., p. 91—92.
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 248—249.
- ⁵⁷ *Международная жизнь*, 1954, № 1, с. 150.
- ⁵⁸ *Bourdache C.* Les Années cinquante. P., 1980, p. 294, 328; *Georges A.* Charles de Gaulle et la guerre d'Indochine. P., 1947, p. 17; *Yacono X.* Op. cit., p. 77.
- ⁵⁹ *Лаврищев А. А.* Индокитайский вопрос после второй мировой войны. М., 1960, с. 95.
- ⁶⁰ *Montvalon R., de.* Ces pays qu'on n'appellera plus colonies. P., s. a., p. 25.
- ⁶¹ *Голль Ш., де.* Указ. соч., т. 2, с. 149.
- ⁶² Цит. по: *Рава Э.* Северная Африка на пути к независимости. М., 1960, с. 121.
- ⁶³ Низложение султана было прямым нарушением ст. 3 Фесского договора, которая гласила: «Правительство Республики берет на себя обязательство оказывать постоянную поддержку Его Шерифскому Величеству против всякой опасности, которая угрожала бы его личности или его трону, или которая нарушала бы спокойствие его государства. Такая же поддержка будет оказываться наследнику трона и его наследникам». См.: *Goulven J.* La France au Maroc. Vingt-cinq ans de protectorat (1912—1937). P., 1937, p. 12.
- ⁶⁴ *Le Monde*, 1956, 4—5 mars.
- ⁶⁵ *Ibid.*
- ⁶⁶ *Bourguiba H.* La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre. P., 1954, p. 300.
- ⁶⁷ *Le Monde*, 1956, 22 mars.
- ⁶⁸ *Devèze M.* Op. cit., p. 254.
- ⁶⁹ Цит. по: *Fajon E.* L'Avenir de l'Union Française. P., 1947, p. 8.
- ⁷⁰ Цит. по: *Borella F.* L'Evolution politique et juridique de l'Union Française depuis 1946. P., 1958, p. 268.
- ⁷¹ *Секу Туре.* Независимая Гвинея. М., 1960, с. 48.
- ⁷² См. подробно: *Энгин Л. М.* Крушение империи. М., 1965, с. 81—100.
- ⁷³ *Gaulle Ch., de.* Mémoires d'Espoir. Le Renouveau 1958—1962. P., 1970, p. 41.
- ⁷⁴ *Ibid.*, p. 41, 42.
- ⁷⁵ *Murville M. Couve, de.* Une politique étrangère 1958—1969. P., 1971, p. 24.
- ⁷⁶ См. подробно: *Энгин Л. М.* Указ. соч., с. 101—149.
- ⁷⁷ *Политика Франции в Азии и Африке: (1945—1964 гг.).* М., 1965, с. 285.

- ⁷⁸ Цит. по: *Энтин Л. М.* Указ. соч., с. 122.
- ⁷⁹ *Секу Туре.* Указ. соч., с. 12.
- ⁸⁰ См. подробно: *Ланда Р. Г.* Национально-освободительное движение в Алжире (1939—1962 гг.). М., 1962.
- ⁸¹ *Lacouture J.* Cinq hommes et la France. P., 1961, p. 38.
- ⁸² *Tournoux J.-R.* Op. cit., t. 1, p. 97.
- ⁸³ La révolution algérienne par les textes: Documentes du FLN présentés par André Mandouze. P., 1961, p. 159, 161.
- ⁸⁴ Проблемы мира и социализма, 1959, № 5, с. 51.
- ⁸⁵ La révolution algérienne par les textes, p. 29.
- ⁸⁶ *El-Moudjahid*, 1957, 15 nov.
- ⁸⁷ *Ларби Бузали.* Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957, с. 38—39.
- ⁸⁸ Les origines de la guerre d'Algérie. P., 1962, p. 320.
- ⁸⁹ Ibid., p. 321.
- ⁹⁰ Débats parlementaires. Assemblée Nationale, séance du 13 nov. 1954, p. 4961.
- ⁹¹ Ibid.
- ⁹² Ibid., p. 4968.
- ⁹³ Histoire du Parti communiste français (manuel). P., 1964, p. 573.
- ⁹⁴ Débats parlementaires. Assemblée Nationale, séance du 13 nov., 1954, p. 4955.
- ⁹⁵ Цит. по: *Grosser A.* Op. cit., p. 185.
- ⁹⁶ Цит. по: *Duclos J.* La France et l'Algérie. P., 1955, p. 20.
- ⁹⁷ *Salan R.* Mémoires. Fin d'un Empire. P., 1972, t. 3. «Algérie française» 1^{er} novembre 1954—6 juin 1958, p. 151—152.
- ⁹⁸ *Courrière Y.* La guerre d'Algérie. P., 1970, t. 3, L'heure des colons, p. 160.
- ⁹⁹ *Montvalon R., de.* Op. cit., p. 14.
- ¹⁰⁰ *Lacouture J.* Op. cit., p. 174.
- ¹⁰¹ Цит. по: *Courrière Y.* Op. cit., p. 265—266.
- ¹⁰² Обстоятельства, связанные с государственным переворотом 13 мая 1958 г., детально проанализированы советскими исследователями. См.: *Молчанов Н. Н.* Четвертая республика. М., 1963, с. 531—561; *Рубинский Ю. И.* Пятая республика: Политическая борьба во Франции в 1958—1963 годах. М., 1964, с. 13—102; *Черкасов П. П.* Агония империи: Политические кризисы, военно-колониалистские путчи и заговоры во Франции в период алжирской войны 1954—1962 гг. М., 1979, с. 54—103.
- ¹⁰³ *Gaule Ch., de.* Mémoires d'Espoir, p. 44.
- ¹⁰⁴ Ibid.
- ¹⁰⁵ Ibid., p. 48.
- ¹⁰⁶ *Courrière Y.* Op. cit., p. 262.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Ferro M.* De Gaulle et l'Amérique. Une amitié tumultueuse. P., 1973, p. 358.
- ¹⁰⁸ L'Année politique 1958. P., 1959, p. 544.
- ¹⁰⁹ Ibid.
- ¹¹⁰ *Salan R.* Mémoires, t. 3, p. 396.
- ¹¹¹ *Salan R.* Mémoires: Fin d'un Empire. P., 1974, t. 4. L'Algérie de Gaulle et moi. 7 juin 1958 — 10 juin 1960, p. 136.
- ¹¹² Le Monde, 1958, 25 oct.
- ¹¹³ Цит. по: *Потемкин Ю. В.* Алжирский народ в борьбе за независимость. М., 1962, с. 39.
- ¹¹⁴ La Nouvelle Critique, 1961, janv.

- ¹¹⁵ *Gaule Ch., de. Discours et messages. P., 1970, t. 3. Avec le Renouveau: Mai 1958 — juillet 1962, p. 117.*
- ¹¹⁶ *L'Humanité, 1959, 27 oct.*
- ¹¹⁷ См. подробно: *Черкасов П. П. Указ. соч., с. 104—165.*
- ¹¹⁸ *Le Monde, 1960, 5, 9 mars.*
- ¹¹⁹ *Gaule Ch., de. Discours et messages, p. 228, 229.*
- ¹²⁰ *Gaule Ch., de. Mémoires d'Espoir, p. 96.*
- ¹²¹ См.: *Черкасов П. П. Указ. соч., с. 166—212.*
- ¹²² *Le Figaro, 1961, 27 avr.*
- ¹²³ Цит. по: *Passeron A. De Gaulle parle 1962—1966. P., 1966, p. 361.*
- ¹²⁴ См. подробно: *Ковальская А. С. На пути к свободе: Борьба за независимость народов колоний и зависимых территорий западного полушария после второй мировой войны. М., 1973, с. 77—115.*
- ¹²⁵ *Le Monde, 1974, 24 déc.*
- ¹²⁶ *Ibid., 1980, 4 juil.*
- ¹²⁷ *Правда, 1980, 31 июля.*
- ¹²⁸ *Le Monde, 1982, 12 févr.*
- ¹²⁹ *Ibid., 1981, 29 sept.*
- ¹³⁰ *Guillebaud J.-C. Les Confettis de l'Empire. P., 1976, p. 56.*

Заключение

- ¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 305.*
- ² *Коммунист, 1982, № 15, с. 13.*
- ³ *Гаврилюк В. В. Распад французской колониальной империи. М., 1962, с. 159.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас Ф.** 131, 132, 145, 146, 154
Абдаллах А. 161
Абд-аль-Кадер 28, 29, 72
Абд-аль-Керим 71
Абд-эль-Азиз 48
Абд-эль-Малех 48
Ахмед А. 131
Али Ареф 162
Александр I 26
Александр Македонский 24
Александр VI, папа 11
Алексей Комнин 5
Алессанри 96
Алан М. 58, 68
Андре М. 100
Арди Ж. 8, 65, 66
Аржанль Т., д'100
Арман 37
Аршинар Л. 42
Ахмаду 42

Балланже Р. 136
Вальбоа В. Н. 11
Балдуин 7
Бао Дай 95, 96
Башир Хафи Али 133
Бевиан Э. 92
Беделл-Смит У. 107
Бейне 91, 92
Белькасем Крым 131
Бен Арафа М. 112—114
Бен Белла А. 131, 132, 140, 154
Бен Булайд 131
Бен Мхиди 131
Берье 20
Бидо Ж. 93, 101, 104—107, 113, 143
Бяжо 124
Били 142
Бисмарк О. 35
Битат Р. 131
Бишар-аль-Хури 88
Бле А. 31, 32
Блюм Л. 72, 101
Вокаж М., дю 18
Боскенар Ф., де 41
Бразза П. С., де 43, 124
Брасар 21
Бриссо Ж. П. 23
Брюн 24
Буаламбер Э., де 78
Буалем Ш. 152
Бугенвиль Л. А., де 21, 22
Буднаф 131
Буланже Ж. 33
Буларуф Т. 155
Бумеджелъ А. 145, 146, 155
Бурбоны 25, 27, 28
Бурмон, де 28
Бухали Ларби 134
Бюлов Б., фон 47

Валлюк 101
Вальдивия П., де 10

Вейган М. 89
Вермандуа Г. 7
Верт А. 95, 103, 104
Веспуччи А. 10
Виктория, королева 38, 47
Вильгельм II 47, 48
Вильнёв П. Ш. 26
Вильсон Г. 48
Виолетт М. 72
Во Нгуен Знап 105

Гайяр Ф. 141—143
Галлиени Ж. С. 42, 46, 124
Гама В., да 10
Гамбьез Ф. 150, 154
Гах Е. Ю. 4
Генрих IV 14, 15, 169
Гийом О. 112
Гийома П. 146
Гиллебо Ж. К. 166
Гогель Ф. 146
Годар И. 139
Годфрид Бульонский 7
Голь Ш., де 3, 75—81, 86—89, 91, 92, 95—98, 106, 123—126, 129, 144—149, 151—157, 171, 172
Грени Ж. 33
Грегуар А. 22
Григорий VII, папа 5
Гуэн Ф. 93
Гэй Ф. 92

Д'Аламбер Ж. Л. 56
Даллес Дж. Ф. 106, 107
Дампир У. 18
Дебре М. 150
Дебесс 101
Девез М. 64, 73, 97
Девиллер Ф. 102, 107
Деклерк П. 167, 168
Деку 94, 95
Делуврне П. 150, 154
Денар Б. 161
Дерулед П. 33
Деффер Г. 122
Дешан Ю. 55
Диаш Б. 10
Дидро Д. 56
Дидуш 131
Дизраэли Б. 40
Дрио 35
Думер П. 49, 51, 68
Дусэ Р. 67, 69
Дюбарри 20
Дюмон д'Юрвиль Ж. С. С. 29
Дюперре 28
Дюше Р. 143
Дюшен Ш. 46

Жакино Л. 146
Жакэн А. 100
Жискар д'Эстен В. 159, 160

Жозефина, императрица 24
Жолен Р. 159
Жоннар 59
Жуо Э. 142, 148, 155
Жюэн А. 111, 112

Золлер А. 148, 155

Иден А. 107
Исмаил 40

Кавелье де ла Салль Р. 18
Кадымов Г. Г. 100
Камфон Ж. 48
Кан Д. 10
Карл V Габсбург 11, 13
Карл VI Габсбург 19
Карл X 28
Карл Смелый 11
Картье А. 61, 64, 68
Картье Ж. 13, 14
Кассини Ж. Д. 17
Кастри, де 104, 106
Катру Ж. 86, 87, 89
Кергелен-Трема-рек И.-Ж., де 22
Кесада Г. 10
Кидер 131
Кидерлен-Вехтер А., фон 48, 49
Килишини 101
Китченер Г. Г. 44, 45
Клебер Ж. Б. 23
Клиппертон 18
Клушина Т. В. 4
Колинья Г., де 14
Колумб X. 10
Кольбер Ж.-Б. 16, 17, 55, 66, 169
Кондорсе Ж. А. 22
Коньо Ж. 103, 104
Коппе М., де 120, 121
Кортес Э. 11
Кот П. 101
Кош Ф. 16
Крепэн 154
Кув де Мюрвиль М. 125
Кузен Ж. 13
Кук Дж. 21
Купер Д. 91
Курьер И. 139

Лабонн Э. 111, 112
Лакутюр 107
Лалли 20
Ламбер Т. 16
Ланьель Ж. 105, 106, 113, 117
Лаперуз Ж.-Ф. 21, 22, 29
Лармина, де 92
Латтр де Тассинья Ж. М. Г., де 76
Латуш-Тревиль 24
Лафайет Ж., де 22, 23
Лебрэн А. 68
Лежен М. 146
Леклерк 25

- Леклерк де Отклок Ф. 76
 Ленин В. И. 34, 35, 46, 57, 58, 170
 Лёсс В., де 155
 Ли Т. 93
 Ливингстон 25
 Линн У. 164
 Лютэ Ю. 48, 68, 124
 Ллойд Джордж Д. 48
 Лоранти А. 75
 Лубе Э. 47
 Луи-Филипп 28, 29
 Людовик VII 7
 Людовик IX Святой 7, 11
 Людовик XIII 15
 Людовик XIV 16, 19, 169
 Людовик XV 20—22
 Магеллан Ф. 10
 Мак-Магон Э. П. 33
 Макоко — 43
 Максимилиан I Габсбург 33
 Малюэ 22
 Манфред А. 3. 35
 Маркс К. 9, 11, 12
 Мартино А. 66
 Маршан Ж. Б. 45
 Массигли Р. 91, 92
 Массю Ж. 138, 139, 147
 Мейер Р. 117
 Мендес-Франс П. 106, 107, 113, 117, 118, 132, 134, 136,
 Менендес 14
 Мессали Хадж 131
 Мехмед II 9
 Мирабо О. Г. 22
 Миттеран Ф. 3, 132, 165
 Молле Г. 118, 140, 148
 Монвалон Р., де 110, 140
 Моннервиль Г. 80
 Монро Дж. 25
 Монс Ж. 116
 Монсеф 115, 116
 Монтегкье Ш. Л., де 56
 Морис А. 143, 154
 Моран Ж. 154
 Мулай Хафид 48, 49
 Мутэ М. 101
 Мухаммед ас Садок 41
 Мухаммед V 110—112, 114
 Мэрфи Р. 142
 Наварр А. 99, 102—104
 Наполеон I 23—26
 Наполеон III 18, 24, 30—33
 Насер Г. А. 131
 Нельсон Г. 23, 26
 Нородом Сианук 95
 Олива-Роже 91
 Олье 154
 Орельяна Ф., де 10
 Ориоль В. 116
 Охеда М., де 10
 Паве 36
 Палевский Г. 145
 Петэн А. Ф. 76
 Пино К. 118
 Пинэ А. 117, 143
 Писарро Ф. 10, 11
 Польмье де Гонвиль Б. 13
 Помаре 29
 Помпадур Ж. А., де 20
 Помпиду Ж. 150, 155
 Помпад П. 140
 Пэлл 92
 Раймунд Тулузский 7
 Рамадье П. 112
 Ранавалона III 46
 Рейно П. 102
 Реньо 49
 Риад Сольх 88
 Рибо Ж. 14
 Ришелье А. Ж., де 3, 15, 16, 66, 169
 Робекэн Ш. 61
 Робеспьер М. 23
 Роблан Ж. 60, 61, 67
 Розенберг А. 145, 146
 Рок де Роберваль Ж.-Ф., де ла 13, 14
 Ротшильд 155, 166
 Сабатье 96
 Салан Р. 138, 139, 147—150, 155
 Самори 42
 Сарро А. 56, 59—61
 Себастиани 29
 Седиль 98
 Сеймур 40
 Секу Туре А. 123, 126
 Сенгор Л. С. 120
 Сен-Мери М., де 20
 Сиди Ламин 116
 Сиейес 23
 Солсбери Р. А. Т. 45, 47
 Спирс Э. 89
 Стендаль 28
 Стери Ж. 76, 81
 Страбон 11
 Сустель Ж. 142, 143
 Суфанувонг 95
 Талейран Ш. М. 24
 Тардые А. 67
 Тевфик 40
 Терренуар Л. 155
 Торез М. 151
 Туссен-Лувртур Ф. Д. 25
 Урбан II, папа 5—7
 Ускова Э. И. 4
 Уфуэ-Буаньи Ф. 120
 Фам Ван Донг 98, 107
 Федерб Л. 32, 41, 42
 Ферри Ж. 33, 34, 37, 38
 Филипп I 5, 7
 Филипп II 14
 Филипп Орлеанский 19
 Фор Э. 113, 114
 Франко Ф. 115
 Франциск I 3, 11—14, 169
 Хабиб Бургнба 72, 117, 119, 142
 Халид 71
 Хасан Гулед Антидэн 162
 Хо Ши Мин 73, 96, 99, 101, 102, 104
 Чан Кайши 99
 Черчилль У. 91
 Шабал-Дельмас Ж. 152, 160
 Шалль М. 140—151, 153, 155
 Шамплен С. 15
 Шаскрен М., де 14
 Шатору 20
 Шеванс М. 79
 Шеник 116
 Шельшер В. 30
 Шмальц 27
 Шуазэль Э. Ф., де 21
 Шукри Куатли 89
 Эдуард VII 47
 Эли П. 147, 155
 Эллэ Ж. 88
 Эмманюэли А. 165
 Энгельс Ф. 8, 9
 Энтин Л. М. 55, 82
 Юроль Ж. 159
 Яконо К. 79

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава 1. Созданиe французской колониальной империи	5
Глава 2. «Освоение» заморских владений	49
Глава 3. Крушение империи	74
Заключение	169
Приложение	173
Примечания	175
Указатель имен	182

Петр Петрович Черкасoв

СУДЬБА ИМПЕРИИ

(Очерк колониальной экспансии Франции в XVI—XX в.)

Утверждено к печати Редакцией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства О. Б. Константинова

Художник В. П. Хлебников. Художественный редактор Н. А. Фильчагина

Технический редактор С. Г. Тихомирова. Корректор Г. М. Котлова

ИБ № 26296

Сдано в набор 14.02.83. Подписано к печати 14.04.83. Т-09308. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 10,40. Тираж 50 000 экз.
Тип. зак. № 2522 Цена 70 коп.

Издательство «Наука» 117884 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я тип. издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10



**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»**

**ГОТОВИТСЯ
К ПЕЧАТИ
КНИГА:**

СОГРИН В. В.

Основатели США. Исторические портреты. 10 л. 65 к.

Политических деятелей, заложивших в США основы государства, партий, идейных традиций, американцы называют «отцами-основателями» страны. Во все времена в стране насаждался их культ, поколения историков и писателей состязались друг с другом в выявлении и восхвалении добродетелей «отцов-основателей». Автор раскрывает несостоятельность как созданных буржуазными авторами мифов об «отцах-основателях» США, так и мифов о неразрывной

связи современной политики Вашингтона с их идеалами и деяниями.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:
480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.